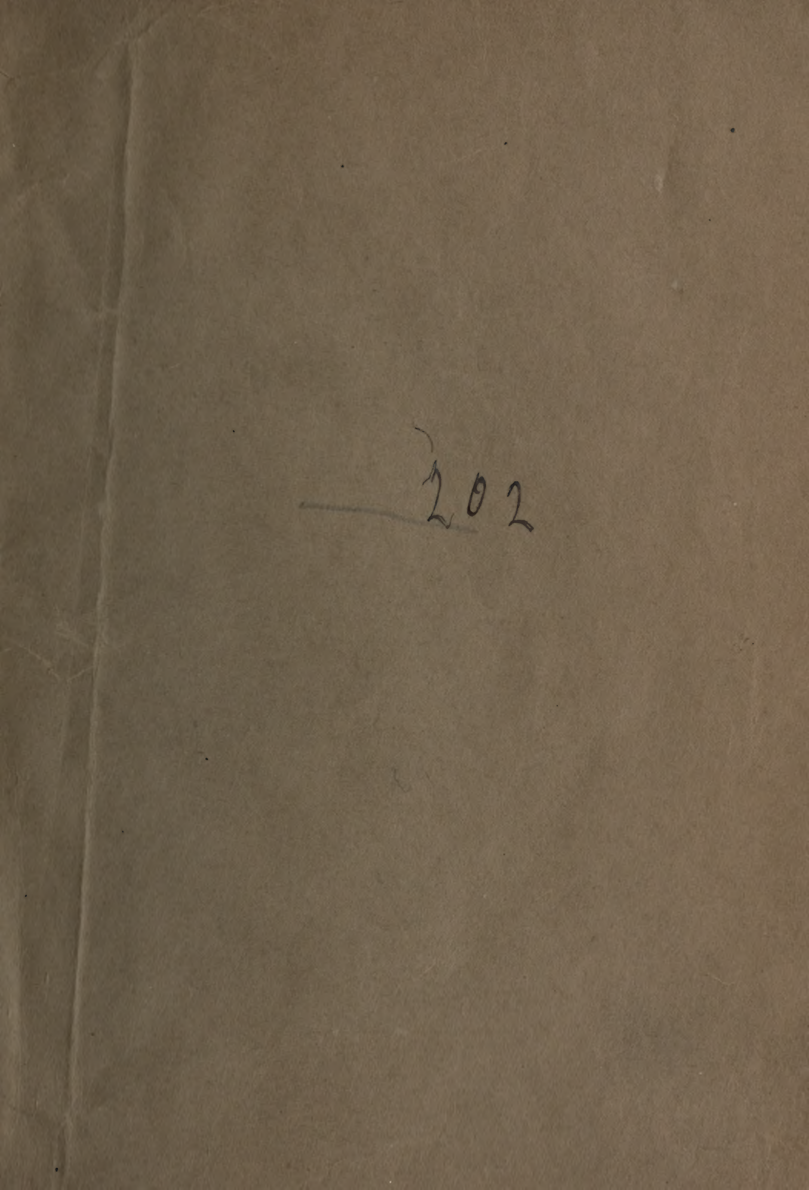
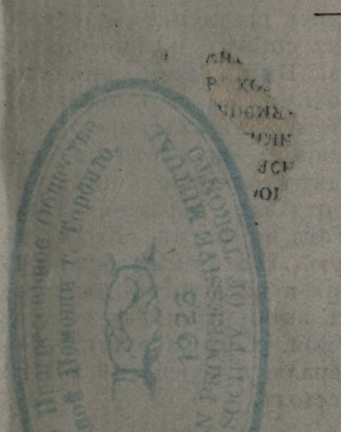
3 1761 04206 4790


202

Паденіе царской власти.

(Рѣчь простымъ людямъ о событіяхъ въ Россіи).



...Израильтяне пришли къ Ровоаму и сказали:

Отецъ твой наложилъ на насъ тяжкое иго, ты же облегчи намъ тяжкое иго, которое онъ наложилъ на насъ, и тогда мы будемъ служить тебѣ.

И отвѣчалъ царь народу сурово и сказалъ:

Отецъ наложилъ на васъ тяжкое иго, а я увеличу иго ваше; отецъ мой наказывалъ васъ бичами, а я буду наказывать скорпіонами.

...И отвѣчалъ народъ царю и сказалъ: какая намъ часть въ домѣ Давидовомъ!... По шатрамъ своимъ, Израиль!

И отложился Израиль отъ дома Давидова до сего дня.

(III книга Царствъ XII, 3—19).

I.

Вступленіе.

Я живу въ Полтавѣ, и здѣсь мнѣ пришлось пережить 1905 годъ, когда послѣ народныхъ волненій вышелъ манифестъ о созывѣ Государственной Думы, и минувшій 1917 годъ, когда пришли извѣстія объ отказѣ царя отъ престола и въ Россіи водворилась революція.

Уже въ 1905 году я видѣлъ, что простые люди, мало читающіе газеты и не умѣющіе въ нихъ какъ слѣдуетъ разбираться, часто совершенно не понимали, что тогда происходило по всей Россіи. Народъ ловилъ всякіе смутные и невѣрные слухи и готовъ былъ довѣрять всякимъ подстрекателямъ. Говорили, что во всемъ виноваты рабочіе, подкупленные не то японцами, не то англичанами. Объ этомъ приказано было говорить даже священ-

никамъ въ церквахъ, но впослѣдствіи эту выдумку само правительство вынуждено было опровергнуть. Въ Юго-Западномъ краѣ, гдѣ много евреевъ,—„смуту" приписывали евреямъ, которые будто бы хотятъ назначить своего царя. Вообще, говорили много небылицъ.

Въ то время многіе старались разъяснить простому народу смыслъ происходившихъ событій и значеніе манифеста 17-го октября 1905 года. Вышло много книжекъ. Въ нихъ говорилось, между прочимъ, что за тѣ права, которыя царь обѣщалъ въ манифестѣ, у всѣхъ народовъ,—у однихъ—раньше, у другихъ—позже,—шла великая борьба, и, разъ получивъ ихъ, ни одинъ народъ отъ нихъ уже никогда не отказывался и не отдавалъ обратно. Такія обѣщанія народамъ нельзя давать на-вѣтеръ. Кто сѣетъ такой вѣтеръ, тотъ пожнетъ бурю. И это оказалось правдой: царь не сдержалъ обѣщанія и не захотѣлъ въ трудную минуту править вмѣстѣ съ выборными изъ народа, то-есть съ Государственной Думой. Онъ распустилъ Государственную Думу 26-го февраля, а черезъ нѣсколько дней послѣ этого потерялъ престолъ.

И опять многіе жители городскихъ окраинъ, жители дальныхъ селъ, деревень и хуторовъ не знаютъ, въ чемъ дѣло, откуда пришло это и куда приведетъ Россію. Для нихъ эти событія—какъ дальняя гроза: гдѣ-то гремитъ, гдѣ-то полыхаетъ молнія и дрожитъ земля... И простые люди спрашиваютъ въ тревогѣ: откуда пришла гроза, что сдѣлалось тамъ, въ столицахъ, можетъ ли земля быть безъ царя и кто же теперь будетъ править? И опять появляются тревожные слухи, дурные люди начинаютъ нашептывать злыя слова. На этотъ разъ имъ уже трудно сваливать все на однихъ рабочихъ или на евреевъ: всѣмъ видно, что противъ царскаго правительства поднялись всѣ —генералы, офицеры, солдаты, рабочіе, горожане и даже многіе царскіе чиновники. За Петроградомъ тронулась Москва, а за Москвой—вся земля. Царь, не сдержавшій обѣщаній, ушелъ. Русская земля взяла свою судьбу въ собственныя руки.

Я хочу разсказать въ дальнѣйшемъ, какъ и отчего это

вышло, но такъ какъ это началось давно и имѣетъ свои корни въ нашемъ прошломъ, то намъ придется хоть вкратцѣ оглянуться назадъ.

II.

Домъ Романовыхъ.—Валъ, отдѣляющій царей отъ народа.—Петръ Великій и Александръ II.—Народныя надежды.—Ходоки къ царямъ.

300 лѣтъ съ небольшимъ прошло, какъ въ Россіи прекратился домъ Рюрика. Законныхъ царей не стало. Въ Москвѣ засѣли поляки, съ которыми Россія была тогда въ войнѣ. Народу самому пришлось тогда и оборонять государство, и водворять порядокъ. Народное ополченіе справилось съ непріятелемъ, а для водворенія порядка былъ въ Москвѣ созванъ Земскій Соборъ.

Народъ считалъ, что тогдашняя смута происходила только отъ того, что прекратился законный царскій родъ: цари стали мѣняться и спорить о власти. И всѣ думали, что если наслѣдственная царская власть утвердится прочно, тогда все пойдетъ хорошо. Поэтому Земскій Соборъ избралъ царемъ Михаила Ѳедоровича изъ дома Романовыхъ, и съ тѣхъ поръ самъ народъ болѣе въ правленіе не вмѣшивался, ожидая всего отъ законныхъ царей.

Черезъ сто съ лишкомъ лѣтъ послѣ этого шведскій дипломатъ Маріанъ, пріѣзжавшій въ Россію, писалъ о ней слѣдующее:

„Нѣтъ на свѣтѣ столько недовольныхъ, какъ въ Россіи, гдѣ правительство нисколько не заботится о благѣ народа и гдѣ сильные столь безнаказанно притѣсняютъ бѣдныхъ и безпомощныхъ. Недовольныхъ тьма и въ столицахъ, и во всей имперіи, хотя жалобы слышны лишь въ бесѣдахъ между близкими".

Въ Россіи тогда царствовала Анна Іоанновна, а всѣми дѣлами правилъ ея любимецъ Биронъ. Его правленіе памятно чрезвычайной жестокостью и несправедливостью. За всякое слово противъ него, за попытки жалобъ или за простой ропотъ людей сажали въ тюрьмы, пытали, предавали казнямъ. Народъ голодалъ, терпѣлъ и молчалъ.

Маріанъ говоритъ, что царица ничего не знала и,— что всего хуже,—не хотѣла и не могла знать. Она была совершенно недоступна для своего народа. „До нея никакія жалобы не доходятъ. **Она окружила себя высокимъ валомъ**".

Это было писано въ 1738 году. Съ тѣхъ поръ утекло много воды, но высокій валъ, изъ-за котораго до царей не достигалъ голосъ народа, неизмѣнно окружалъ престолъ Романовыхъ. Это всѣмъ извѣстно, русскіе писатели много говорили объ этомъ и называли этотъ валъ между царемъ и народомъ „средостѣніемъ". Это средостѣніе—временщики, любимцы, приближенные, министры, высшее чиновничество и знатное дворянство.

Русская литература всегда, сколько могла, боролась съ ними. Великій поэтъ Лермонтовъ писалъ о нихъ:

„Вы, дружною толпой стоящіе у трона,
Свободы, совѣсти и чести палачи!
Стоите вы подъ сѣнію закона,
Предъ вами судъ и правда—все молчи!"

Простой народъ тоже зналъ это и говорилъ со вздохомъ: „До Бога высоко, до царя далеко!"

Но русскій народъ былъ народъ темный и простодушный; татарское иго надолго задержало его просвѣщеніе и государственное развитіе. У него не было такихъ учрежденій, какія уже были у другихъ народовъ. Онъ не смѣлъ разсуждать свободно о правленіи царей и ни въ чемъ не винилъ ихъ. Въ своихъ пѣсняхъ онъ называлъ царей „Надежа-государь" и все ждалъ: когданибудь явится такой царь, который догадается раздвинуть окружающій его валъ, удалитъ дурныхъ совѣтниковъ и выйдетъ къ своему народу. И тогда для Россіи настанетъ счастіе. При каждой перемѣнѣ царствованія у народа эта надежда оживала: вотъ этотъ новый царь и будетъ настоящій народный царь, который выслушаетъ голосъ народа и будетъ царствовать по правдѣ... Но эта мечта о царской правдѣ неизмѣнно обманывала. Новый царь скоро тоже оказывался окруженнымъ тѣмъ же ва-

ломъ. Прежнихъ любимцевъ смѣняли новые, но и новые правили по-старому.

Правда, вся даже неграмотная Россія знаетъ имена Петра Великаго и Александра II. Петръ понялъ, что Россіи дольше нельзя оставаться во тьмѣ и невѣжествѣ, и сильной рукой двинулъ ее по пути просвѣщенія. Имя Александра II навсегда связано съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Но Петръ Великій былъ человѣкъ суровый и жестокій и, не щадя себя, не щадилъ также своего народа. Роскошныя зданія основанной имъ новой столицы стоятъ на костяхъ десятковъ тысячъ людей, которыхъ онъ безпощадно сгонялъ на работы со всѣхъ концовъ земли. Вообще онъ возвеличилъ Россію, какъ государство, среди другихъ народовъ и положилъ начало просвѣщенію, но, болѣе занятый войнами, прямо для своего народа онъ сдѣлалъ не такъ много, какъ было нужно.

Александръ II въ началѣ царствованія казался настоящимъ народнымъ царемъ. Онъ освободилъ крестьянъ, далъ Россіи новые суды и ввелъ выборныя земскія и городскія учрежденія. Но онъ не довелъ этого дѣла до конца. Земскія учрежденія сдѣлалъ односторонне сословными съ малымъ представительствомъ крестьянъ, а въ городскія думы попали почти только домовладѣльцы и купцы. Потомъ вдобавокъ онъ самъ какъ-будто испугался и того, что сдѣлалъ. Со второй половины царствованія онъ сталъ портить и умалять дѣла собственныхъ рукъ. Скоро валъ, о которомъ говорилъ Маріанъ, „средостѣніе", о которомъ писали русскіе писатели, сомкнулись опять и окончательно отдѣлили „царя-освободителя" отъ его народа.

Народъ не сразу этому повѣрилъ. Кто помнитъ 70-ые и начало 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, тотъ знаетъ, какое множество мужиковъ съ просьбами направлялось тогда къ царю. Въ народѣ жила вѣра въ царя, который освободилъ его. Онъ не хотѣлъ повѣрить, что и этого царя отдѣлили навсегда отъ народа, что и онъ скрылся за валомъ. Деревенскіе ходоки цѣлыми тучами, какъ

мотыльки на огонь лампы, или какъ морскія птицы на фонарь маяка, стремились въ Петербургъ. Тамъ ихъ не допускали къ царскому дворцу, ловили, отправляли по этапамъ.

Я лично въ своей молодости встрѣчался въ ссылкѣ съ такими ссыльными мужиками изъ ходоковъ. Въ ихъ числѣ былъ одинъ, Ѳедоръ Богданъ, крестьянинъ Радомысльскаго уѣзда, Кіевской губерніи, которому удалось хитростью прорваться во время смотра въ Москвѣ и подать самому царю Александру II просьбу въ собственныя руки. Ничего изъ этого не вышло, а Богданъ попалъ въ ссылку въ лѣса Вятской губерніи. И онъ говорилъ мнѣ:

— Когда я сидѣлъ въ своей деревнѣ и пахалъ землю, то думалъ, что и весь хорошій народъ сидитъ дома и спокойно занимается своими дѣлами, а въ тюрьмахъ сидятъ только дурные люди. А какъ погнали меня за мою вѣру въ царскую правду по тюрьмамъ да по этапамъ, то мнѣ кажется, что и весь хорошій народъ теперь въ тюрьмахъ и этапахъ. Кого тутъ я не перевидалъ: и мужики, и студенты, и рабочіе, и одинъ членъ земской управы. Не воры и не мошенники, какъ я не воръ и не мошенникъ. Вся земля хочетъ правды, да видно ее опять спрятали.

И у него уже не было вѣры въ царя. Слушали его еще пять такихъ ходоковъ, и у нихъ тоже не было этой вѣры.

Вообще тогда началась великая ссора у лучшихъ русскихъ людей съ лучшимъ царемъ изъ дома Романовыхъ. Всѣмъ извѣстно, какъ печально погибъ Александръ II. Въ народѣ распускались слухи, будто его убили помѣщики за то, что онъ отнялъ у нихъ крѣпостныхъ. Но это—неправда. Во вторую половину своего царствованія онъ удалилъ отъ себя всѣхъ прежнихъ совѣтниковъ, которые съ нимъ работали надъ дѣломъ освобожденія. Они говорили ему, что нельзя останавливаться на полпути, надо вести дѣло освобожденія дальше. Но онъ не послушалъ ихъ и приблизилъ къ себѣ враговъ

освободительнаго движенія, которые старались изо всѣхъ силъ вернуть что только можно изъ стараго. Царь, сдѣлавшій смолоду много хорошаго, захотѣлъ остановить великій народъ, двинувшійся впередъ къ свободѣ отчасти по его призыву. Онъ погубилъ много хорошихъ людей, которые хотѣли продолжать его дѣло,—и погибъ самъ.

Какъ бы то ни было, онъ все-таки сдѣлалъ большое дѣло, и, несмотря на великія ошибки второй половины царствованія, его имя навсегда связано съ освобожденіемъ крестьянъ, съ новыми судами и выборными земскими и городскими учрежденіями.

III.

Александръ III.

Сынъ его ни въ чемъ уже не походилъ на отца.

Ему говорили, что теперь нельзя уже управлять, не зная нуждъ народныхъ, и что необходимо призвать выборныхъ отъ всего народа. Но онъ послушался другихъ совѣтниковъ, которые его убѣдили, что его отецъ погибъ именно оттого, что далъ свободу.

Вообще, Александръ III приблизилъ къ себѣ самыхъ худшихъ, самыхъ ненавистныхъ совѣтниковъ, самъ заперся въ Гатчинскомъ дворцѣ, рѣдко показывался даже въ Петербургѣ, и предоставилъ министрамъ уничтожать все хорошее, что оставалось еще отъ реформъ Александра II. Онъ сократилъ число выборныхъ отъ крестьянъ въ земствѣ, ввелъ земскихъ начальниковъ, ухудшилъ новые суды, раздавалъ бывшимъ помѣщикамъ и дворянству народныя деньги, возобновилъ позорное тѣлесное наказаніе для крестьянъ и прямо ненавидѣлъ народное образованіе. На докладахъ онъ собственноручно писалъ: „Бѣда въ томъ, что мужики отдаютъ дѣтей въ гимназію". Его министръ народнаго просвѣщенія Деляновъ издалъ чудовищный приказъ, чтобы гимназическое начальство опрашивало учениковъ:- богаты ли ихъ родители, занимаютъ ли хорошую квартиру и сколько у нихъ прислуги.

Это за тѣмъ, чтобы дѣтей бѣдняковъ удалять изъ гимназій и не допускать туда „кухаркиныхъ и мужицкихъ сыновей". И царь одобрялъ эти приказы своими собственными резолюціями.

Въ народѣ скоро угасла всякая надежда на этого царя, и даже ходоки больше не пытались дойти до него. Онъ скрылся отъ народа за глухими стѣнами своихъ дворцовъ, интересовался жизнью дворянъ и придворныхъ и удивлялъ всѣхъ незнаніемъ и невниманіемъ къ самымъ важнымъ событіямъ русской жизни.

Извѣстно, напримѣръ, что въ 1891—1892 годахъ Россію постигъ великій голодъ, какого не было еще со времени Бориса Годунова. Уже въ два предыдущіе года былъ неурожай, который повторился и на третій. Въ своей книгѣ „Въ голодный годъ" я приводилъ отзывы одного священника объ этомъ страшномъ бѣдствіи. Онъ писалъ: „Какъ священникъ и проповѣдникъ евангельской истины, скажу слѣдующее: идетъ бѣда за бѣдой, погибла жатва въ полѣ, истлѣли зерна подъ глыбами земли, опустѣли житницы, не стало хлѣба. Стонетъ скотъ и падаетъ, уныло ходятъ стада воловъ, томятся овцы. Милліоны деревьевъ въ лѣсахъ погорѣли. Огненная стѣна и столбы дыма были кругомъ... Слышится голосъ пророка Софоніи: „все истреблю съ лица земли, говоритъ Господь: истреблю людей, скотъ и звѣрей, истреблю птицъ пернатыхъ и рыбъ".

Министры старались скрыть и это великое бѣдствіе и отказать народу въ помощи. Но выборные люди въ земствахъ заговорили въ одинъ голосъ, такъ что пришлось все-таки признать огромную народную бѣду, пришлось много десятковъ милліоновъ выдать на продовольствіе и обсѣмененіе. Но это было сдѣлано поздно, и много народу умерло отъ голода и болѣзней.

За голодомъ пришла холера. Она шла изъ Персіи, проникла къ намъ чрезъ Астрахань и стала двигаться по Волгѣ. Губернаторы были почти сплошь люди совершенно неспособные, маменькины сынки, которыхъ назначали не для того, чтобы служить народу, а только что-

бы выдавать имъ жалованье. Бакинскій губернаторъ убѣжалъ отъ холеры въ кавказскія горы. Саратовскій, когда народъ началъ волноваться, спрятался на пароходѣ. Хуже всего сдѣлалъ губернаторъ астраханскій: онъ послалъ въ море сторожевыя суда и велѣлъ задерживать всѣ подходящіе изъ Персіи и Кавказскаго побережья пароходы и не пускать ихъ въ Волгу. Но при этомъ не послалъ ни прѣсной воды, ни хлѣба. Задержали, такимъ образомъ, въ морѣ болѣе 400 пароходовъ и баржей, съ людьми здоровыми и больными. Больные умирали, здоровые томились жаждой и голодомъ, а помощи не было. Наконецъ, въ одинъ день появился отъ Астрахани пароходъ. Всѣ смотрѣли съ надеждой, что онъ везетъ хлѣбъ и воду, но когда пароходъ подошелъ ближе, то оказалось, что на немъ привезли... гробы!

Это была только неспособность и глупость губернскаго начальства, но въ народѣ родилась увѣренность, что это нарочно приказано докторамъ морить людей. Когда, наконецъ, не стало возможности удерживать въ морѣ такую массу судовъ и ихъ пустили въ Волгу, то измученные люди кинулись по рѣкѣ кверху и всюду разнесли вѣсть о своихъ мученіяхъ и о гробахъ вмѣсто хлѣба. Тогда городъ за городомъ стали охватывать холерные бунты. Темный народъ повѣрилъ злобной выдумкѣ, будто доктора по приказу высшаго начальства нарочно морятъ народъ. Кинулись поджигать больницы, избивали сестеръ милосердія, фельдшеровъ и врачей, которые съ опасностью для жизни работали на пользу того же народа.

Послѣ наступило усмиреніе и начались военные суды надъ бунтовщиками. При этомъ въ одномъ Саратовѣ болѣе 20-ти человѣкъ, повинныхъ только въ темнотѣ, были приговорены къ смертной казни. Военные суды выяснили позорное поведеніе губернаторовъ и постановили доложить объ этомъ высшему начальству.

Казалось, хоть послѣ этого царь узнаетъ, какъ отличились его ставленники. Вся Россія ждала, что приволж-

скіе губернаторы будутъ преданы суду. Но черезъ нѣкоторое время всѣ, наоборотъ, съ удивленіемъ прочитали царскіе приказы: и бакинскій губернаторъ, убѣжавшій въ горы, и астраханскій, распоряженія котораго вызвали бунтъ, и саратовскій, спрятавшійся, какъ послѣдній трусъ, на пароходѣ, такъ что полиція едва его тамъ разыскала, —получили награды. Это показало всей странѣ, что черезъ валъ, которымъ окружены цари, не могутъ проникнуть не только тихія мольбы, но даже громкіе крики и стоны народа; царь читалъ только ложныя донесенія министровъ и по нимъ дѣйствовалъ.

И случилось какъ разъ, что именно въ это мрачное время исполнилось 10 лѣтъ со времени коронаціи Александра III, десять лѣтъ его якобы „благополучнаго царствованія".

Всѣ лучшіе люди Россіи хорошо понимали, какое это благополучіе, но у нихъ были зажаты уста, а казенная Россія вся изолгалась, и потому отовсюду шли поздравленія.

Въ Москву царь пріѣхалъ самъ, чтобы лично принять привѣтствія первопрестольной столицы. Въ генералъ-губернаторскомъ дворцѣ собрались представители дворянства. Царь вышелъ къ нимъ, и первыя слова, которыми онъ началъ рѣчь, были слѣдующія:

— Слава Богу, десять лѣтъ прошли благополучно.

Люди, присутствовавшіе на этомъ царскомъ пріемѣ, разсказывали, что эти слова о „благополучіи" поразили даже высшее дворянство. Присутствующіе переглядывались: неужели русскій царь считаетъ благополучіемъ голодъ, холеру, бунты и казни своихъ подданныхъ!

На слѣдующій день офиціальныя телеграммы разнесли эту рѣчь царя во всѣ концы русской земли. Ихъ читали въ изголодавшихся губерніяхъ, читали на Волгѣ, читали всюду, гдѣ были грамотные люди въ городахъ и селахъ. И всѣ узнали, что бѣда народная недоступна царскому слуху, что онъ судитъ о жизни своего отечества

лишь по донесеніямъ дворцовой и полицейской охраны. Никто его лично въ его дворцѣ не обезпокоилъ, значитъ, Россія счастлива!...

Николай II.

Въ 1894 году Александръ III умеръ. На престолъ вступилъ его сынъ, Николай II.

И опять на Руси ожили всегдашнія надежды. Говорили, что молодой царь—человѣкъ добрый и благожелательный.. Передавали, что, принимая проѣздомъ изъ Крыма разныя депутаціи, онъ говорилъ о единеніи „со всѣми сословіями" и о „всей русской землѣ" (а не объ одномъ дворянствѣ).

14-го ноября молодой царь женился на гессенской принцессѣ, нѣмкѣ. По этому поводу опять разсказывали, что въ Петербургѣ во время торжествъ полиціи не было. Были только войска, конные жандармы и дворники. Это привело народъ въ такой восторгъ, что царя встрѣчали и провожали радостными криками, и онъ имѣлъ случай убѣдиться, что русскій народъ все еще вѣритъ въ царей и надѣется на него лично. И эта народная надежда охраняла его лучше, чѣмъ ряды ненавистной народу полиціи. Хотя ѐсть поговорка: добрая слава лежитъ, худая бѣжитъ, но она къ царямъ не относилась. О нихъ, что бы они ни дѣлали, дурная правда молчитъ, а хвалебная ложь распространяется свободно. И опять по городамъ и селамъ, до дальнихъ деревушекъ, стали зарождаться надежды на царскую правду. Разсказывали, будто молодой царь ходитъ безъ охраны по улицамъ, вступаетъ въ разговоры съ простыми людьми и студентами, что онъ не допуститъ, чтобы валъ окружилъ и его, какъ всѣхъ царей. Заговорили объ этомъ въ земствахъ и въ городскихъ думахъ.

У земства были свои заботы. Земство—учрежденіе всесловное, и хотя въ немъ преобладали дворяне и богатые землевладѣльцы, но были и мужики, и выборные

отъ мелкихъ владѣльцевъ. Но у земства не было права, которое было у дворянства,—докладывать государямъ о народныхъ нуждахъ и жалобахъ прямо, минуя высшихъ чиновниковъ. И вотъ теперь на земскихъ собраніяхъ лучшіе земскіе люди заговорили объ этой несправедливости и готовились просить, чтобы земству было дано это право.

Первое задумало ходатайствовать объ этомъ тверское земское собраніе. Составили всеподданнѣйшій адресъ, онъ былъ прочитанъ и принятъ собраніемъ, причемъ противъ него пошли только 8 земскихъ начальниковъ. Но мѣстный губернаторъ поспѣшилъ опротестовать постановленіе собранія, и адресъ къ докладу царю не допустили. Земцы рѣшили послать адресъ на высочайшее имя черезъ министра двора гр. Воронцова-Дашкова. Но и тотъ не согласился его представить и отвѣтилъ, что адресъ возвращается **тому же тверскому губернатору** безъ разсмотрѣнія. Всесословному учрежденію нельзя было пробиться къ царю со скромной просьбой. Оно натыкалось всюду на то же чиновничье средостѣніе. И молодой царь уже былъ окруженъ валомъ.

Оставалась еще надежда. Въ январѣ былъ назначенъ пріемъ депутацій отъ всей земли съ поздравленіями по случаю царскаго бракосочетанія. Земцы рѣшили при поздравленіи и подачѣ хлѣба-соли опять повторить свои просьбы и надежды, изложенныя въ адресѣ. Но высшее чиновничество тоже готовилось и принимало свои мѣры. Тогда былъ еще живъ Побѣдоносцевъ, злѣйшій изъ совѣтниковъ прежняго царствованія, и теперь онъ овладѣлъ всецѣло новымъ царемъ...

Это стало видно уже съ ноября 1894 года: полиція опять принялась по-старому усмирять всякое вольное движеніе. Заволновались студенты. Всѣ говорили о томъ, что опять начались аресты и высылки безъ суда, давно опротивѣвшія всему народу. Но Россія привыкла надѣяться, и хотя многіе давно поняли сущность само-

державія и смѣлость подобныхъ надеждъ, но онѣ все-таки жили, и общество ждало чего-то.

19-го января 1895 года въ Петербургъ съѣхались со всѣхъ концовъ представители сословій и учрежденій и въ назначенный часъ явились въ царскій дворецъ съ хлѣбомъ-солью, съ благодушными поздравленіями и упованіями. Всѣ знали, что эта минута будетъ рѣшительной, что новый царь скажетъ какое-то важное, рѣшающее слово.

И онъ его сказалъ.

Въ 12 часовъ дверь открылась, и царь вышелъ въ залу, наполненную придворными, депутатами отъ сословій и учрежденій. Царь былъ взволнованъ и держалъ въ рукахъ фуражку. Пройдя шаговъ 20, онъ остановился и сталъ говорить нетвердо и заглядывая въ фуражку, гдѣ у него лежалъ клочокъ бумаги съ написанной рѣчью. Впослѣдствіи говорили, что рѣчь была написана Побѣдоносцевымъ и положена въ фуражку, чтобы молодой царь не сбился. Подъ конецъ рѣчи онъ почти кричалъ нервнымъ взволнованнымъ голосомъ. И въ этомъ крикѣ молодого царя вся Россія услышала отвѣтъ высшаго чиновничества на скромную просьбу, изложенную тверскими земцами.

О чемъ они просили? О, они просили немного! Вотъ точная выдержка изъ ихъ адреса:

„Ваше Императорское Величество!

„Въ знаменательные дни **начала служенія Вашего русскому народу земство** привѣтствуетъ Васъ привѣтомъ вѣрноподданныхъ. Мы питаемъ надежду, что съ высоты престола **будетъ услышанъ голосъ нужды народной**... Что законы будутъ исполняться неуклонно, какъ со стороны народа, **такъ и представителей власти**, ибо законъ долженъ стоять выше случайныхъ видовъ представителей этой власти... И, наконецъ: Мы ждемъ, Государь, возможности и права для общественныхъ учрежденій **вы-**

ражать свое мнѣніе по вопросамъ, ихъ касающимся, дабы **до высоты престола могло достигать выраженіе потребностей и мысли не однихъ только представителей администраціи** (т. е. чиновничества), **но и народа русскаго"**.

И это все! Вотъ съ какими смиренными просьбами обращалось всесословное земство къ русскому царю въ 1895 году. Но высшіе чиновники увидѣли въ этомъ великую для себя опасность. Имъ не нравилось, что въ адресѣ говорилось о служеніи царя русскому народу. Они внушали царю, что все отечество должно служить ему, а не онъ отечеству. Еще хуже казалось имъ требованіе, чтобы они, чиновники, тоже исполняли законы, а самое худое,—чтобы выборные люди могли докладывать хотя бы только о мѣстныхъ дѣлахъ прямо царю, помимо нихъ. Это значило бы,—думали они,—что средостѣніе будетъ устранено и до царя будетъ доходить подлинный голосъ земли.

И вотъ старый царедворецъ подсказалъ царю отвѣтъ русской землѣ. Рѣчь царя была напечатана во всѣхъ газетахъ. Онъ закончилъ ее такъ: „...Мнѣ извѣстно, что въ послѣднее время слышались голоса людей, увлекающихся **безсмысленными мечтаніями** объ участіи представителей земства въ дѣлахъ внутренняго управленія. Пусть всѣ знаютъ, что я... буду охранять начало самодержавія такъ же твердо, какъ охранялъ его мой незабвенный покойный родитель".

Надо замѣтить, что тогда на самодержавіе еще никто не покушался, и просьба земцевъ состояла только въ томъ, чтобы не одни чиновники и не одно дворянство имѣли право обращаться къ государю съ просьбами и жалобами.

И эта смиренная мольба была названа безсмысленными мечтаніями. То-есть, молодой русскій царь объявлялъ всей Россіи, что онъ по-прежнему останется царемъ одного дворянства и чиновничества, а голоса всѣхъ остальныхъ сословій выслушивать не желаетъ.

Впечатлѣніе отъ этой рѣчи было такъ неожиданно, что, подходя съ хлѣбомъ-солью, одинъ депутатъ уронилъ подношеніе на землю. Кучка предводителей дворянства, тотчасъ послѣ пріема, отправилась въ Казанскій соборъ служить молебенъ: слава Богу, все останется по-старому. И этотъ царь будетъ нашъ.

Но это была именно только кучка. Всѣ земскіе люди, даже лучшіе изъ дворянъ, уходили съ царскаго пріема съ горечью въ сердцѣ, съ оскорбленіемъ въ душѣ. И по всему Петербургу, а затѣмъ и по всей Россіи разнеслась вѣсть о томъ, какъ русскій царь принялъ своихъ подданныхъ, подносившихъ ему хлѣбъ-соль, и какъ онъ, точно ученикъ, вычитывалъ по бумажкѣ то, что ему подсказано злымъ духомъ царскихъ палатъ—Побѣдоносцевымъ. Значитъ, конецъ упованіямъ, конецъ ребяческимъ надеждамъ! Россіи было сказано откровенно, что ея надежды на царя—только мечта и притомъ мечта безсмысленная, что давно уже знали тѣ, кто боролся съ самодержавіемъ, кто извѣдалъ за это время тюрьмы и ссылки.

Теперь къ нимъ примкнуло много людей, доселѣ еще вѣрившихъ въ старую сказку. Я жилъ тогда на Волгѣ, гдѣ много старообрядцевъ, людей начитанныхъ въ Священномъ Писаніи. И одинъ изъ нихъ, вспоминая библейское сказаніе о Ровоамѣ, говорилъ среди публики на пароходѣ:

— Да, теперь русскій народъ скажетъ, какъ израильтяне сказали Ровоаму: „Нѣтъ намъ части въ домѣ Романовыхъ".

Но въ простомъ и темномъ народѣ надежда еще жила и нужно было много тяжелыхъ уроковъ, чтобы ее разрушить.

Царствованіе Николая II не поскупилось на эти уроки. Они достались русскому народу страшно тяжело, путемъ долгихъ страданій, которыя привели Россію на край гибели.

V.

Ходынка.

14-го мая 1895 г. происходило коронованіе Николая II и его молодой жены. Цари всегда короновались въ Москвѣ. И на этотъ разъ торжество тоже происходило въ Успенскомъ соборѣ.

Народъ по-старому радовался, кричалъ „ура" и наполнялъ улицы, точно въ самомъ дѣлѣ ему готовилось Богъ вѣсть какое счастье. И царь захотѣлъ сдѣлать своему народу подарокъ на радостяхъ. Было устроено гулянье на огромномъ Ходынскомъ полѣ, и народъ впередъ оповѣщали, что на память о торжествѣ добрый царь со своей царицей заготовили для раздачи своимъ вѣрнымъ подданнымъ кружки съ царскими вензелями и портретами. И на эту пустую приманку хлынули сотни тысячъ людей изъ города Москвы и пріѣзжіе изъ другихъ городовъ и деревень.

Извѣстно было, что высшее распоряженіе праздникомъ было поручено, помимо городской думы и даже прежнихъ полицейскихъ, приближеннымъ любимцамъ новаго царя, и тѣ распоряжались, не спрашивая опытныхъ людей, самонадѣянно, увѣренно и глупо.

День выдался хорошій, праздничный. Народу высыпало видимо-невидимо, такъ что становилось страшно глядѣть на это людское море, колыхавшееся точно настоящій океанъ. Особенная давка происходила около деревянныхъ балагановъ, гдѣ были выставлены царскіе подарки. Ожидали сигнала, чтобы броситься къ этимъ балаганамъ, а въ ожиданіи толпа колыхалась безъ мысли и воли, точно колосья подъ вѣтромъ. Очевидцы говорили, что уже заранѣе ужасъ охватывалъ отъ предчувствія бѣды; уже нѣкоторые падали, кричали дѣти, женщинамъ дѣлалось дурно. Наиболѣе благоразумные старались выбраться изъ толпы. Но вся толпа была охвачена точно безуміемъ,—желаніемъ получить десятикопеечную цар-

скую бирюльку, чтобы съ торжествомъ принести ее домой и поставить въ красный уголъ подъ иконами.

И вотъ, сигналъ былъ данъ. Толпа кинулась къ балаганамъ. Задніе напирали на переднихъ. Передніе не могли попасть въ тѣсные проходы. Ихъ прижимали къ угламъ ограды, къ стѣнамъ, перегибали пополамъ на перегородкахъ и раздавливали. Раздались нечеловѣческіе крики. Начался слѣпой ужасъ. Кто падалъ, тотъ уже не подымался,—его топтали, не глядя и не разсуждая, на смерть... Толпа, не зная, куда податься, кидалась изъ стороны въ сторону. Люди мяли другъ друга... Между прочимъ, кинулись въ одну сторону, гдѣ была канава, ничѣмъ не огражденная. Толкаемые сзади, люди падали другъ на друга и задыхались.

Когда это торжество съ царскими подарками кончилось,—на площади оказалось множество труповъ. Ихъ уложили рядами. Родные узнавали тутъ своихъ, и надъ Ходынкой, надъ прилегающими къ ней мѣстами, надъ всей Москвой встали плачъ, стоны, отчаяніе...

Такъ кончился царскій праздникъ съ подарками доброму московскому народу. Ждали, что будетъ наряжено строгое слѣдствіе, что будетъ установлено по чьей винѣ случилось это великое несчастье. Конечно, погибшихъ этимъ не воротишь, но народное чувство нашло бы нѣкоторое удовлетвореніе въ сознаніи, что и царь также огорченъ и разгнѣванъ невнимательностью и безпечностью распорядителей, виновныхъ въ гибели стольких людей. Но,—такъ же, какъ у его отца, послѣ холерныхъ бунтовъ, настоящихъ виновниковъ не нашлось. Царю не хотѣлось огорчить распорядителей, ему знакомыхъ и извѣстныхъ, и они получили свои награды. Придворные говорили: „Какой добрый нашъ царь! Онъ не захотѣлъ огорчить распорядителей въ эти радостные дни”. А горя и отчаянія тѣхъ тысячъ простыхъ людей, которые на царскомъ праздникѣ потеряли своихъ женъ или мужей, братьевъ или дѣтей, „добрый царь” не видѣлъ и не хотѣлъ слышать, и некому было смѣло сказать ему объ этомъ.

Ходынское бѣдствіе бросило мрачную тѣнь на начало новаго царствованія. Люди суевѣрные видѣли въ немъ пророческое предзнаменованіе и дурную примѣту. Но и люди, не вѣрящіе въ примѣты, тоже качали головами, читая о продолжающихся придворныхъ торжествахъ. Да,—говорили они,—это дурной знакъ: какъ и его отецъ, новый царь глядитъ только глазами вельможъ и знати и изъ-за нихъ не видитъ и не слышитъ Россію.

И тогда же новое царствованіе назвали „кровавымъ".

VI.

Японская война.—Волненія.—Петербургъ посылаетъ послѣднихъ ходоковъ къ царю.—Забастовка 1905 г.—Манифестъ 17-го октября.

Японская война всѣмъ еще памятна.

По почину Николая II было созвано международное совѣщаніе въ г. Гаагѣ, гдѣ разные народы принимали постановленія противъ возможныхъ войнъ, но скоро нашъ царь самъ нарушилъ миръ и началъ войну безъ надобности и безъ цѣли.

И опять это пошло изъ-за интересовъ придворныхъ лицъ и знати. Нѣкоторые знатные господа выхлопотали себѣ крупные лѣсные подряды на рѣкѣ Ялу, за нашей восточной сибирской границей, въ чужой землѣ, и ввели туда рабочихъ и переодѣтыхъ рабочими солдатъ и казаковъ. Имъ это было очень выгодно, но это могло грозить войной, такъ какъ раздражало близкихъ сосѣдей-японцевъ. Объ этомъ нѣкоторыя лица предупреждали царя, указывая на опасность войны. Но онъ опять высказалъ свою „доброту" къ камергеру Безобразову и его компаньонамъ, просившимъ поддержать выгодное для нихъ дѣло. Кромѣ того, высшіе чиновники говорили царю, что народъ требуетъ преобразованій, и даже крестьянство (въ 1902 году) во многихъ мѣстахъ волновалось,

требуя земли. А побѣдоносная война можетъ надолго смирить народъ и задержать его требованія... И вотъ началась война, погубившая сотни тысячъ людей въ далекой, не нужной Россіи землѣ. Оказалось, кромѣ того, что чиновничье управленіе довело всѣ дѣла до полнаго разстройства: крѣпости, которыя значились на бумагѣ готовыми, оказались неготовыми, интенданты воровали, военные начальники ссорились между собой, корабли оказались старыми и плохими, и Россія несла пораженіе за пораженіемъ.

Недовольство царскимъ правительствомъ широко разливалось въ народѣ. Чувствовалось, что самодержавіе расшатывается. Противники его являются уже не только среди образованныхъ людей, но и въ народныхъ массахъ.

Это, конечно, замѣчалось и раньше, и правительство принимало свои мѣры. Противъ агитаціи (способовъ борьбы) противниковъ царской власти оно повело свою агитацію, для чего заводило рабочія Общества, гдѣ подкупленные говоруны доказывали рабочимъ и простому народу, что онъ долженъ попрежнему надѣяться только на царя и не долженъ вѣрить его противникамъ.

Такое Общество было основано сначала въ Москвѣ, а потомъ, въ началѣ 1904 года, и въ Петербургѣ. Оно возникло по почину полиціи и священника Гапона и носило названіе „С.-Петербургскаго Общества фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ". Одной изъ цѣлей этого Общества было „отвлеченіе рабочихъ отъ преступной пропаганды" противниковъ царской власти.

Во главѣ этого Общества сталъ священникъ Георгій Гапонъ, уроженецъ Полтавской губерніи. Онъ считался вполнѣ благонадежнымъ. Ему покровительствовали высшія духовныя лица и нѣкоторые министры, и онъ получилъ полную свободу общенія съ широкими рабочими кругами, которые массами записывались въ новое Общество.

Сначала это начальству нравилось. Гапонъ былъ прекрасный ораторъ (говорунъ). Рабочіе плакали, когда онъ говорилъ объ ихъ тяжеломъ положеніи, и приходили въ восторгъ, какъ дѣти, когда онъ совѣтовалъ надѣяться на царя. Толпа жадно ловила каждое его слово. Его рѣчи падали на благодарную почву: онъ будилъ ту закоренѣлую вѣру въ царей, которая искони гнѣздилась въ сердцахъ простого народа, и обращалъ народныя надежды туда, куда онѣ обращались по привычкѣ, унаслѣдованной отъ отцовъ и дѣдовъ. И полиція этому не мѣшала. Число слушателей Гапона и другихъ ораторовъ росло съ страшной быстротой. На собранія сходились заводскіе рабочіе и ихъ жены, приходили ютившіеся въ окраинныхъ кварталахъ простые люди, простодушные и бѣдные. И всѣ эти толпы ловили въ словахъ ораторовъ свои собственныя упованія. На собраніяхъ становилось такъ тѣсно, что некуда было упасть яблоку, и во всей толпѣ росло волненіе оживающихъ надеждъ.

Полиція не расчитала, однако, что въ этомъ есть тоже большая опасность. Надежду народа можно раздуть въ пламя, которое потомъ потушить трудно. Казавшаяся „благонамѣренной" съ начальственной точки зрѣнія агитація гапоновцевъ сѣяла вѣтеръ, изъ котораго выросла буря. Народъ повѣрилъ и сдѣлалъ свои заключенія: „Если такъ, если вся наша надежда въ царѣ, то пойдемъ къ нашему „Надежѣ-Государю" и скажемъ всю правду о народныхъ нуждахъ и народномъ горѣ". Остановить эту мысль, прорвавшуюся, какъ буря, изъ глубины народныхъ душъ, уже было невозможно. Она росла, крѣпла и вскорѣ выросла въ опредѣленное намѣреніе: населеніе рабочихъ окраинъ рѣшило еще разъ послать своихъ ходоковъ къ царю, какъ это дѣлала когда-то мужицкая Русь. Только теперь, вмѣсто отдѣльныхъ посланцевъ, къ царскому дворцу должны были двинуться десятки тысячъ народа. „Если правильно, что царь—отецъ, а мы—его дѣти, то пусть же онъ насъ приметъ и выслушаетъ".

Въ Петербургѣ все происходившее на рабочихъ собраніяхъ было извѣстно. Всѣ говорили объ этомъ, всѣ

были захвачены и взволнованы, во всѣхъ это подымало страшную тревогу. Люди, давно извѣрившіеся въ царскую власть, давніе ея противники, такъ называемые неблагонадежные, революціонеры, студенты, старались удержать рабочихъ, являлись на ихъ собранія и говорили:— „Одумайтесь, не ходите къ царю. Это безполезно. Онъ васъ не приметъ, не захочетъ выслушать. Васъ встрѣтятъ выстрѣлами и штыками". Но рабочіе не вѣрили. Они говорили: „Вы—враги царя. Вы не считаете его отцомъ народа и противитесь его власти. А мы—его дѣти. Мы ему вѣримъ и пойдемъ къ нему, какъ къ отцу, съ женами и дѣтьми. У насъ не будетъ оружія, а впереди пойдетъ священникъ съ крестомъ, а мы понесемъ иконы. Не можетъ быть, чтобы батюшка-царь позволилъ стрѣлять въ своихъ безоружныхъ дѣтей".

Тогда наиболѣе горячіе люди, изъ молодежи и студентовъ, видя, что имъ не удержать рабочихъ, охваченныхъ пламенной вѣрой въ царя, захотѣли пристать къ ихъ шествію, назначенному на 9-е января (1905 года). „Будутъ стрѣлять, такъ пусть стрѣляютъ и въ насъ". Но вожаки рабочихъ не согласились. Они хотѣли, чтобы было ясно, что тутъ нѣтъ царскихъ противниковъ, а есть только простой народъ, вѣрующій и покорный.

Ночь на 9-е января прошла въ Петербургѣ въ страшной тревогѣ. Многіе не спали въ эту роковую ночь, и когда стало извѣстно, что на утро рабочіе все-таки двинутся ко дворцу, то наиболѣе уважаемые общественные дѣятели и писатели рѣшились обратиться къ министрамъ и убѣдить ихъ допустить народъ къ царю и ни въ какомъ случаѣ не стрѣлять въ безоружную толпу. Они отправились къ министру Витте и другимъ министрамъ, подняли ихъ въ 2 часа ночи и стали умолять предотвратить пролитіе крови. Но ничего не добились и сами попали вскорѣ въ Петропавловскую крѣпость.

На утро началось огромное движеніе рабочаго народа съ окраинъ къ центру города, къ тому мѣсту, гдѣ надъ Невой красуется Зимній дворецъ. Въ этомъ дворцѣ жилъ

когда-то Александръ II. Тутъ онъ появился въ дни освобожденія крестьянъ и говорилъ народу съ балкона. Сюда съ давнихъ временъ съ тоской и надеждой пробирались мужицкіе ходоки, тутъ бродилъ когда-то и Федоръ Богданъ, пряча за пазухой прошеніе и выжидая случая подать его самому царю. Теперь сюда же медленно двигались тысячи народа со своими упованіями. Они вѣрили: вотъ они подойдутъ ко дворцу. Царь выйдетъ къ нимъ. Они окружатъ его, какъ дѣти окружаютъ отца. Онъ ихъ выслушаетъ, и они увидятъ, наконецъ, того измечтаннаго народнаго царя, образъ котораго цѣлыми вѣками носился передъ умственнымъ взоромъ ихъ отцовъ, и дѣдовъ, и прадѣдовъ...

Вся столица съ трепетомъ ждала, что будетъ, когда эти мечты столкнутся съ суровой дѣйствительностью. На окраинахъ полиція старалась остановить двинувшихся рабочихъ, но имъ удалось прорвать или обойти эти преграды. Они разсѣивались, обходили заставы, и опять сходились въ городѣ. И вотъ уже на улицахъ города стали появляться и расти огромныя толпы. Среди нихъ дѣйствительно были женщины и дѣти... Впереди шли священники, несли иконы... И эти люди радостно говорили всѣмъ, что идутъ къ своему царю, съ надеждой на царскую правду...

Тогда случилось то, что предсказывали рабочимъ ихъ друзья. Въ разныхъ мѣстахъ на сѣверной, южной, западной и восточной сторонахъ отъ дворца, на далекихъ пространствахъ были разставлены войска. Такимъ образомъ, царскій дворецъ былъ какъ бы опоясанъ цѣпью штыковъ, а черезъ нѣкоторое время, по командѣ, онъ опоясался дымомъ, огнемъ выстрѣловъ и кровью...

Самыя худшія предсказанія враговъ царской власти сбылись. Прежнимъ одиночнымъ ходокамъ отвѣчали тюрьмой и этапами. Теперь, когда къ царю шелъ весь рабочій народъ столицы, ему отвѣчали разстрѣломъ...

Независимой печати было запрещено писать объ этомъ что-либо, кромѣ лживыхъ офиціальныхъ свѣдѣній.

Но печать не исполнила этого приказа, и вѣрныя извѣстія, несмотря на цензуру, вскорѣ прорвались на страницы газетъ и журналовъ. Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" сообщалось, что въ больницы доставлены 7 убитыхъ и 233 раненыхъ, но другія газеты писали о тысячѣ и болѣе однихъ убитыхъ. Раненыхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей было гораздо больше.

Такъ „кровавый царь" Николай II Романовъ повторилъ московскую Ходынку въ Петербургѣ. Въ Москвѣ народъ поплатился изъ-за безпечной погони за царскими подарками. Но тамъ, съ другой стороны, было только легкомысліе и небрежность. Въ Петербургѣ кровь народа пролита была сознательно, по приказу; народъ поплатился за ребяческую вѣру въ царскую правду.

Это были послѣдніе ходоки русскаго народа къ царю. Правительственныя газеты писали, что 9-го января погибли бунтовщики, подкупленные англичанами и японцами. Но никого уже обмануть этимъ было нельзя. 9-го января убиты не бунтовщики и не крамольники. Въ этотъ день убита дѣтская вѣра простодушнаго народа въ своихъ царей. Вѣра эта съ того рокового дня больше не воскресала въ столицѣ. Да и вся Россія къ концу несчастной войны поняла, куда ведетъ страну самодержавіе, и что пора бросить пустыя надежды на ходоковъ, пора прекратить напрасные поиски царской милости. Нужны не ходоки, не смиренные просители о народныхъ нуждахъ, а постоянные выборные отъ всего народа, которые должны издавать законы и слѣдить за ихъ выполненіемъ, а царь обязанъ ихъ выслушивать, какъ властный голосъ народа.

Изъ-за этого во всей странѣ начались волненія. Они особенно усилились къ концу войны и затѣмъ выразились въ памятной забастовкѣ 1905 года. Къ ней сразу примкнули желѣзнодорожные рабочіе, и движеніе остановилось по всей Россіи, какъ по мановенію волшебнаго жезла. Поѣзда точно заснули на маленькихъ станціяхъ, гдѣ ихъ застала забастовка. Паровозы нетопленные стояли на запасныхъ путяхъ; на рельсахъ на далекое разстояніе

не видно было ни поѣзда, ни дыма; прекратилась доставка почты, а съ 12-го октября смолкъ и телеграфъ, такъ какъ почтово-телеграфные служащіе примкнули къ желѣзнодорожникамъ. Въ городахъ остановились заводы и трамваи. Вся жизнь въ великой странѣ прекратилась. Россія стала похожа на сонное царство, о которомъ говорится въ сказкѣ.

Простой народъ не сразу и не всюду понялъ тогда значеніе этой забастовки. Опять говорили о японцахъ, англичанахъ и евреяхъ. Кое-гдѣ волновались, потому что прекращеніе движенія нарушаетъ обычную жизнь. Но теперь всѣмъ уже ясенъ сталъ смыслъ забастовки.

Трудовая Россія говорила царю:

— Вы можете ссылать, казнить, усмирять, давить свободолюбивыхъ людей. Не хитрое дѣло называть стремленія народа безсмысленными мечтаніями, отвѣчать на нихъ тюрьмами, этапами, выстрѣлами. Но знайте же, что штыками вы не вспашете нашихъ необозримыхъ полей, не пустите въ ходъ сотни тысячъ заводскихъ станковъ, не выучите дѣтей необходимымъ наукамъ, не возстановите движенія на пространствѣ великой страны отъ Балтійскаго моря до Великаго океана. Уничтожить и запретить что угодно вы пока можете, но создать не можете ничего безъ трудового народа.

Это было такъ ясно, что даже этотъ царь, слѣпой и глухой на голосъ народа, испугался. Еще недавно называвшій безсмысленными мечтаніями скромную просьбу земцевъ, онъ 17-го октября 1905 года издалъ манифестъ, которымъ выборные отъ народа призывались къ законодательству и управленію страной.

Тогда, какъ въ сказкѣ, заколдованное царство проснулось: опять задымились паровозы, двинулись поѣзда, заработалъ телеграфъ, задвигались на заводахъ маховыя колеса и приводные ремни.

То, чего не могли сдѣлать приказы царя и штыки, сдѣлала надежда на свободу...

VII.

Нарушеніе обѣщаній. — Реакція. — Царь - помѣщикъ. Россія-вотчина. — Распутинъ.

Несчастіе царей—всегдашняя неискренность и лживость обѣщаній, даваемыхъ въ минуты испуга передъ народнымъ движеніемъ.

Когда забастовки стихли, царь и его приближенные стали думать о томъ, какъ вернуть прежнюю неограниченную власть и прежніе порядки.

Я не стану подробно излагать то, что всѣмъ еще памятно. Въ маѣ собралась первая Государственная Дума. Прежде всего она обратилась къ царю съ требованіемъ амнистіи (прощенія) за политическія преступленія.

Царь отказалъ. Дума потребовала также уничтоженія военныхъ полевыхъ судовъ, приговаривавшихъ десятками къ смертной казни. Министры отвѣтили казнью 8 человѣкъ, которые вдобавокъ, по общему голосу, были осуждены невинно. Таково было начало. Хотя было очевидно, что царь, раздѣлившій, якобы, полноту власти съ народнымъ представительствомъ, уже не есть царь самодержавный, но онъ не отказался отъ этого титула, и единственный епископъ, Антонинъ нарвскій, который въ своей епархіи исключилъ слово „самодержавнѣйшаго", попалъ въ опалу.

Если бы съ 1906 года Государственной Думѣ не помѣшали работать, то сколько за это время можно было бы сдѣлать, сколько рѣшить важнѣйшихъ вопросовъ русской жизни! Первая Дума, хотя собранная на основаніи несовершеннаго выборнаго закона, была все-таки самая лучшая и независимая. Поэтому царь ее распустилъ и рѣшилъ собрать вторую, а затѣмъ и третью, въ которой еще урѣзалъ представительство отъ крестьянъ, рабочихъ и вообще широкихъ народныхъ слоевъ.

Придумывали всякія средства, чтобы въ Думу попадали больше дворяне, угодные правительству священни-

ки и чиновники. Для этого не останавливались передъ угрозами, насиліемъ и беззаконіемъ. Людей, которымъ народъ вѣрилъ, ссылали безъ суда и слѣдствія. Кромѣ того, надъ Государственной Думой стоялъ еще Государственный Совѣтъ, состоявшій изъ высшихъ сановниковъ, частью даже не выборныхъ, а назначаемыхъ самимъ царемъ и въ этомъ совѣтѣ большинство всегда было обезпечено за министрами. Этотъ совѣтъ задерживалъ всѣ лучшіе законы, вырабатываемые Государственной Думой, и тормозилъ ея работу. Вотъ почему за эти 11—12 лѣтъ Дума сдѣлала для народа такъ мало. Она была неправильно составлена, и ей еще мѣшали работать.

Наконецъ, была созвана 4-я Дума. Казалось, она должна быть уже совсѣмъ покорна царю и его министрамъ. Самодержавіе возвращалось во всей силѣ. Романовы всегда смотрѣли на Россію, какъ на свою вотчину. Недаромъ одинъ изъ нихъ сказалъ, что онъ—первый помѣщикъ. Его помѣстье была вся Россія. Министры—простые бурмистры (приказчики), исполняющіе только волю барина. И какъ въ старину въ крѣпостныхъ помѣстьяхъ бурмистры, льстя и кланяясь хозяевамъ, ворочали ими, какъ хотѣли, такъ и въ Россіи вертѣли царями приближенные и любимцы. При Николаѣ II это достигло небывалыхъ размѣровъ.

Всѣмъ извѣстно имя Распутина. Оно прогремѣло не только по всей Россіи, но и по всему міру. Да и немудрено. Это былъ сибирскій крестьянинъ, неграмотный, но очень хитрый, пронырливый и ловкій. Онъ обладалъ особымъ умѣньемъ вліять на женщинъ. Черезъ нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ и придворныхъ дамъ онъ пробрался во дворецъ и успѣлъ убѣдить царицу въ своей особенной силѣ исцѣлять болѣзни. Понемногу онъ не только втерся въ царскій дворецъ, но и овладѣлъ волей царицы, которая смотрѣла на все его глазами. А за нею покорно шелъ слабовольный царь. И вотъ случилось небывалое и почти невѣроятное: пронырливый полуграмотный проходимецъ сталъ ворочать судьбами Россіи и даже назначалъ министровъ.

Старая поговорка говоритъ, что сердце царево въ рукѣ Божіей. Но это, однако, не мѣшало тому, что сердце Анны Іоанновны было только въ рукахъ Бирона, сердце Екатерины—въ рукахъ смѣнявшихся любимцевъ, которымъ она сотнями тысячъ закрѣпощала народъ, сердце Александра I—въ рукахъ свирѣпаго Аракчеева, который замучивалъ пытками своихъ крѣпостныхъ и солдатъ военныхъ поселеній, сердцемъ Александра III распоряжался мракобѣсъ Побѣдоносцевъ... И при послѣднемъ Романовѣ дѣло дошло до того, что многіе говорили:

— Теперь у насъ царствуетъ не Николай II Романовъ, а Григорій I Распутинъ.

VIII.

Великая война.—Требованіе министерства довѣрія и борьба съ Гос. Думой.—Убійство Распутина великими князьями.

Въ такомъ положеніи полнаго безвластія и господства случайныхъ людей застала Россію и ея правительство величайшая война, какую когда-либо видѣлъ міръ. Для насъ это была уже не японская война, прогремѣвшая на дальней сибирской окраинѣ. Теперь непріятель былъ у самыхъ нашихъ границъ. Поэтому и русское общество, когда война уже разразилась, охвативъ почти всю Европу и грозя перекинуться въ другія части свѣта, отнеслось къ ней иначе, чѣмъ къ японской. Земства и города объединились въ союзы, ихъ поддерживала Государственная Дума, и вскорѣ стало ясно, что общественныя учрежденія даютъ незамѣнимую помощь нашей арміи и что безъ нихъ войну вести невозможно.

Но тутъ передъ всей Россіей всталъ грозный вопросъ: армія борется на границахъ, выборныя учрежденія стараются помочь ей въ тылу, устраивая лазареты, питательные пункты, доставку продовольствія и снарядовъ, организуя работы на фабрикахъ и заводахъ. А что же дѣлало царское правительство?

Оно всегда боялось выборныхъ учрежденій и теперь мѣшало общественной работѣ, стѣсняло дѣятельность союзовъ, упорно арестовывало и ссылало рабочихъ, которыхъ избирали въ военно-промышленные комитеты для помощи въ дѣлахъ обороны. И Государственная Дума, и вся страна громко требовали, чтобы царь смѣнилъ своего перваго министра Штюрмера и Протопопова, котораго провелъ въ министры Распутинъ, и чтобы былъ составленъ другой совѣтъ министровъ, изъ людей, которымъ Россія вѣритъ, что они не предадутъ ея. Они должны давать отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и въ томъ, что сдѣлано царемъ по ихъ совѣту. Лишившись довѣрія Государственной Думы, они должны выходить въ отставку.

Царь по закону ни за что ни передъ кѣмъ не отвѣчалъ. Такъ нужно было, чтобы отвѣчали хоть его совѣтники за тѣ дурные совѣты, которые они тайно отъ представителей народа нашептываютъ царю.

Царь не хотѣлъ и слышать о такомъ отвѣтственномъ министерствѣ. Онъ хотѣлъ по-старому назначать и удалять своихъ бурмистровъ только по своей волѣ, а это значило, что будутъ продолжаться интриги (происки), подкупы и борьба за власть около Распутина. Плоды такого порядка уже были на-лицо. Военнымъ министромъ въ началѣ войны былъ Сухомлиновъ. Приближеннымъ послѣдняго былъ полковникъ Мясоѣдовъ, бывшій жандармъ и сыщикъ. Еще до войны, депутатъ Гос. Думы Гучковъ, бывшій потомъ послѣ революціи военнымъ министромъ, заявилъ открыто, что Мясоѣдовъ подкупленъ иностранной державой и сообщаетъ ей наши военныя тайны. Но Сухомлиновъ не захотѣлъ удалить Мясоѣдова и, когда началась война, далъ ему важное порученіе въ дѣйствующей арміи. И русскія войска понесли тяжкія пораженія въ Восточной Пруссіи, причемъ было очевидно, что кто-то сообщилъ врагамъ важныя извѣстія. Вскорѣ открылось, что Мясоѣдовъ былъ дѣйствительно давній нѣмецкій шпіонъ. Его уличили въ этомъ, и онъ былъ повѣшенъ съ такой торопливостью, точно власти боялись, чтобы онъ не разсказалъ чего-нибудь лишняго.

Всѣмъ памятно, какъ наша армія отступала съ Карпатъ, безъ пушекъ, безъ снарядовъ, почти безъ оружія, отбиваясь отъ насѣдавшихъ нѣмцевъ чуть не голыми руками. Послѣ этого царь, наконецъ, вынужденъ былъ удалить Сухомлинова, но все-таки не захотѣлъ перемѣнить остальной составъ министерства. Дума предъявила самыя скромныя требованія. Она просила, чтобы царь своею властью назначилъ „министерство довѣрія" изъ людей, извѣстныхъ Думѣ и народу, съ которыми можно работать.

Николай II поступилъ наоборотъ: онъ сталъ настойчиво удалять какъ-разъ тѣхъ министровъ, которые еще работали въ согласіи съ Думой и общественными учрежденіями. Такъ былъ удаленъ министръ народнаго просвѣщенія гр. Игнатьевъ и замѣнившій Сухомлинова Поливановъ. Всѣмъ было видно, что удалены они лишь потому, что согласны работать съ Государственной Думой. И въ этомъ опять была видна рука царицыной партіи и Распутина.

Такъ самодержавіе вступило въ открытую борьбу съ народнымъ представительствомъ. Дума то-и-дѣло отсрочивалась. Ей хотѣли показать, что если она не смирится, то ее распустятъ совсѣмъ. Но когда стихала Дума, то раздавался голосъ русской земли: со всѣхъ земскихъ собраній, со всѣхъ съѣздовъ неслись заявленія о сочувствіи Государственной Думѣ и ея требованіямъ. А когда Дума опять собиралась, то было очевидно, что она не намѣрена смириться. Послѣ одного изъ такихъ роспусковъ четвертая Дума заговорила такимъ рѣшительнымъ языкомъ, къ какому цари еще не привыкли, а предсѣдателю совѣта министровъ Штюрмеру въ засѣданіи 1-го ноября прошлаго года было прямо брошено обвиненіе въ измѣнѣ.

Вся Дума, за исключеніемъ крайнихъ правыхъ, поддерживала говорившаго объ этомъ Милюкова. Самые умѣренные депутаты произносили гнѣвныя рѣчи, и даже въ покорномъ доселѣ Государственномъ Совѣтѣ зазвучали отголоски народнаго негодованія.

Это было такъ внушительно, что даже при дворѣ увидѣли опасность, грозящую престолу Николая II. Заговорили о „темныхъ силахъ", которыя столпились около царя и царицы, даже нѣкоторые министры и придворная знать. Обезпокоились члены царской семьи, видя, что Николай II слѣпо идетъ на крушеніе всей династіи. Великіе князья говорили и писали объ этомъ царю.

Но царь, какъ всегда, былъ глухъ и слѣпъ къ раскатамъ начинавшейся народной грозы и къ испуганнымъ голосамъ своихъ близкихъ. Онъ, правда, удалилъ Штюрмера, но Распутинъ властвовалъ по-прежнему. Князьямъ казалось, что все зло только въ Распутинѣ, и что если его удалить, то опасность исчезнетъ.

И вотъ 17-го декабря прошлаго года въ домѣ князя Юсупова, женатаго на родной племянницѣ царя, во время пирушки раздался выстрѣлъ. Это Распутинъ былъ убитъ близкими родственниками царя, вывезенъ на автомобилѣ и спущенъ въ прорубь на Невкѣ. Такимъ способомъ партія великихъ князей, заботясь о судьбѣ царскаго дома, пыталась устранить причину великаго соблазна.

Но, конечно, князья ошиблись,—дѣло было не въ одномъ Распутинѣ, а въ томъ порядкѣ, при которомъ правилъ страной одинъ человѣкъ, какъ безотвѣтственный властелинъ. А когда вдобавокъ такимъ властелиномъ оказался человѣкъ слабый и неумный, то дѣло самодержавія было кончено.

Николаю II надо было честно выполнить обѣщанія, данныя въ 1905 году. У царя было время сдѣлать выборъ между его министрами и Россіей. Онъ выбралъ министровъ и старый порядокъ.

Теперь народу приходилось выбирать между царемъ и свободой отечества. Народъ выбралъ родину и свободу.

IX.

Волненія изъ-за хлѣба.—Повтореніе 9-го января.—Войска становятся на сторону народа.—Отреченіе царя.

Медлить дольше было нельзя. За это время всѣ дѣла пришли въ ужасное состояніе. Въ столицѣ начался голодъ. Женщины простаивали цѣлыми часами въ хвостахъ, чтобы получить кусокъ хлѣба для семьи; нѣкоторымъ рабочимъ приходилось тоже или работать голодными, или становиться въ хвосты. Народъ терялъ терпѣніе и начиналъ волноваться. Полиція прибѣгала къ обычнымъ пріемамъ усмиренія. Къ царю обращались послѣдніе голоса съ предупрежденіемъ о необходимости поскорѣе уступить, чтобы наладить, пока не поздно, общую работу. Ему писали объ этомъ предсѣдатель Государственной Думы, нѣкоторые генералы, князья.

Но министры все еще увѣряли, что съ русскимъ народомъ при его царелюбіи можно дѣлать, что угодно: онъ никогда не отступитъ отъ преданности царямъ. А волненія изъ-за хлѣба надо усмирить силой. Для этого все готово, какъ было готово 9-го января 1905 года.

Полицію вооружили пулеметами, которые разставили во дворахъ, на чердакахъ домовъ, даже на колокольняхъ нѣкоторыхъ церквей: нужно было нанести ударъ, который навелъ бы ужасъ не только на Петроградъ, но и на всю Россію. Нужно было запугать народъ и продолжать править, опираясь на страхъ.

25-го февраля, въ воскресный день, когда на главной улицѣ Петрограда,—Невскомъ проспектѣ,—ходило много народа, частью съ красными флагами, частью просто любопытныхъ и гуляющихъ по праздничному,—съ одного конца Невскаго, отъ Адмиралтейства, раздались выстрѣлы. Публика кинулась въ противоположную сторону, но черезъ нѣкоторое время выстрѣлы раздались и отъ Знаменія; стрѣляли вдоль улицы, которая во многихъ мѣстахъ обагрилась кровью безоружныхъ. Улица опустѣла.

Казалось, правительство одержало еще разъ легкую побѣду. Еще нѣсколько такихъ усмиреній, и старое самодержавіе водворится опять.

Но слѣпой и глухой царь забылъ, что 12 лѣтъ пронеслись надъ Россіей не напрасно, что петроградская рабочая масса уже не та, которая 9-го января 1905 года шла къ нему съ иконами и покорными просьбами, и войска, даже гвардейскіе полки, уже не тѣ, которые когда-то залили улицы и площади Москвы кровью возставшаго народа.

Правда, солдаты еще разъ послушались команды, и роковые выстрѣлы въ безоружныхъ были сдѣланы. Такимъ образомъ, между войскомъ и народомъ уже легла пролитая кровь и положено начало вражды и раздора, полезныхъ для притѣснителей. Когда-нибудь будутъ описаны всѣ подробности этихъ дней. Теперь извѣстно только, что, вернувшись въ свои казармы, солдаты не спали всю ночь, переживая мучительныя движенія совѣсти. Вѣроятно, къ нимъ приходили люди, которые ихъ упрекали за пролитіе братской крови и разъясняли истинное положеніе дѣлъ. На утро явился командиръ, выстроилъ солдатъ и поздравилъ ихъ съ „побѣдой". Можетъ быть, при этомъ онъ обѣщалъ награды, можетъ быть, звалъ на новые славные подвиги. И при этомъ не чувствовалъ, что самъ стоитъ у порога смерти.

Солдаты, вчера еще стрѣлявшіе въ толпу, кинулись на него, и онъ былъ убитъ. Солдаты выбѣжали на улицу и стали звать другіе полки къ возстанію противъ кроваваго царя и его правительства.

А въ эту же ночь подписанъ былъ царскій указъ о новомъ роспускѣ Государственной Думы.

Но Дума поняла, что если она разойдется, то это будетъ измѣна народному дѣлу, и рѣшила не повиноваться роспуску. Она образовала изъ своихъ депутатовъ комитетъ, который вскорѣ и образовалъ Временное Правительство.

Это утро было рѣшительнымъ для Россіи. Выборная Дума стояла противъ царя, измѣнившаго обѣщаніямъ и пожелавшаго вернуть старое самодержавіе. Возставшія части гарнизона ее поддерживали, народъ—тоже. За кѣмъ пойдутъ остальныя войска? Можно было ждать, что хоть нѣкоторыя части станутъ на сторону стараго правительства, и тогда столица будетъ залита братской кровью на радость непріятелю... Но этого не случилось: одинъ полкъ за другимъ съ офицерами, съ развернутыми знаменами и музыкой подходили къ Таврическому дворцу, но не за тѣмъ, чтобы разгонять непокорныхъ депутатовъ, а чтобы защищать Временное Правительство.

Стало очевидно, что мѣра преступленій самодержавія противъ народа переполнилась: за Петроградомъ отложилась отъ царя Москва, а за нею—и вся Россія. Кромѣ полиціи и жандармовъ, никто не поднялся на его защиту. Министры были арестованы и заключены сначала въ Таврическомъ дворцѣ, а потомъ переведены въ Петропавловскую крѣпость, чтобы ждать суда за свои преступленія противъ народа. Всѣ поняли, что пришелъ въ Россіи великій ослушный часъ, и первое же дыханіе народной бури смело царскую власть безъ остатка.

Приверженцы Николая II напрасно пробовали двинуть на возставшую столицу нѣкоторые полки съ фронта. Тѣ или не шли, или, придя, тотчасъ же братались съ народомъ и возставшими товарищами. Царь попытался опять привлечь народъ обѣщаніями. Онъ уже соглашался удалить своихъ министровъ и дать отвѣтственное министерство. Но событія говорили ему: поздно! Страна не вѣритъ обѣщаніямъ, которыя вы такъ нечестно нарушили въ 1905 году.

2-го марта Николай II отрекся отъ престола за себя и за сына. Онъ передалъ свою власть великому князю Михаилу Александровичу. Но и Михаилъ Александровичъ тоже отказался принять власть безъ согласія Учредительнаго Собранія, такъ какъ было очевидно, что воз-

ставшій народъ не подчинится теперь никому изъ Романовыхъ.

Такъ кончилось царство этого дома. Триста лѣтъ назадъ, при звонѣ колоколовъ, при кликахъ народа, первый Романовъ вступилъ въ Москву. Теперь при такомъ же ликованіи всего народа Россія низложила послѣдняго представителя этого дома, и власть опять въ рукахъ народа. Тогда былъ Земскій соборъ, теперь предстоитъ Учредительное Собраніе, которое установитъ будущую форму правленія Русскимъ государствомъ. Каково будетъ это рѣшеніе земскаго собора, на которомъ русскіе граждане призываются высказаться вольными голосами?

Царское правительство привело Россію на край гибели. Предстоящая историческая минута рѣшитъ нашу судьбу на много десятилѣтій,—быть можетъ, на цѣлые вѣка. Нужно много мудрости, чтобы прекратить внутри страны разногласія, опасные споры изъ-за власти и междоусобія. Нужно, чтобы Россія единой душой и единымъ сердцемъ стала на сторонѣ своей независимости.

Царской власти нѣтъ уже доли въ этомъ великомъ и трудномъ общенародномъ дѣлѣ. Не будетъ ей доли и въ счастливомъ будущемъ послѣ грозы. Россія слишкомъ долго вѣрила въ царей, слишкомъ долго и напрасно надѣялась. Послѣдній Романовъ отучилъ ее отъ этихъ простодушныхъ упованій, и теперь со всѣхъ концовъ нашей родины, изъ городовъ и селъ, изъ столицъ и деревень несется, повидимому, общій единодушный крикъ:

„Да здравствуетъ народное правленіе!... Да здравствуетъ демократическая республика!”

„Первое Русское Издательство въ Америкѣ."

Широко развивая свою дѣятельность, Издательство ежемѣсячно выпускаетъ серіи новыхъ книгъ. Требуйте каталогъ и запрашивайте свѣдѣнія по адресу:

FIRST RUSSIAN PUBLISHING CORPORATION

Book Department

(31 Истъ Седьмая улица, Нью-Іоркъ).

Въ теченіе Іюля мѣсяца 1918 г. выйдутъ изъ печати слѣдующія новыя книги:

М. ВИЛЬЧУРЪ. Русскіе въ Америкѣ. Первое подробное изслѣдованіе о жизни и бытѣ русскихъ въ Америкѣ. Очерки, наброски, изслѣдованія. Цѣна........... **$1.00**

АЛЬБОМЪ ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ ВЪ КАРТИНАХЪ И РАЗСКАЗАХЪ. Изящно изданная книга, заключающая въ себѣ многочисленные рисунки—фотографическіе снимки всѣхъ выдающихся дѣятелей и событій Великой Русской Революціи. Книга снабжена также подробнымъ историческимъ очеркомъ о Великой Русской Революціи. Цѣна........................ **.75**

ДОСУГЪ. Первый изданный въ Америкѣ сборникъ разсказовъ, очерковъ, стихотвореній и рисунковъ. Въ сборникѣ собранъ исключительно интересный литературный матеріалъ и украшенъ онъ снимками съ картинъ русскихъ лучшихъ художниковъ. Цѣна изящно изданной книги .... **.65**

ВЛАД. КОРОЛЕНКО. ПАДЕНІЕ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ. Рѣчь простымъ людямъ о событіяхъ въ Россіи. Книга, ярко и образно написанная, представляетъ вкратцѣ всю исторію Руси въ теченіе трехсотлѣтняго царствованія дома Романовыхъ и объясняетъ, почему царская власть Романовыхъ въ Россіи должна была пасть. Цѣна.... **.20**

Л. КИНЪ. ЧТО ТАКОЕ ВСЕОБЩЕЕ, РАВНОЕ, ПРЯМОЕ И ТАЙНОЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО. Цѣна....... **.12**

ЗЕМЛЯ, ТРУДЪ И НАРОДЪ. Сборникъ статей И. Сигова, В. Мальченко и профессора А. Кауфмана. Цѣна.... **.30**

ЧТО ТАКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНІЕ И ЧТО ОНО ДОЛЖНО ДАТЬ НАРОДУ. Цѣна.................. .15

ВЪ ОЖИДАНІИ СМЕРТНОЙ КАЗНИ. Разсказъ осужденнаго (изъ записокъ знаменитаго русскаго революціоннаго дѣятеля Григ. Гершуни). Цѣна............... .12

ИЗМѢННИКИ И ПРЕДАТЕЛИ РОССІИ (Сухомлиновъ, Мясоѣдовъ и другіе). Цѣна........................ .15

Л. Н. ТОЛСТОЙ. КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ. Разсказъ-быль. Цѣна.................................. .15

Н. В. ГОГОЛЬ. ТАРАСЪ БУЛЬБА. Повѣсть. Цѣна..... .60

Н. В. ГОГОЛЬ. СТРАШНАЯ МЕСТЬ. Изъ разсказовъ-сказокъ „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки". Цѣна.. .12

Н. В. ГОГОЛЬ. ЗАКОЛДОВАННОЕ МѢСТО. ПРОПАВШАЯ ГРАМОТА. Изъ разсказовъ-сказокъ „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки". Цѣна............... .15

Н. В. ГОГОЛЬ. ПОВѢСТЬ О ТОМЪ, КАКЪ ПОССОРИЛСЯ ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ СЪ ИВАНОМЪ НИКИФОРОВИЧЕМЪ. Цѣна .... .30

Н. В. ГОГОЛЬ. СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА. Изъ разсказовъ-сказокъ „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки". Цѣна .... .15

А. С. ПУШКИНЪ. Русскія народныя сказки: СКАЗКА О РЫБАКѢ И РЫБКѢ, СКАЗКА О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНѢ И СЕМИ БОГАТЫРЯХЪ и СКАЗКА О ПОПѢ И РАБОТНИКѢ ЕГО БАЛДѢ. Цѣна................. .12

А. С. ПУШКИНЪ. Русскія народныя сказки. СКАЗКА О ЦАРѢ САЛТАНѢ, О СЫНѢ ЕГО, СЛАВНОМЪ И МОГУЧЕМЪ БОГАТЫРѢ КНЯЗѢ ГВИДОНѢ САЛТАНОВИЧѢ И О ЦАРЕВНѢ ЛЕБЕДИ. Цѣна....... .12

А. С. ПУШКИНЪ. Русскія народныя сказки: СКАЗКА О ЗОЛОТОМЪ ПѢТУШКѢ. Цѣна.................... .08

В. А. ЖУКОВСКІЙ. Русскія народныя сказки: 1) СКАЗКА О ЦАРѢ БЕРЕНДѢѢ, О СЫНѢ ЕГО ИВАНѢ ЦАРЕВИЧѢ, О ХИТРОСТЯХЪ КОЩЕЯ БЕЗСМЕРТНАГО И О ПРЕМУДРОСТИ МАРІИ ЦАРЕВНЫ, КОЩЕЕВОЙ ДОЧЕРИ. 2) СПЯЩАЯ ЦАРЕВНА, сказка. Цѣна.... .15

В. А. ЖУКОВСКІЙ. Русскія народныя сказки. 1) СКАЗКА ОБЪ ИВАНѢ ЦАРЕВИЧѢ И ЕЛЕНѢ ПРЕКРАСНОЙ. 2) КОТЪ ВЪ САПОГАХЪ, сказка. Цѣна.... .15

ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ НОВАЯ КНИГА:

„Досугъ."

Первый изданный въ Америкѣ сборникъ разсказовъ, очерковъ, стихотвореній и рисунковъ. Подъ редакціей Н. Н. Сергіевскаго.

СОДЕРЖАНІЕ СБОРНИКА:

1. **Пассажиръ съ желтымъ чемоданомъ.** Разсказъ Б. П. Никонова.
2. **„На чужбинѣ".** Два стихотворенія. К. Р.
3. **Кольцо.** Разсказъ (изъ области таинственнаго) Н. Н. Сергіевскаго.
4. **Родные напѣвы.** Стихотвореніе поэта-крестьянина И. З. Сурикова.
5. **Городъ на болотѣ.** Шутка „Мухи".
6. **Изъ тайнъ природы. Солнце и мы.** Опытъ предсказанія, что ожидаетъ человѣчество въ ближайшіе годы. Очеркъ. Н. Никольскаго.
7. **Мученики революціи—дѣти.** Очеркъ С. П. Швецова.
8. **Среди владѣній великаго изобрѣтателя** (Томаса Эдисона). Наброски М. Вильчура.
9. **„Анекдоты" изъ недавней русской жизни: „Маленькое недоразумѣніе", „Обрадовалъ".** Н. Муратова.
10. **Хитрый армянинъ.** Шутка сэра Брекекэкса.
11. **Обо всемъ понемногу:** „Ничто не ново подъ луною", „Наши предки о нѣмцахъ", „Какъ представляются предметы душевно больнымъ", „Поле битвы ночью", Австрійская палица-дубина".
12. **Въ мірѣ книгъ. Критическіе очерки о новыхъ книгахъ.** Филиппа Буквоѣда.
13. **Къ рисункамъ,** помѣщеннымъ въ сборникѣ.
14. **Новыя книги.**

Въ сборникѣ помѣщены многочисленные рисунки—воспроизведенія картинъ лучшихъ русскихъ художниковъ, снимки съ событій войны, портреты и проч. Книга напечатана на хорошей бумагѣ и заключена въ изящную обложку. Она представляетъ собою первое изданіе въ этомъ родѣ въ Америкѣ по образцу лучшихъ подобныхъ изданій Россіи (альманаховъ).

Цѣна книги 65 сентовъ, съ пересылкой 70 сент.

Выписывайте по адресу:

FIRST RUSSIAN PUBLISHING CORPORATION

Book Department

31 East 7th Street New York, N. Y.

Требуйте наши каталоги.

ОСИПЪ ДЫМОВЪ: Бѣгущіе Креста. Романъ.......... .75
Каждый день. Драма.......................... .25
О. ДУРНОВО: Такъ говорилъ Христосъ............... 1.00
ЭМИЛЬ ЗОЛЯ: Парижъ. Романъ..................... .75
ЗАХЕРЪ МАЗОХЪ: Демоническія женщины. Романъ... 1.00
Исповѣдь моей жены. Романъ.................. 1.50
БОРИСЪ ЛАЗАРЕВСКІЙ: Во время войны. Разсказы.. 2.25
ДЖЕКЪ ЛОНДОНЪ: Морской волкъ. Разсказы........ 2.25
Бѣлый Кликъ. Разсказы....................... .30
Приключеніе. Разсказы .... .40
Солнце красное. Разсказы.................... .60
Мартинъ Иденъ. Разсказы..................... .60
Дѣти Снѣговъ. Разсказы...................... .20
Сынъ солнца. Разсказъ....................... .20
ПЬЕРЪ ЛОТТИ: Исландскій рыбакъ. Разсказы....... .20
Матросъ. Разсказы .... .20
ВЛ. КОРОЛЕНКО: Бытовое явленіе (замѣтки публициста о смертной казни)........................... .40
КРАШЕНИННИКОВЪ: Барышни. Романъ............... .80
Д. МЕРЕЖКОВСКІЙ: Смерть Павла 1-го............... .50
ГЮИ ДЕ-МОПАССАНЪ: Домъ мадамъ Телье. Разсказъ.. .20
Избранникъ г-жи Гюссонъ. Разсказъ............ .30
Нашъ милый другъ. Разсказъ.................. .40
Наслѣдство. Разсказъ .... .20
Наше сердце. Разсказъ....................... .30
Пятки. Разсказъ............................. .20
Сестры Рандоли. Разсказъ.................... .20
Сказки дня и ночи. Разсказы................. .20
Пьеръ и Жанъ. Романъ........................ .30
Н. МОРОЗОВЪ (Шлиссельбуржецъ): За одно слово...... .15
ОЛЬШЕВСКІЙ: Бюрократія. Разсказы............... 2.50
ЭЛИЗА ОЖЕШКО: Изъ одного русла, часть I и II...... .40
Мееръ Эзофовичъ. Разсказы................... .40
Гекуба. Разсказы............................ .40
ПОМЯЛОВСКІЙ: Вуколъ, мѣщанское счастье. Разсказы .20
Молотовъ. Повѣсть........................... .20
Очерки Бурсы .... .20
А. С. ПУШКИНЪ:
Капитанская дочка. Повѣсть.................. .10
Пиковая дама. Повѣсть....................... .10
Повѣсти Бѣлкина. Разсказы................... .40
С. ПШЕБЫШЕВСКІЙ: Homo Sapiens............... .40
День суда. Разсказы......................... .40
Дѣти Сатаны. Разсказы....................... .20
Г. СЕНКЕВИЧЪ: Въ пустынѣ и дебряхъ. Разсказы.... .50
Старый слуга. Разсказъ...................... .20
СЕРГѢЕВЪ-ЦЕНСКІЙ: Поручикъ Бабаевъ. Повѣсть.... 2.70
Разсказы, томъ I............................ 2.70
МАРКЪ ТВЕНЪ: Приключенія Тома Сайера........... .30
ТЕТМАИЕРЪ: I
Ангелъ Смерти. Разсказы...................... .40
Гибель. Разсказы .... .30

Л. Н. ТОЛСТОЙ: **Воскресеніе.** Романъ 1.50
Посмертныя сочиненія, I томъ 1.90

О. УАЙЛЬДЪ: **Потретъ Доріана Грея.** Романъ .... .30

Кн. УРУСОВЪ: **Записки губернатора** .... .75

УЭЛЬСЪ: **Война въ воздухѣ** .... .40
Первые люди на лунѣ .... .30

ЦЕБРИКОВА: **Сибирь и ссылка** .... .20

ЧЕРНЫШЕВСКІЙ: **Что дѣлать?** Романъ 1.50
Прологъ 1.00

ЧИРИКОВЪ: **Разсказы.**
Мужики .... .50
Мятежники .... .40
На порогѣ жизни .... .15
На порукахъ .... .25
Общественныя драмы .... —
Пережитое .... .15
Товарищъ .... .15

ШНЕЕРСОНЪ: **Финляндія** .... .20

ЮШКЕВИЧЪ: **Голодъ.** Драма .... .50
Дина Гланкъ. Драма .... .40
Евреи. Разсказы .... .50
Кабатчикъ Гейманъ. Разсказъ .... .10
Комедія брака. Драма .... .60
Очерки дѣтства 1.00
Прологъ .... .50
Разсказы и пьесы 1.00
Семья .... .50
Чужая. Разсказъ .... .25

ѲЕДОРОВЪ: **Камни.** Разсказы 2.25
Степь сказалась. Разсказы 2.25

Кромѣ перечисленныхъ книгъ, на складѣ имѣются большой выборъ книжекъ „Универсальной Библіотеки", „Библіотеки Современной Русской Литературы", „Художественной Библіотеки" и „Юмористической Библіотеки Сатирикона".Имѣются также популярно-научныя книги Лункевича, профес. Вагнера, Рубакина и т. д. Имѣется также обширный выборъ учебниковъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, научно-популярныхъ изданій по исторіи, медицинѣ, сельскому хозяйству и т. д., книги для школъ и самообразованія.

Книжный Складъ **„Перваго Русскаго Издательства въ Америкѣ"**, составляетъ библіотеки разнообразнаго содержанія, начиная цѣною отъ 1 доллара.

Всѣ заказы и запросы слѣдуетъ направлять по адресу:

FIRST RUSSIAN PUBLISHING CORPORATION

Book Department

31 East 7th Street **New York, N. Y.**

Книжный Складъ

„ПЕРВАГО РУССКАГО ИЗДАТЕЛЬСТВА ВЪ АМЕРИКѢ"

всегда имѣетъ разнообразный выборъ книгъ и брошюръ какъ своего изданія, такъ и получаемыхъ изъ Россіи, по слѣдующимъ отдѣламъ: беллетристика (изящная литература)—романы, повѣсти, сборники разсказовъ, собранія сочиненій русскихъ и иностр. писателей, историч. романы и повѣсти, сборники стихотвореній и т. д.; отдѣлъ популярно-научный—книги въ общедоступномъ изложеніи по природовѣдѣнію, народовѣдѣнію, исторіи общей, исторіи политической, исторіи культуры и т. д.; отдѣлъ книгъ и брошюръ о русской революціи и вытекающихъ изъ нея вопросовъ; спеціальный обширный отдѣлъ учебниковъ для школъ, учебныхъ пособій для самообразованія и т. д.

Складъ предлагаетъ **совершенно безплатно** свои услуги:

по составленію библіотекъ для школъ, организацій и частныхъ лицъ;

по составленію руководящихъ программъ для систематическаго чтенія и послѣдовательнаго развитія;

по указанію отдѣльныхъ книгъ по всѣмъ интересующимъ читателей вопросамъ.

Складъ принимаетъ заказы на прiисканiе и доставку любыхъ книгъ, хотя бы таковыхъ на своемъ складѣ и не имѣлось.

Организуя обширный кадръ агентовъ и книгоношъ для широкаго распространенiя среди русской колонiи въ Сѣверной и Южной Америкѣ и въ Канадѣ книгъ, брошюръ, альбомовъ, открытыхъ писемъ и проч. своего изданiя, **Книжный Складъ „Перваго Русскаго Издательства въ Америкѣ" приглашаетъ для этой цѣли дѣятельныхъ и толковыхъ лицъ. Условiя заработка—исключительныя.** Желающiе воспользоваться этимъ предложенiемъ, приглашаются переговорить или списаться съ завѣдующимъ складомъ.

Адресъ склада:

Book Department

of the

"First Russian Publishing Corporation in America," Inc.

31 E. 7th Street, New York, N. Y.

Складъ открытъ по буднямъ отъ 11 ч. утра до 7 ч. вечера, а по воскреснымъ днямъ отъ 10-ти ч. утра до 1-го часа дня.

Обращайтесь за справками, указанiями и совѣтами по всѣмъ интересующимъ васъ вопросамъ въ области книжнаго дѣла и требуйте наши каталоги.

Въ ожиданіи казни.

(Разсказъ осужденнаго).

Нью-Іоркъ.

ПЕРВОЕ
РУССКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВЪ
АМЕРИКѢ.

Въ Ожиданіи Казни.

(Разсказъ осужденнаго).

Извѣстный революціонный дѣятель конца прошлаго и начала настоящаго столѣтія, Григ. Гершуни, нынѣ покойный, оставилъ свои воспоминанія, написанныя имъ послѣ удавшагося побѣга изъ Акатуйской каторги. Въ нихъ ярко рисуются картины жизни въ неволѣ самоотверженныхъ подготовителей русской революціи, борцовъ за свободу русскаго народа, картины того, какъ тогдашнее правительство сводило съ ними счеты.

Изъ этихъ воспоминаній, изданныхъ въ Парижѣ въ 1908 году представляющихъ большой интересъ, но мало знакомыхъ широкимъ слоямъ читающей публики, мы приведемъ здѣсь нѣкоторыя наиболѣе яркія страницы.

Въ 1903 г. правительство было потрясено рядомъ покушеній, произведенныхъ членами партіи Боевой Организаціи на надежнѣйшихъ столповъ стараго режима: были убиты министръ внутр. дѣлъ Сипягинъ (Балмашевымъ) и уфимскій губернаторъ Богдановичъ (послѣдній за допущенный имъ разстрѣлъ Златоустовскихъ рабочихъ, потрясшій тогда ужасомъ всю страну), были произведены неудавшіяся покушенія на оберъ-прокурора Побѣдоносцева, на харьковскаго губернатора князя Оболенскаго (Качурой) и петербугскаго градоначальника фонъ-Валя (Гершковичемъ).

Гершуни подозрѣвался въ принадлежности въ партіи Боевой Организаціи и къ партіи соціалистовъ-революціонеровъ.

Дѣятельно слѣдившая за нимъ полиція долго не могла напасть на слѣдъ его. Наконецъ, въ маѣ 1903 г., когда Гершуни пріѣхалъ въ Кіевъ, чтобы наладить партійную типографію, его схватили и въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ отправили въ Петербургъ, гдѣ онъ былъ заключенъ въ Петропавловскую Крѣпость—въ знаменитый въ лѣтописяхъ ея 46-ой номеръ Трубецкого бастіона. Въ этомъ холодномъ, сыромъ, съ прозглымъ воздухомъ, мрачномъ склепѣ Гершуни просидѣлъ 8 мѣсяцевъ пока длилось предварительное слѣдствіе по дѣлу о вмѣненной ему въ вину революціонной дѣятельности. Прямыхъ уликъ и доказательствъ противъ него не было. Все обвиненіе было построено на оговорахъ двухъ предателей, дававшихъ туманныя и сбивчивыя показанія. Дѣло подлежало разсмотрѣнію военнаго суда, и исходъ дѣла въ отношеніи Гершуни заранѣе было предрѣшенъ—смертная казнь.

Обвинительный матеріалъ былъ, въ смыслѣ бездоказательности, настолько легковѣсенъ, что возбудившее противъ Гершуни обвиненіе министерство внутр. дѣлъ принимало всякія мѣры, чтобы пролить свѣтъ на это дѣло. Въ крѣпость къ Гершуни неоднократно являлся, по порученію министра Плеве, вице-директоръ департамента полиціи Макаровъ, запугивавшій Гершуни предстоявшей смертной казью и суливиій ему жизнь цѣною нѣкоторыхъ признаній. Но Гершуни былъ стоекъ и непреклоненъ.

Судъ былъ назначенъ на 18 февраля 1904 г. Гершуни былъ переведенъ изъ крѣпости въ „предварилку", сообщавшуюся непосредственно съ Окружнымъ Судомъ, гдѣ временно долженъ былъ засѣдать судъ военный. Разборъ дѣла (къ которому, кромѣ Гершуни, были привлечены еще нѣсколько обвиняемыхъ) длился нѣсколько мучительныхъ дней. Защищалъ Гершуни Корабчевскій,—звѣзда петербургскаго адвокатскаго міра. Многія ложныя показанія свидѣтелей-измѣнниковъ партіи предававшихъ Гершуни, легко могли бы быть имъ опровергнуты, но для этого ему пришлось бы назвать—и тѣмъ самымъ погубить—нѣкоторыхъ товарищей. И обвиняемый, которому грозила смертная казнь, продолжалъ стойко молчать.

Передаемъ дальнѣйшій разсказъ самому Гершуни.

I.

Смертный приговоръ.

Судъ удаляется для совѣщанія! Г. приставъ, уведите подсудимыхъ!...—торжественно изрекаетъ предсѣдатель суда, баронъ Остенъ-Сакенъ.

Это было, кажется, на восьмой день, въ 11 часовъ утра.

Жандармы выстраиваются и насъ разводятъ по камерамъ.

„Судъ совѣщается"!... Что касается меня, то, пожалуй, можно бы и не совѣщаться, Дѣло ясно, т. е. не дѣло, а исходъ „дѣла"... Не зная, сколько они тамъ будутъ „совѣщаться", торопишься привести въ порядокъ свои дѣла—написать письма. Стараешься перехитрить подсматривающихъ надзирателей. Кое-какъ письма нацарапаны. Уже три часа, а они все еще „совѣщаются". Начинаешь испытывать нетерпѣніе. Чего они тамъ? Столько времени уже прошло! Спять что-ли? Темнѣетъ. Прислушиваешься къ каждому шороху. А! идутъ...

— На прогулку пожалуйте.

— Только-то? А я думалъ—болѣе далекую прогулку предложатъ...

Надзиратель опускаетъ глаза.

Ясный, морозный вечеръ. На небѣ ярко играютъ звѣзды. Подъ небомъ на вышкѣ ходитъ часовой. Для „прогулки" отведено маленькое ого-

роженное досками пространство шаговъ 15 длиной и 5 шириной, очень напоминающее мѣсто для загона скота. Ты виденъ только Богу да часовому, но самъ никого не видишь.

„Совѣщаются"... Ну, сегодня-то ужъ во всякомъ случаѣ кончатъ. А потомъ сколько еще пройдетъ? Пожалуй дня три-четыре еще протянется. Дадутъ свиданіе? Родители бѣдные, бѣдные!... Какъ-то они тамъ справятся со своимъ горемъ? Для нихъ то вѣдь это только горе. Товарищи... Дойдетъ ли къ нимъ письмо? Надо будетъ...

— Кончайте прогулку.

„Совѣщаются"... Прошла повѣрка. Отъ томительнаго ожиданія мысли принимаютъ какой-то уныло-хаотическій характеръ. Скучно... Какое странное настроеніе въ ожиданіи „приговора"! Надо лечь спать,—совѣщаніе-то, вѣрно, тоже спитъ . . .

Тихо, точно крадучись, отпираютъ дверь камеры.

— Въ судъ пожалуйте,—вставайте.

Посовѣщались... Обыскиваютъ еще тщательнѣе, чѣмъ въ первый разъ. Часы бьютъ полночь. Говорятъ шепотомъ. Въ коридорѣ полумракъ. Лязгъ шашекъ, звонъ шпоръ, гулъ шаговъ. Нарядъ полиціи и жандармовъ усиленъ. Стоятъ почти сплошными шпалерами. Въ залѣ пусто. Угрюмо сидитъ только какой-то жандармскій генералъ. Изъ защиты явилась только молодежь. Лица у всѣхъ тревожныя. Глядя на нихъ, можно думать, что это они ждутъ приговора.

— Судъ идетъ!

У всѣхъ „судей" истомленныя, измученныя лица. „Вѣшать-то, видно, не сладко",—проносится злорадная мысль. Даже военный прокуроръ—знаменитый Павловъ—отсутствуетъ, приславъ своего помощника. Предсѣдатель Остенъ-Сакенъ блѣденъ, волосы взъерошены. Читается приговоръ. Вся зала стоитъ. Взволнованнымъ, прерывающимся голосомъ предсѣдатель выбрасываетъ: каторжныя работы на 4 года, смертная казнь, арестантскія роты, смертная казнь, каторжныя работы на 10 лѣтъ...

— Приговоръ въ окончательной формѣ будетъ объявленъ послѣ завтра. Г-нъ приставъ, уведите подсудимыхъ!

Наскоро прощаемся съ защитой. Ведутъ обратно въ камеры. Чины полиціи и жандармеріи съ какимъ-то жуткимъ, тревожнымъ любопытствомъ смотрятъ на насъ. Всѣмъ имъ какъ-то не по себѣ, точно въ чемъ-то виноваты.

Камера. Стоишь въ недоумѣніи. Такъ это-то и есть смертный приговоръ?! Какъ просто! Почему же нѣтъ никакихъ такихъ особенныхъ чувствъ? Или они еще будутъ? Наскоро раздѣваешься и ложишься на койку. Только заснулъ, —сквозь сонъ слышишь, какъ опять открывается дверь камеры и кто-то будитъ тебя.

— Что такое, въ чемъ дѣло?

— Приказано одѣваться, сейчасъ поѣдете.

— Ночью-то? Куда-же поѣдемъ?

— Не могу знать,—приказано приготовиться.

Неужели сейчасъ на казнь повезутъ? Или, можетъ быть, нѣчто худшее?

Вывели на дворъ, усадили въ карету и подъ охраной жандармовъ повезли. Куда? Неизвѣстно! Черезъ минутъ двадцать карета остановилась,—оказывается, это привезли обратно въ крѣпость. „Ну, значитъ, не на пытку", облегченно думаешь, и, какъ къ себѣ въ домъ, идешь въ старую камеру. По дорогѣ встрѣчаетъ заспанный полковникъ—завѣдующій крѣпостью.

— Ну, что? чѣмъ кончилось?—тревожно спрашиваетъ онъ.

— Смертная казнь!—выкрикиваю нарочно громче, чтобы жандармы слышали.

У вояки лицо вытягивается и дѣлается такое испуганное, что невольно вызываетъ улыбку.

Теперь спать! А тамъ видно будетъ! Легъ, но заснуть не даютъ. Слышенъ какой-то беззвучный шепотъ (такъ „беззвучно" шептать умѣютъ только жандармы-тюремщики). Потомъ черезъ каждые нѣсколько минутъ—продолжительное и внимательное разглядываніе въ глазокъ двери. Ничто такъ не волнуетъ, какъ это надоѣдливое заглядываніе, невиносимое даже въ обычное время. Очевидно, приказано было тщательно слѣдить за „приговоренными". Какъ тутъ избавиться отъ этого? Даю звонокъ, является дежурный.

— Слушайте, голубчикъ! Я приговоренъ къ смертной казни, очень усталъ, спать до смерти хочется, но ваше подглядываніе въ глазокъ все не даетъ заснуть. Конечно, вы не виноваты,—вамъ приказали. Но подумайте сами,—чего вамъ гля-

дѣть-то? Видите, я спокоенъ, ничего надъ собой не сдѣлаю, только и всего, что высплюсь, а?

Жандармъ попался хорошій. Растерялся, бѣдный, не знаетъ, что дѣлать.

— Помилуйте, господинъ, сами хорошо понимаемъ! Что будешь дѣлать? Служба такая проклятая!

На слѣдующее утро, только приготовился писать письма,—открывается дверь въ камеру: посланникъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ, вице-директоръ Макаровъ! Опять, значитъ, съ какими-нибудь уговорами. Такъ и есть!

— Приговоръ вынесенъ,—заводитъ онъ рѣчь,—неужели вы такъ и думаете идти на висѣлицу?

— То есть?

— Да очень просто! Согласитесь сами, какой-же смыслъ лѣзть въ петлю? Ну, сдѣлали тамъ свое дѣло, провели, какъ вамъ хотѣлось, процессъ, выполнили, такъ сказать, свой долгъ. Дальше что же?

— А что?

— Да вѣдь вы въ загробную жизнь, надѣюсь, не вѣрите? Какой же смыслъ умирать? Выполните формальность! Подумайте: простая вѣдь формальность! Ну, тамъ, прошеніе, заявленіе,—называйте, какъ хотите,—что въ этомъ можно дурного найти? И отъ васъ не требуется никакихъ признаній, никакихъ раскаяній. Вѣдь вы обращаетесь не къ правительству, а къ верховной власти. А верховная власть, какъ хотите, великое дѣло.

— Несомнѣнно. Для васъ всѣхъ, купающих-

ся въ лучахъ этой власти,—она великое дѣло, такъ какъ даетъ вамъ великія выгоды. Но для народа, для насъ,—въ оцѣнкѣ мы нѣсколько расходимся. Но дѣло-то, собственно, не въ этомъ. Вѣдь у насъ разговоръ былъ уже. За это время ничего не измѣнилось. Какія данныя для измѣненія рѣшенія?

— Тогда требовались показанія, теперь рѣчь идетъ только о прощеніи.

— Только? А вамъ неизвѣстно, что у насъ подача прошенія о помилованіи считается самымъ позорнымъ преступленіемъ? Бросимъ это.

— Вы меня извините, но я по человѣчеству не могу оставить это дѣло въ такомъ положеніи. Я знаю, меня вы не послушаетесь, такъ я васъ долженъ предупредить: рѣшено вызвать вашихъ родныхъ, поручить имъ склонить васъ.

— Вотъ что. Говорю вамъ и передайте кому нужно: я безусловно запрещаю вмѣшивать въ это дѣло родныхъ. Это будетъ уже настоящимъ звѣрствомъ: вѣдь вы хорошо знаете, что ничего не добьетесь, зачѣмъ же причинять имъ еще лишнія страданія? Если вы честный человѣкъ,—вы должны родныхъ оставить въ сторонѣ.

Въ Макаровѣ какъ будто что-то шевельнулось.

— Хорошо, я постараюсь выполнить ваше желаніе,—глухо проговорилъ онъ и вышелъ изъ камеры.*)

---

*) Противъ ожиданія, Макаровъ выполнилъ свое обѣщаніе—съ родными не говорилъ.

На завтра опять повезли въ предварилку. Уже поздно вечеромъ, въ субботу, снова выстроили въ коридорѣ и повели для выслушанія приговора въ окончательной формѣ. Въ залѣ никого не было, кромѣ защиты. Прочли пространный приговоръ. Раздается приказъ:

— Г-нъ приставъ, уведите осужденныхъ...

Послѣдній разъ! Больше уже въ этой залѣ не придется бывать. Распрощались съ защитой, распрощался съ товарищами по процессу. Въ холодномъ сводчатомъ коридорѣ тускло и уныло. Тускло и уныло на душѣ. Давитъ одиночество: „на міру и смерть красна". Да, на міру красна! Но какъ сѣра она здѣсь, на задворкахъ, вдали отъ всего живого! Какъ мучительно хочется видѣть близкое лицо! Одинъ хоть сочувственный взглядъ—какъ онъ поднялъ-бы настроеніе! Какъ завидуешь старымъ бойцамъ, имѣвшимъ счастье умирать открыто, оставляя однимъ любовь, другимъ кидая презрѣніе! А теперь!... Ночью выведутъ на дворъ. Палачъ, нѣсколько жандармовъ... Задушатъ и бросятъ тутъ же въ яму... Горькая судьба русскаго революціонера! Во время „работы", какъ травленный звѣрь преслѣдуемъ жандармами. Въ тюрьмѣ охраняемъ жандармами. На слѣдствіи допрашиваемъ жандармами, на судѣ окруженъ жандармами, на эшафотѣ казненъ жандармами, и послѣдній вздохъ, послѣдній привѣтъ товарищамъ-борцамъ и несчастной родинѣ перехватывается жандармами.

Усталымъ, тоскливымъ взоромъ скользишь по обнаженнымъ шашкамъ и безконечнымъ мунди-

рамъ, и передъ тобой поднимается, все больше и больше разростаясь, какъ бы символъ несчастій страны—громадныхъ размѣровъ жандармъ. Онъ все увеличивается, увеличивается, необъятныя лапы охватываютъ бьющуюся и стонущую Россію. Надъ разросшимся до неимовѣрныхъ размѣровъ жандармомъ—лозунгъ россійскаго исконнаго начала: „все для жандармовъ и все посредствомъ жандармовъ"...

II.

Въ ожиданіи казни.

Были первыя числа марта. Повѣяло тепломъ. Началась оттепель. Днемъ солнце сильно грѣло и птички весело чирикали за желѣзными рѣшетками. Сколько придется ждать, пока закончатъ всѣ формальности? Пожалуй, нѣсколько дней еще пройдетъ? Но какъ хорошо, что теперь уже больше не будутъ таскать по судамъ! Да и тревожить-то уже больше, повидимому, никто не будетъ...

Кончился судъ вражескій; теперь-то только начинается настоящій нелицепріятный судъ — судъ собственной совѣсти, судъ надъ самимъ собой. Судъ строгій и безжалостный!

Не разъ, конечно, приходится сознательному революціонеру снова и снова перебирать: правиленъ-ли тотъ путь, по которому онъ идетъ? Не разъ мучительныя тревоги и тяжелыя сомнѣнія, какъ червь, заползаютъ въ душу и поднимаютъ все тотъ же жгучій вопросъ: нѣтъ ли другихъ, менѣе тяжелыхъ, менѣе тернистыхъ путей для достиженія блага и счастья трудящагося класса? Неизбѣженъ-ли единственный путь тотъ, на который сталъ ты?

И сколько-бы разъ ты для себя ни рѣшалъ, что да, тотъ путь правильный, да, тотъ путь единственный; какъ бы спокойно и увѣренно во все время борьбы ни шелъ по избранному пути, все-же, когда твой путь пришелъ уже къ концу, и,—какъ естествененный результатъ этого конца,—въ лицо тебѣ дышетъ холодъ раскрытой могилы, въ этотъ моментъ вся пройденная жизнь властно встаетъ передъ тобой и грозно, неумолимо требуетъ отвѣта: такъ ли ты распорядился мной, чтобы я радостно, безъ сожалѣнія могла переступить грань, отдѣляющую меня отъ смерти?...

Медленно, шагъ за шагомъ, проходишь свою жизнь. И какое блаженное спокойствіе охватываетъ тебя, когда, послѣ упорныхъ, долгихъ и страстныхъ искательствъ, съ твердой вѣрой говоришь суровой истицѣ-совѣсти: „ты можешь быть спокойна,—твой путь былъ вѣренъ и награда заслужена: прими эту награду какъ должное".

И когда ты произносишь надъ собой этотъ приговоръ,—всѣ остальные приговоры начинаютъ

казаться такими мелочными, ничтожными! Счеты съ жизнью кончены и кончены хорошо!

Теперь остается выполнить послѣднее: спокойно по этому счету уплатить. Стараешься свыкнуться съ внѣшней стороной. Рисуешь себѣ картину казни. И каждый разъ дрожь проходитъ по тѣлу и становится нестерпимо жутко, когда доходишь до момента выбрасыванія палачомъ табуретки изъ-подъ ногъ и сжиманія горла веревкой. Изучаешь литературу предмета по книгамъ, которыя удается достать въ тюремной библіотекѣ. Оказывается, если петля приходится неудачно, смерть наступаетъ очень медленно. Многое зависитъ отъ силы паденія тѣла. „Наилучшій" способъ ирландскій: тамъ повѣшеннаго бросаютъ съ высоты 3—4 саженей и смерть наступаетъ почти мгновенно отъ разрыва позвоночника.

Какой-то нѣмецкій профессоръ даже изобрѣлъ расчетъ, какъ лучше вѣшать: на каждый фунтъ вѣса тѣла что-то около дюйма веревки извѣстной толщины. Впрочемъ, добавляетъ гуманный ученый застѣнка, и это не всегда обезпечиваетъ мгновенную смерть, такъ какъ весьма часто попадаются отклоненія въ крѣпости связокъ позвоночника. Теперь, вотъ вопросъ: есть ли у тебя отклоненіе или нѣтъ у тебя отклоненія?

Съ завистью думаешь о разстрѣляніи. Вотъ хорошая смерть! Стрѣлять-то ужъ хорошо пострѣляютъ, но повѣсить русскіе жандармы, конечно, толкомъ не сумѣютъ, и какая-нибудь заминка

ужъ непремѣнно выйдетъ.*) Постоянная мысль о казни и обдумываніе всѣхъ подробностей въ концѣ концовъ пріучають тебя и къ внѣшней сторонѣ. Труднѣе сжиться съ существомъ дѣла. Никакъ не представляешь себѣ смерть—небытіе. Вотъ, все есть—и тѣло, и мысли, и желанія, и любовь, и надежды—и вдругъ ничего этого не станетъ! Но что же будетъ? Сонъ? Смотришь на свое тѣло, щупаешь себя и все стараешься представить себѣ, какъ это будетъ **тогда?** И какъ же это? Никогда? Никогда больше не узнаешь, что дѣлается на свѣтѣ, чѣмъ кончилась борьба? И не будетъ никакихъ мыслей, никакихъ тревогъ, никакихъ надеждъ? Какъ странно!...

А впрочемъ, что тутъ страннаго? Заснулъ, только и всего! Заснулъ и не проснулся—ничего страннаго нѣтъ. Чего тутъ бояться? Все равно, что темноты бояться—глупо-же это! Бояться нечего, бояться глупо, но безконечное ожиданіе тревожитъ и томитъ. Когда-же, наконецъ? Въ крѣ-

---

*) Позже, сидя уже въ Шлиссельбургской тюрьмѣ, узналъ, что это недовѣріе къ русскимъ жандармамъ правильно: въ Россію вѣшаютъ отвратительно и звѣрски. Рѣдко казнь протекаетъ безъ какихъ-нибудь мучительныхъ осложненій: жертва бьется въ петлѣ иногда 10-20 минутъ! Степана Балмашева палачъ держалъ за ноги, такъ какъ послѣднія упирались въ помостъ эшафота. При казни Ивана Каляева произошла, вслѣдствіе неумѣлости и небрежности, такая ужасная сцена: палачъ не сумѣлъ какъ слѣдуетъ накинуть петлю, и Ив. Пл. такъ долго бился въ судорогахъ, что присутствовавшій при этомъ начальникъ штаба корпуса жандармовъ бар. Медемъ грозилъ палачу разстрѣломъ, если не прекратитъ муки повѣшеннаго. Гершковичъ былъ вынутъ изъ петли черезъ 30 минутъ, и сердце еще слабо билось.

постной библіотекѣ раздобылъ сочиненія Щедрина и на нихъ мысль отдыхала. Какой безконечный источникъ бодрости, любви и ненависти. Главное—жгучей, непримиримой, проникающей все существо ненависти къ старому строю и безпредѣльной любви къ страдальцу этого строя—трудовому народу. И непримиримость, хвалебный гимнъ непримиримой борьбѣ.

Прошла недѣля, другая. Всѣ формальности кончены. Приговоръ находится у Плеве, и каждую минуту можетъ быть отданъ на исполненіе. Чего они медлятъ?

Казнь, конечно, состоится въ Шлиссельбургѣ. Когда туда повезутъ? Вѣроятно, вечеромъ. И каждый вечеръ послѣ повѣрки ждешь: вотъ, вотъ откроется дверь, принесутъ платье—пожалуйте! И долго, долго лежишь такъ на койкѣ, трепетно прислушиваясь къ малѣйшему шороху—не идутъ ли? Часто раздаются шаги, часто подходятъ къ двери,—но все мимо. Подъ конецъ засыпаешь тревожнымъ, отъ малѣйшаго шума прерывающимся сномъ. Подъ утро съ удивленіемъ смотришь—еще нѣтъ? Ну, значитъ, сегодня навѣрное...

III.

Отъ смерти къ жизни.

Прошло **три недѣли** со времени приговора. Была середина шестой недѣли поста. На страстной и святой вѣшать нельзя. Стало быть, на этой

шестой должны во что-бы то ни стало кончить. По серединѣ недѣли пришелся какой-то праздникъ,—словомъ, выходило такъ, что 16-е марта я считалъ послѣднимъ днемъ пребыванія въ Петропавловской. По моимъ разсчетамъ, если казнятъ теперь, то это должно быть въ эту ночь—съ 16 на 17-ое.

Насталъ вечеръ. Осмотрѣлъ, въ порядкѣ-ли морфій *), настроился на соотвѣтствующій ладъ, жду. Прошла новѣрка. Въ крѣпости стало тихо, какъ бываетъ только въ тюрьмѣ. Былъ десятый часъ вечера. Чутко прислушиваюсь, нѣтъ-ли какого движенія. Среди мертвой тишины въ коридорѣ вдругъ слышенъ гулъ шаговъ. Шаги быстрые, властные, ясно приближающіеся къ моей камерѣ. У самой двери слышенъ голосъ:

— Вотъ сюда, ваше превосходительство!

Гремитъ открываемый засовъ, за нимъ замокъ, широко распахивается дверь. Быстро входитъ полковникъ, за нимъ предсѣдатель суда Остенъ-Сакенъ; въ коридорѣ видны жандармы. „При чемъ тутъ предсѣдатель суда?—проносится въ головѣ.—Неужели онъ будетъ присутствовать при казни?"...

— Здравствуйте, г-нъ Гершуни,—раздается его мягкій басъ. Онъ крайне взволнованъ, грудь

*) Передъ арестомъ я былъ въ полной увѣренности, что послѣ приговора будутъ пытать. Не зная напередъ, до какого предѣла сумѣешь держаться, обезпечилъ себя достаточнымъ количествомъ этого яда, который удалось спасти отъ всѣхъ утонченныхъ обысковъ.

высоко дышетъ. Лицо какое-то особенное. Онъ подошелъ близко, близко, и какимъ-то торжественнымъ тономъ говоритъ:

— Я привезъ вамъ высочайшую милость! Жизнь вамъ дарована!

Слова эти врѣзались въ память. Тогда—точно ножемъ полоснули.

Мнѣ хотѣлось крикнуть, что не надо мнѣ ихъ „милостей", но у него былъ такой непритворно блаженный видъ, онъ такъ искренно считалъ себя посланникомъ неба, несущимъ вѣсть избавленія, что у меня языкъ не повернулся сказать ему дерзость.

— Я объ этомъ не просилъ, вы это знаете? —только спросилъ я.

— Да, я знаю.

Онъ вышелъ. Нѣсколько секундъ я простоялъ безъ движенія. Потомъ, какъ стоялъ у койки, тихо, незамѣтно для себя опустился на нее. Все тѣло начало дрожать. Сначала слабо, постепенно все сильнѣе и сильнѣе. Руки такъ дрожали, что съ невѣроятной силой впились въ одѣяло. Зубы выбивали дробь. Весь похолодѣлъ, затѣмъ сразу облился холоднымъ потомъ. Хорошо помню: мыслей никакихъ въ головѣ не было.

Такъ, въ какомъ-то странно-подавленномъ состояніи прошло, вѣроятно, съ полчаса. Весь, какъ будто, застылъ и окаменѣлъ. Чувствовалась такая разбитость и слабость, что, несмотря на невѣроятную усталость, какъ будто не было силъ лечь на

койку, на которой я сидѣлъ безжизненной массой. Холодъ смѣнился жаромъ. Все тѣло буквально горѣло. Легкое тюремное одѣяло казалось нестерпимой. Во рту испытывалась мучительная сухость. Всю ночь пролежалъ съ открытыми глазами, съ какимъ-то дикимъ вихремъ мыслей въ головѣ.

Сразу не охватывалось все значеніе происшедшаго. Чувствовалась какая-то безпомощность, неподготовленность къ чему то большому, большому. Образовалась какая-то огромная пустота. Все время настраивалъ себя на извѣстный ладъ. Всѣ старанія были направлены на то, чтобы пріучить мыслить себя внѣ жизни. До извѣстной степени этого добился: жизни не существовало—вся жизнь была грядущей смертью; только мысль о смерти питала жизнь.

И вотъ, когда все существо, всѣ чувства и мысли послѣ большихъ стараній направлены въ извѣстную сторону, въ моментъ наивысшаго напряженія и ожиданія именно этой стороны,—васъ поворачиваютъ сразу, безъ предупрежденія, въ другую. Перейти неожиданно отъ смерти къ жизни, быть можетъ, еще болѣе трудно, чѣмъ отъ жизни къ смерти.

Но... жизнь получена, „дарована", надо какое-нибудь употребленіе изъ нея дѣлать!...

Начинаешь наново налаживать жизнь къ жизни. Если бы новорожденный все сознавалъ и мыслилъ, онъ, вѣроятно, переживалъ бы нѣчто соотвѣтствующее. Но радости жизни не было,

Было одно обстоятельство, заставлявшее сильно колебаться въ оцѣнкѣ полученнаго „дара".

Тогда къ казнямъ Россія еще не привыкла. Казнь всѣхъ давила, всѣхъ волновала, передъ всѣми стояла, какъ живой укоръ. И всѣмъ бывало стыдно. Стыдно правительству, совершавшему казнь, стыдно обществу, допускавшему казнь и сидѣвшему спокойно, когда другіе гибли на эшафотѣ. Трупъ казненнаго лежалъ пропастью между обществомъ и правительствомъ. На послѣднемъ горѣла печать палача, оно вызывало къ себѣ ненависть, презрѣніе и отвращеніе.

Но вотъ казнь отмѣняется, „даруется" жизнь, и вся тревожная атмосфера разрѣжается. Всѣ начинаютъ себя чувствовать легко. Куда-то далеко, далеко отлетаетъ сознаніе, что, вѣдь, русское правительство осталось тѣмъ же, чѣмъ было, что ни одинъ грѣхъ не искупленъ, что ничего тутъ не произошло такого, что могло бы смягчить отношеніе къ этому правительству.

Это одно. Но въ настоящемъ случаѣ были спеціальныя условія. Характеръ предательства былъ таковъ, что при желаніи давалъ богатую пищу для развѣнчанія революціоннаго теченія вообще. Конечно, исторія достаточно научила, что нельзя принимать на вѣру показаній предателя, и ни одинъ добросовѣстный противникъ этимъ пользоваться не будетъ. Но стоитъ только „щепетильность" откинуть въ сторону, дѣлать видъ, что повѣрилъ предателямъ—и на этой канвѣ вы можете вышивать какіе вамъ угодно узоры...

Вотъ эта-то боязнь, что предательство двухъ лицъ въ дѣлѣ, ихъ продиктованныя жандармами показанія о томъ, что ими воспользовались, какъ пушечнымъ мясомъ, скрывшіеся за ихъ спиною руководители, будутъ недобросовѣстно использованы,—заставляла желать казни: черезъ трупъ не всякій рѣшится переступить для такихъ цѣлей.

Но зато, съ другой стороны, жизнь досталась въ такой моментъ, когда все внутри тебя кричало, что близокъ часъ спасенія Россіи, что тебѣ это спасеніе доведется увидѣть своими собственными глазами. Война (русско-японская) только началась, а уже передъ страной открылись зловѣщія язвы стараго строя, которыя народу приходится поливать своей кровью. И то, что раньше для большинства было скрыто и ясно было только немногимъ, теперь обнаружилось и ясно стало всѣмъ. И даже этотъ столпъ, главный китъ, на которомъ спала убаюканная совѣсть народной массы—мощь и непобѣдимость россійскаго оружія—этотъ таинственный Молохъ, которому страна безропотно отдавала все, вплоть до своей крови, и **онъ** зашатался, и онъ разбился вдребезги при первомъ же испытаніи...

IV.

Какъ казнили въ прежней Россіи.

Какъ мы уже знаемъ, все обвиненіе противъ Гершуни было построено на показаніяхъ предателей—прежнихъ партійныхъ товарищей. Иныхъ

явныхъ доказательствъ не было. Поэтому вынесенный военнымъ судомъ смертный приговоръ самому суду показался чрезвычайно суровымъ, судъ ходатайствовалъ о помилованiи обвиненнаго, помилованiе было даровано, и смертная казнь была замѣнена Гершуни безсрочнымъ одиночнымъ заключенiемъ.

Въ iюлѣ того же года въ царской семьѣ родился наслѣдникъ. Милости манифеста, изданнаго по этому поводу, коснулись и арестантовъ. Но Гершуни манифестъ этотъ оказалъ плохую услугу: онъ былъ переведенъ изъ Петропавловской Крѣпости въ Шлиссельбургскую безъ смягченiя наказанiя. Если бы его оставили въ Петропавловской Крѣпости, то по манифесту пришлось бы срокъ наказанiя ему сократить и изъ разряда безсрочныхъ перевести его въ разрядъ четырнадцатилѣтняго заключенiя. Шлиссельбургская же тюрьма была единственнымъ мѣстомъ въ Россiи, котораго льготы и милости царскихъ манифестовъ не касались. И правительство поспѣшило упрятать туда своего злѣйшаго врага. Мѣсто это было надежное: попасть въ этотъ каменный мѣшокъ было равносильно тому, чтобы быть заживо погребеннымъ. Условiя жизни, разумѣется, были ужасныя. За всѣ 22 года (съ 1884 по 1905 г.) въ теченiе которыхъ „политическiе" заключались въ Шлиссельбургскую тюрьму, тамъ перебывало 68 человѣкъ; живыми выбрались лишь шесть, большая часть остальныхъ погибла въ этомъ царствѣ россiйской законности или покончили съ собой, выйдя изъ него больными: 13 были разстрѣляны

и повѣшены въ стѣнахъ тюрьмы, четверо тамъ-же покончили сами съ собой, трое застрѣлились вскорѣ послѣ освобожденія, четверо сошло съума и 15 умерло отъ чахотки, цынги и другихъ болѣзней въ стѣнахъ тюрьмы. Чтобы погубить такимъ образомъ нѣсколько десятковъ людей, правительство держало обширный штатъ тюремщиковъ и жандармовъ и на содержаніе тюрьмы тратило милліоны народныхъ денегъ (съ 1884 по 1905 г. было истрачено свыше двухъ милліоновъ рублей). Въ 1905 г. эта, знаменитая въ лѣтописяхъ русскаго освободительнаго движенія, тюрьма, гдѣ томились и гибли мученики русской революціи, была, наконецъ, закрыта, и послѣдніе пять узниковъ, въ томъ числѣ Гершуни, были перевезены въ Московскую Бутырскую тюрьму, а затѣмъ на Акатуйскую каторгу.

Въ Москву узники ѣхали подъ охраной прежнихъ стражей—Шлиссельбургскихъ жандармовъ. На прощанье ночью въ вагонѣ жандармы эти разговорились со своими арестантами, которымъ они сочувствовали, но съ которыми въ тюрьмѣ они говорить не смѣли. Тутъ на прощанье они дали волю языку и многое повѣдали, чему имъ пришлось быть въ тюрьмѣ свидѣтелями. Между прочимъ, разсказали они и о томъ, какъ совершались въ тюрьмѣ казни. Всѣ они присутствовали при казняхъ въ Шлиссельбургѣ, при послѣднихъ минутахъ жизни казненныхъ, и поэтому разсказы ихъ, какъ очевидцевъ являются вполнѣ достовѣрными.

Вотъ что записалъ съ ихъ словъ Гершуни.

Степана Балмашева привезли въ тюрьму утромъ, часовъ въ 10, и провели въ канцелярію. Держалъ онъ себя твердо, спокойно. Не доходя канцеляріи, увидавъ новую тюрьму, началъ размахивать шляпой. Днемъ пилъ чай и обѣдалъ. Вечеромъ его провели въ старую тюрьму и помѣстили въ одной изъ камеръ, недалеко отъ камеры, гдѣ уже подъ замкомъ сидѣлъ палачъ.

— Когда нужно будетъ, не забудьте меня разбудить,—съ насмѣшкой сказалъ Балмашевъ дежурному и легъ спать.

Часа въ 4 утра въ его камеру явился товарищъ прокурора Окружного Суда „со свитой". Балмашевъ спалъ, и его долго не могли добудиться. Наконецъ, онъ пріоткрылъ глаза и досадливо спрашиваетъ.

— Ну, что? Чего вамъ тамъ нужно?

— Вы такой-то?

— Я!

— Вамъ извѣстно, что вы приговорены с.-петербургскимъ военно-окружнымъ судомъ къ смертной казни?

— Извѣстно.

— Приговоръ вошелъ въ силу и сейчасъ будетъ приведенъ въ исполненіе.

— А, да! Ну, хорошо, хорошо!...

Опять легъ на подушку, закрылъ глаза и какъ бы заснулъ. Его снова разбудили.

— Да вставайте-же! Уже все готово!

— Хорошо, хорошо Вотъ сейчасъ!

Снова ложится. И такъ нѣсколько разъ. Наконецъ, приподнялся и съ усмѣшкой говоритъ:

— Такъ вставать? Все готово? Ну, вставать, такъ вставать!

Онъ оглядываетъ камеру. Передъ нимъ въ вицъ-мундирѣ представитель закона—прокуроръ. Дальше—исполнитель закона, палачъ Филипьевъ. Онъ весь съ ногъ до головы въ красномъ: красная шапка, красная блуза, красные шаровары. Въ одной рукѣ веревка, въ другой плеть . Лицо звѣрское—сѣрое, одутловатое, съ мутными налитыми кровью глазами. Онъ подходитъ вплотную къ своей жертвѣ, поднимаетъ надъ головой плеть и рычитъ:

— Руки назадъ! Запорю при малѣйшемъ сопротивленіи!...

Веревкой скручиваютъ руки и шествіе направляется изъ камеры въ маленькій дворикъ, между крѣпостной стѣной и старой тюрьмой—у Іоанновской башни. Тамъ уже „все готово". Эшафотъ, тутъ же вырытая яма, у нея черный ящикъ-гробъ. Дворикъ наполненъ начальствомъ и жандармами. Балмашева вводятъ на эшафотъ. Секретарь суда читаетъ приговоръ. На эшафотъ поднимается священникъ съ крестомъ. Балмашевъ мягко отстраняетъ его:—„Къ смерти я готовъ,—говоритъ онъ,—но передъ смертью лицемѣрить, батюшка, я не хочу".

Мѣсто служителя Бога занимаетъ служитель царя—палачъ. Балмашевъ стоитъ прямо и спо-

койно, со своей постоянной слегка грустной, слегка насмѣшливой улыбкой на устахъ.

Палачъ накидываетъ на голову саванъ, затѣмъ петлю. Ударомъ ноги вышибаетъ доску, тѣло грузно падаетъ внизъ, Раздается глухой стонъ. Веревка натягивается и трещитъ. Тѣло вздрагиваетъ и передергивается судорогами. Ноги упираются въ помостъ, и поэтому смерть идетъ медленно. Палачъ крѣпко обхватываетъ тѣло и съ силой дергаетъ внизъ. Присутствовавшихъ охватываетъ ужасъ. Жутко, гадливо, стыдно.

Раннее ясное утро. Солнце только что поднялось, и его мягкія золотистые лучи скользятъ по перекладинамъ висѣлицы. Кругомъ свѣжая яркая зелень. Птички весело чирикаютъ, съ озера доносится пискъ чайки. А люди въ мундирахъ, съ орлами на пуговицахъ, угрюмо стоятъ, потупивъ глаза, блѣдные, взволнованные, и ждутъ, пока тѣло, облаченное въ саванъ и повисшее на веревкѣ, перестанетъ вздрагивать. Ждутъ долго — безконечно долго—до получасу.

Палачъ принимаетъ, наконецъ, въ свои объятія тѣло, обрѣзываетъ веревку, кладетъ трупъ на помостъ. Подходитъ докторъ, слушаетъ сердце—все въ порядкѣ: сердце не бьется. Трупъ кладутъ въ ящикъ, обсыпаютъ известью, покрываютъ крышкой. Ударъ молота злобно прорѣзываетъ утренній воздухъ: то прибиваютъ крышку гроба. Ящикъ опускаютъ въ вырытую тутъ же яму, засыпаютъ, подравниваютъ землю и медленно, стыдясь глядѣть другъ другу въ глаза, расходятся.

Царское правосудіе свершилось.

Тюрьма наша въ это раннее утро не спала. Появленіе Степана Балмашева было замѣчено. Было замѣчено также, что на дворикѣ старой тюрьмы сколачиваютъ что то изъ досокъ.

„Эшафотъ строятъ",—прожгла всѣхъ мысль.

Всю ночь стояли у оконныхъ рѣшетокъ. Видѣли, какъ подъ утро въ старую тюрьму прошло начальство. Черезъ часъ въ церковный садикъ изъ старой тюрьмы прошелъ старикъ священникъ. Согнутый, жалкій, еле передвигая ноги, безпомощно опустился онъ на скамейку, склонивъ голову на упиравшіяся въ колѣни руки. Черезъ нѣкоторое время чуткое ухо услышало отдаленный звукъ—различило ударъ молота о желѣзный гвоздь, и тюрьмѣ все стало ясно!

. . . .

Почти ровно черезъ три года произошла вторая казнь—И. П. Каляева. Палачемъ былъ тотъ же Филипьевъ. По описанію жандармовъ это удивительное созданіе. Былъ когда то офицеромъ, совершилъ какое-то невѣроятно гнусное преступленіе, былъ приговоренъ къ смертной казни, но за готовность быть палачемъ политичекихъ—помилованъ. Для Балмашева долго искали палача, пока, наконецъ, не напали на Филипьева, сидѣвшаго тогда въ какой то кавказской тюрьмѣ. Его подъ конвоемъ доставили въ Шлиссельбургъ.

Все время, въ ожиданіи исполненія своихъ обязанностей, онъ большими стаканами пьетъ водку. Образъ совершенно звѣриный. И этотъ

человѣкъ, несмотря на то, что получаетъ за каждый „выѣздъ" по 100 руб., невѣроятно тяготится своими обязанностями. По службѣ быстро теперь повышается. На казнь Каляева пріѣхалъ уже подъ охраной одного только жандарма, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ,—на казнь Гершковича и безъ всякой охраны: заслужилъ довѣріе власти.

Маленькая, почти невѣроятная подробность: послѣ казни Каляева, Филипьевъ началъ ходить **въ офицерскомъ мундирѣ, съ Георгіемъ въ петличкѣ.** Въ такомъ видѣ онъ прибылъ въ сентябрѣ на казнь Гершковича, крайне смутивъ жандармовъ. Это—невинная слабость „старика", на которую доброе начальство смотритъ сквозь пальцы. Филипьевъ просилъ разрѣшить ему это „единственное утѣшеніе", и начальство рѣшило исполнить просьбу полезнаго человѣка. Офицеръ, съ Георгіемъ въ петличкѣ, пріѣзжаетъ въ тюрьму съ маленькимъ узелкомъ, въ которомъ увязанъ его настоящій мундиръ—красное одѣяніе, плеть и веревка.

И. П. Каляева привезли не въ канцелярію, а въ пріемную, въ манежѣ. Тамъ онъ пробылъ цѣлый день. Долго ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, потомъ сѣлъ писать. Исписалъ цѣлый листъ бумаги, но послѣ нѣкотораго размышленія облилъ чернилами и изорвалъ. Потомъ легъ на койку; его знобило. Онъ попросилъ чего либо теплаго накрыться, замѣтивъ жандармамъ: „вы не думайте, что я дрожу отъ ожиданія смерти,—мнѣ просто холодно".

Днемъ изъ канцеляріи нѣсколько разъ ходилъ

къ нему какой то чиновникъ съ бумагами, повидимому, предлагалъ подписать прошеніе о помилованіи. Ночь Каляевъ провелъ здѣсь же, въ манежѣ. Подъ утро явились власти: прокуроръ, палачъ въ красномъ, жандармы и проч. Каляевъ былъ одѣтъ и не спалъ.

Прокуроръ объявилъ, что приговоръ скоро будетъ приведенъ въ исполненіе. Палачъ связалъ руки, двинулось шествіе къ мѣсту казни—въ дальній уголъ крѣпости, между манежемъ и баней. Каляевъ шелъ съ гордо закинутой назадъ головой, на эшафотъ поднялся твердо и спокойно. Крестъ цѣловать отказалася, но поцѣловалъ священника. „Я вижу въ васъ просто добраго человѣка",—сказалъ онъ.

Палачъ и на этотъ разъ оказался россійскимъ палачемъ. Петля была накинута скверно, и тѣло билось въ судорогахъ. Картина была такая потрясающая, что присутствовавшій при казни начальникъ штаба корпуса жандармовъ, баронъ Медемъ, закрычалъ на палача: „я тебя, каналья, прикажу разстрѣлять, если сейчасъ не прекратишь страданій осужденнаго".

Черезъ полчаса тѣло вынули изъ петли, положили въ черный ящикъ и закопали за крѣпостной стѣной у Іоанновской башни. Зимой тамъ лежатъ дрова, лѣтомъ пасется скотъ. Тамъ похоронены всѣ умершіе и казненные въ Шлиссельбургѣ, кромѣ Балмашева. Могильныхъ насыпей нѣтъ. Все сравненно съ землей.

Послѣднія двѣ казни были въ сентябрѣ 1905 года. О нихъ мы долгое время даже не догады-

вались. То были казни Васильева и Гершковича. Слѣдуетъ отмѣтить, что рабочій Васильевъ не былъ „политическимъ". Въ нетрезвомъ видѣ, изъ личныхъ побужденій, онъ застрѣлилъ околоточнаго. Но это совпало съ диктатурой Трепова, когда власти во что бы то ни стало нужна была для острастки казнь. Тупая злоба правителей придралась къ этому невинному, чуждому политики рабочему. Не удивительно, что Васильевъ все время умолялъ начальство сжалиться надъ нимъ, „не губить" его, просилъ у царя милости.

Милости этой, однако, у царя не нашлось, и Васильевъ былъ казненъ.

Привезли ихъ отдѣльно и въ крѣпости держали врозь. Гершковичу не говорили, что его везутъ на казнь, и въ эту ночь онъ казни не ждалъ. Онъ нѣсколько удивился, увидавъ часа въ 4 ночи около своей койки прокурора, а за нимъ палача въ красномъ. Но, сообразивъ, въ чемъ дѣло, онъ быстро оправился и гордо, отважно пошелъ навстрѣчу эшафоту.

Стоя въ саванѣ, онъ спокойно слушалъ томительное чтеніе приговора. Когда оно кончилось, онъ, точно съ трибуны, окинулъ всѣхъ презрительнымъ взглядомъ и сказалъ: „Вы собрались смотрѣть, какъ я буду умирать? Смотрите, — я спокоенъ... Я умираю за свободу..."

— Палачъ, кончать!—крикнулъ комендантъ.

Произошло замѣшательство. Обращенія съ эшафота никто не предвидѣлъ, а допустить такое отступлене нельзя было. Палачъ накинулъ са-

ванъ, потомъ петлю, выбилъ доску, раздался не то крикъ, не то стонъ, и тѣло въ саванѣ закачалось. Оно билось долго. Особенная ли жизненность молодого организма, или петля опять была плохо накинута, но когда Гершковича черезъ 30 минутъ вынули изъ петли, въ немъ еще теплилась жизнь. Крѣпостной врачъ, подойдя къ трупу и выслушавъ сердце, конечно, сдѣлалъ знакъ, что „все благополучно"—можно хоронить! Но когда начальство удалялось съ мѣста казни, жандармы слышали, какъ врачъ говорилъ коменданту: „Собственно говоря, сердце еще слегка билось".

Ни одна казнь не произвела на жандармовъ такого потрясающаго впечатлѣнія какъ эта казнь Гершковича. Было, по ихъ словамъ, что-то особенное въ этомъ юношѣ, котораго они иначе не называли, какъ „герой". Особенно ихъ потрясли его слова съ эшафота. Всѣ передавали эти слова съ той же удивительной точностью: очевидно они глубоко врѣзались въ эти простыя души.

Ночь надвигалась все дальше и дальше, поѣздъ громыхалъ, а мы съ затаеннымъ волненіемъ жадно вслушивались въ скорбную повѣсть шлиссельбургской лѣтописи...

FIRST RUSSIAN PUBLISHING CORPORATION IN AMERICA, INC.
FIAT LUX!
ПЕРВОЕ РУССКОЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЕ Т-ВО ВЪ АМЕРИКѢ

306

Цѣна 12с.

ПО ВОЕННЫМЪ ВОПРОСАМЪ

Изданіе выходящее подъ редакціей Александрова и Ф. Волховскаго.

ВЫПУСКЪ I-ый:

Оборона страны.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Нѣсколько вступительныхъ словъ — *Александрова* и *Ф. Волховскаго*. 2) Офицеры, революція и наши задачи — *Александрова*. 3) Проектъ военнаго закона, внесенный Жоресомъ въ Палату Представителей [*переводъ съ французскаго*]. 4) Нѣсколько комментарій — *Александрова*.

ПОЛУЧАТЬ МОЖНО:

1) У Л. Родштейна: Librairie „La Cause Commune“, 17, rue Cujas, Paris (V).

2) Въ Транспортной Комиссіи Партіи Соц.-Революціонеровъ. Письменно: V. Smirnoff, case 6, Bureau XIV, Paris.

ПАРИЖЪ

1913

Нѣсколько вступительныхъ словъ.

Событія послѣднихъ лѣтъ поставили вопросъ о реорганизаціи военныхъ силъ на первый планъ. Балканская война выявила качества двухъ военныхъ системъ: демократической и казарменной; ростъ вооруженныхъ силъ Германіи заставилъ различныя политическія партіи Франціи, Бельгіи и Англіи пересмотрѣть свои военныя программы и наконецъ послѣднія возмущенія нѣсколькихъ крупныхъ строевыхъ единицъ французскихъ войскъ совершенно неожиданно для широкихъ массъ населенія раскрыли степень вліянія демократіи на этотъ грозный оплотъ современнаго порядка.

Въ странахъ широкой политической свободы, заинтересованныя стороны подвергли всесторонней критикѣ и анализу эти событія и ихъ результаты, сдѣлали надлежащіе выводы и познакомили съ ними широкія массы путемъ непосредственной пропаганды на собраніяхъ, съ помощью широко распространенной періодической печати и наконецъ—парламентскими преніями. Только въ одной, въ самой заинтересованной военнымъ вопросомъ странѣ, Россіи, правдивое и безпристрастное обсужденіе организаціи современной арміи, ея роли въ жизни страны, ея лучшаго реформированія въ цѣляхъ дѣйствительной защиты Родины наталкивается на непреодолимыя препятствія. Періодическая печать не смѣетъ касаться существеннѣйшихъ военныхъ вопросовъ, даже статья такого благонамѣреннаго человѣка, какъ генералъ-отъ-инфантеріи Витмеръ, сотрудникъ «Россіи» и пр. и пр., вызвала судебное преслѣдованіе редактора помѣстившаго ея журнала; въ Государственной Думѣ пренія по военному вопросу неизмѣнно происходятъ при закрытыхъ дверяхъ, изъ-за которыхъ ничего не доносится до широкихъ, заинтересованныхъ массъ; всякое-же обсужденіе военныхъ темъ на публичныхъ собраніяхъ является недосягаемой утопіей.

Остается одинъ путь — нелегальной прессы. Къ нему мы и прибѣгаемъ.

Александровъ.

* * *

Мы обращаемся съ нашимъ словомъ прежде всего къ двумъ категоріямъ читателей: 1) къ русскому офицерству всѣхъ родовъ оружія, всѣхъ положеній и всѣхъ чиновъ и 2) ко всѣмъ тѣмъ, кто желалъ-бы работать для скорѣйшаго

наступленія радикальнаго политическаго переворота въ Россіи въ направленіи народоправства.

Говорить о нашихъ искреннихъ симпатіяхъ въ отношеніи второй категоріи лицъ нѣтъ надобности, такъ какъ мы сами принадлежимъ къ ихъ числу. Но нелишнее, быть можетъ, заявить рѣшительно съ перваго-же слова, что и къ русскому офицерству мы обращаемся съ полнымъ доброжелательствомъ и надеждой. Не лишнее потому, что, какъ несчастныя историческія обстоятельства, такъ и умышленныя старанія царскаго правительства провели глубокую борозду между обществомъ и офицерствомъ, поселили отчужденность между тѣмъ и другимъ, породили множество предубѣжденій и цѣлую атмосферу взаимнаго недовѣрія.

Было два періода въ новой русской исторіи, когда русское офицерство пользовалось симпатіями и уваженіемъ націи и пользовалось заслуженно. Въ концѣ царствованія Александра I-го и въ началѣ царствованія Николая I го почти все, что было въ привиллегированныхъ слояхъ Россіи прогрессивнаго, свободолюбиваго, просвѣщеннаго — уходило по необходимости въ офицерство и вносило замѣтный коррективъ въ царство шпицрутеновъ, вытягиванія носка, канцелярской мертвечины, битья по зубамъ и всей той одичалости, которою Аракчеевъ и К^0, крѣпостное право и прусская канцелярщина отравляли, унижали и тиранили Россію. Для подтвержденія этого, достаточно сослаться на исторію декабристовъ.

Другой благопріятный и почетный періодъ для русскаго офицерства насталъ въ такъ называемую «эпоху великихъ реформъ», когда, благодаря усиліямъ Милютина, въ эту среду внесены были — основательная общая образованность, гуманизмъ и гражданственность. И опять облагороженіе офицерства отразилось на русской жизни радикальнымъ улучшеніемъ военныхъ нравовъ; опять офицерство дало русскому народу цѣлую плеяду людей, болѣвшихъ народными страданіями и отдавшими свои силы и жизнь на добываніе народу счастья и справедливости. Этотъ періодъ отмѣченъ именами Л. Шишко, С. Кравчинскаго, братьевъ Рогачевыхъ, Суханова и множествомъ другихъ, «положившихъ душу свою за други своя». И снова въ глазахъ невоеннаго общества представленіе о русскомъ офицерѣ одѣлось свѣтомъ, вызвало по отношенію къ нему симпатіи, уваженіе и чувство національнаго удовлетворенія.

Въ промежуткѣ между этими періодами и съ конца второго изъ нихъ простирается удручающая сухостью взаимнаго отчужденія пустыня.

Но если въ эти пустынныя времена офицерство, *какъ классъ* и утратило свои передовые, народолюбивые инстинкты и позиціи, а съ ними и сочувствіе общества, то это не значитъ, что благородныя стремленія, свободолюбіе и національный геній покинули совершенно его среду. Нѣтъ, потен-

ціальныя силы этого рода въ немъ были живы, хотя искусственные путы держали ихъ скованными въ массѣ; индивидуально эти силы давали отъ времени до времени пышный цвѣтъ. Вспомнимъ, что изъ офицерскихъ рядовъ вышелъ одинъ изъ величайшихъ русскихъ поэтовъ и пѣвцовъ свободы — М. Ю. Лермонтовъ; онъ и погибъ-то слишкомъ рано именно потому, что былъ по воспитанію и положенію, а потому и по внутреннему складу — слишкомъ офицеромъ. Позднѣе та-же офицерская среда дала русскому народу Льва Толстого, П. Лаврова, П. Кропоткина; — такого живописца, какъ В. В. Верещагинъ, такого статистика и общественнаго дѣятеля, какъ Н. Ф. Анненскій, такого скульптора, какъ П. К. Клодтъ и такихъ музыкантовъ, какъ Мусоргскій, Римскій-Корсаковъ и Ц. Кюи.

Неужели-же русское офицерство, пренебрежетъ такимъ прошлымъ, таящимися въ немъ самомъ силами и манящими впереди перспективами? Неужели оно не очнется отъ своего теперешняго прозябанія и не постарается вернуть себѣ симпатіи и уваженіе націи?

Въ настоящемъ выпускѣ нашего изданія мы коснулись нѣкоторыхъ изъ тѣхъ явленій, которыя порождаютъ упомянутое выше отчужденіе между обществомъ и офицерствомъ, какъ классомъ. Современемъ мы надѣемся остановиться обстоятельнѣе на другихъ явленіяхъ того-же рода. Въ короткомъ предисловіи мы принуждены ограничиться констатированіемъ факта, котораго наличность доказывается такъ ярко и такъ печально черезчуръ частыми вооруженными столкновеніями офицеровъ съ публикой. Каждый, слѣдящій за газетами, знаетъ, что ихъ слишкомъ, слишкомъ много. И если, съ одной стороны, эти прискорбныя происшествія указываютъ на чрезмѣрно повышенную щепетильность, даже на кичливость извѣстной части русскаго офицерства, то съ другой они-же свидѣтельствуютъ о томъ, что въ сознаніи самого этого офицерства послѣднее не встрѣчаетъ со стороны общества всего того уваженія и доброжелательства, на какое гг. офицеры считаютъ себя въ правѣ разсчитывать.

Какъ-бы кто ни относился къ указанной взаимной отчужденности, гдѣ-бы ни склоненъ былъ искать причинъ явленія, но каждый долженъ согласиться, что самое явленіе прискорбно и что слѣдуетъ попытаться его устранить. А первымъ шагомъ въ этомъ направленіи должно быть осознаніе настоящаго положенія какъ со стороны офицерства, такъ и со стороны общества. Желаніемъ посильно способствовать такому осознанію и вызвано появленіе настоящаго изданія.

Болѣе основательное знакомство съ военными вопросами необходимо и для революціонныхъ работниковъ въ военной средѣ. Интересъ русскихъ революціонныхъ и соціалистическихъ элементовъ къ русской арміи не нуждается въ новыхъ стимулахъ: онъ всегда былъ великъ и остается такимъ до сихъ поръ. Но одного интереса недостаточно, нужно еще

знаніе предмета, знакомство — хотя въ нѣкоторыхъ существенныхъ частяхъ — съ *техникой* его. Позволяемъ себѣ надѣяться, что наше изданіе до извѣстной степени дастъ матеріалъ для такого знанія и тѣмъ самымъ оживитъ, усилитъ и оплодотворитъ пропаганду въ войскахъ.

Предупреждая возможный, при господствующихъ предубѣжденіяхъ, упрекъ по нашему адресу въ фантазерствѣ, мы даемъ, въ первомъ выпускѣ нашего изданія, кромѣ общаго изложенія принциповъ и устройства народной милиціи, еще конкретный примѣръ ея практическаго осуществленія въ видѣ текста военнаго закона, внесеннаго Жоресомъ послѣднею весной во французскую Палату Депутатовъ. Само собою разумѣется, что мы не предлагаемъ его для буквальнаго примѣненія въ Россіи, а даемъ лишь какъ образецъ одной изъ возможныхъ формъ осуществленія извѣстнаго принципа. Этотъ конкретный законопроектъ покажетъ офицерству всю неосновательность предубѣжденія противъ соціализма, какъ направленія «антипатріотическаго», а русскимъ соціалистамъ — въ какія, между прочимъ, формы должна отлиться ихъ военная программа. Но каждая программа, чтобы не быть мертворожденной, должна считаться съ національными и даже мѣстными условіями; вотъ почему необходимо было сопоставить французскій проектъ съ русской дѣйствительностью, — что и сдѣлано моимъ сотоварищемъ Александровымъ въ статьѣ «Нѣсколько комментарій».

И легальная, и нелегальная печать все чаще и настойчивѣе констатируетъ наступившее и развивающееся въ Россіи соціальное и политическое оживленіе. Было-бы большимъ, непоправимымъ несчастьемъ, если-бы это оживленіе не коснулось міра военнаго, притомъ не въ формѣ стихійной, не какъ порывъ благородныхъ чувствъ только, но какъ явленіе сознательное и планомѣрное, ведущее къ совершенно опредѣленному результату: къ содѣйствію грядущей революціи — содѣйствію пассивному и активному — со стороны русской арміи. Поэтому мы разсчитываемъ на дѣятельную помощь товарищей-соціалистовъ какъ въ распространеніи настоящаго выпуска нашей серіи — особенно среди нашего офицерства, такъ и въ изданіи послѣдующихъ выпусковъ путемъ присылки соотвѣтствующихъ рукописей и сбора денегъ на ихъ печатаніе.

Мы были-бы рады, еслибы офицеры, несогласные съ нашими воззрѣніями, отозвались критикой на наши статьи.

Ф. Волховскій.

Офицеры, революція и наши задачи.

„Они требуютъ, и вправѣ требовать, чтобы нація организовала свою военную силу, не въ интересахъ того или иного класса или касты, а безъ всякой иной заботы, кромѣ заботы о національной защитѣ“. **Жоресъ.**

„Слово „милиція“ должно быть понимаемо, какъ армія тщательно обученная и подготовленная во всѣхъ отношеніяхъ для національной защиты и въ которой срокъ военной службы сокращенъ въ каждомъ родѣ оружія и каждой части до минимума, необходимаго для такой подготовки“. **Капитанъ Гастонъ Макъ.**

„Во всей Европѣ одна лишь Швейцарія сумѣла найти разрѣшеніе задачи, котораго всѣ ищутъ напрасно: вооружить всѣхъ своихъ дѣтей и устроить такимъ образомъ, что каждый гражданинъ даетъ странѣ солдата, причемъ этотъ солдатъ не отнимаетъ у нея гражданина“. **Генералъ Брюне.**

„Армія это — мы, это — наши: это плоть отъ плоти нашей, это весь цвѣтъ нашей расы, собранной для того, чтобы обучиться дѣйствовать оружіемъ, которое въ его рукахъ можетъ вѣдь быть столь-же успѣшно средствомъ освобожденія, какъ и рабства“.
Гюставъ Эрве.

Французская революція 1789 года вызвала противъ себя коалицію европейскихъ монархическихъ державъ. Ей приходилось или погибнуть, или найти новые пути въ военномъ искусствѣ, такъ какъ съ небольшой арміей наемниковъ отразить численно превосходныя силы европейскаго союза было немыслимо. Она сдѣлала героическое усиліе и нашла выходъ во всеобщей воинской повинности, въ подлинной народной милиціи. Всѣмъ извѣстно, какъ блестяще отразила новая армія европейскую коалицію, и, какъ затѣмъ, зачарованная геніемъ Наполеона, она въ нѣсколько лѣтъ перекроила карту Европы и своими побѣдами создала новую теорію военнаго искусства — теорію оперированія большими массами войскъ.

Базельскій договоръ обязалъ побѣжденную Пруссію низвести число своихъ войскъ до 42.000 человѣкъ. Но урокъ французской революціи не прошелъ даромъ. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ военныхъ реформаторовъ — Шарнгорстъ — учелъ значеніе національнаго чувства народа. Онъ убѣдилъ короля привлечь къ дѣлу защиты родной территоріи народъ. Была введена всеобщая воинская повинность, короткій срокъ службы, срокъ обученія былъ низведенъ до одного мѣсяца, такъ что взамѣнъ получившихъ военное образованіе сорока двухъ тысячъ приходили новыя сорокъ двѣ тысячи человѣкъ. Въ то-же время начата была военная подготовка юношества. Такимъ образомъ Шарнгростъ создалъ идеальную милицію и

черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ Базельскаго договора Пруссія смогла выставить въ поле около 400 тыс. обученной, народной арміи съ сорока двухъ тысячнымъ ядромъ краткосрочныхъ дѣйствительныхъ войскъ. Эта армія отвоевала независимость Германіи.

Основы военнаго искусства были незыблемо установлены. Логика сдѣлала изъ нихъ дальнѣйшіе выводы. Техника военнаго дѣла требовала все большаго и большаго привлеченія широкихъ массъ въ армію. Постройка неприступныхъ и большихъ крѣпостей предполагала огромное число какъ защитниковъ, такъ и осаждающихъ; дальнобойная артиллерія заставила неизмѣримо увеличить число пѣхоты, требующейся для послѣдняго натиска; скорострѣльныя ружья и пулеметы довершили ея дѣло. Логическимъ концомъ было-бы вооруженіе всѣхъ способныхъ къ ношенію оружія гражданъ.

Но логика военнаго искусства пришла въ непримиримое противорѣчіе съ общимъ укладомъ жизни европейскихъ государствъ еще задолго до разительнаго развитія военной техники. Политическій строй всей Европы былъ таковъ, что вооружить народъ не ради исключительнаго момента, а навсегда—значило разрушить этотъ строй. Армія являлась не только средствомъ отраженія нападающаго врага, но и орудіемъ захвата новыхъ земель въ пользу той или иной династіи; она была средствомъ поддержанія внутри страны порядка, невыгоднаго широкимъ массамъ. Вооружить весь народъ было такимъ образомъ крайне невыгодно для существующаго строя. Позднѣе, рядомъ съ династическими интересами выступили впередъ интересы капиталистическіе, во внутренней жизни страны арміи сдѣлались нужны для поддержанія строя, выгоднаго буржуазіи, но сущность дѣла осталась та-же. Изъ этого столкновенія требованій военнаго дѣла и требованій реальнаго положенія вещей, побѣдителями вышли послѣднія. Вотъ почему вслѣдъ за великой эпохой революціонныхъ и Наполеоновскихъ войнъ, мы видимъ крутую остановку въ движеніи военнаго искусства по пути прогресса.

* * *

Однако вернуться къ старымъ порядкамъ было и невозможно и невыгодно. Всеобщая воинская повинность имѣла свои удобныя стороны и для правящихъ классовъ. Во-первыхъ она легко давала потребное для войнъ и поддержанія внутренняго порядка количество солдатъ, во-вторыхъ будучи по характеру своему народной, перелагала всѣ тяжести милитаризма на народныя плечи. Надо было только изыскать средство для уничтоженія въ этой народной арміи ея самостоятельнаго, народнаго характера, приспособить ее къ существующимъ политическимъ условіямъ. Это средство было найдено въ *долгихъ срокахъ службы.*

Получились арміи оторванныя отъ народа, запертыя въ казармахъ и спеціально въ теченіи долгихъ лѣтъ вымуштро-

ванныя. Такія арміи естественно были гораздо больше прежнихъ наемныхъ войскъ, онѣ росли съ приростомъ населенія, онѣ были весьма выгодны правящимъ классамъ и своимъ, якобы народнымъ, характеромъ льстили пробуждающемуся демократическому сознанію широкихъ массъ. Однако нельзя не видѣть огромнаго компромисса между принципомъ долгихъ сроковъ службы и привлеченіемъ къ дѣлу войны возможно большаго количества населенія. Долгіе сроки службы, сосредоточивая массу солдатъ въ казармахъ, не пропускаютъ сквозь армейскіе ряды всей молодежи страны и не использовываютъ всего ея взрослаго населенія. Но такъ какъ въ главныхъ чертахъ политическое устройство Европы было одинаково, то и компромиссъ этотъ устанавливалъ извѣстное равновѣсіе между всѣми вооруженными силами. Тѣ-же государства, которыя злоупотребляли слишкомъ большой приверженностью къ старинѣ, были принуждаемы силою создавшагося порядка вещей идти наравнѣ съ остальными. Такъ неудача Крымской кампаніи заставила Александра II перейти отъ николаевской системы набора и двадцати-пятилѣтнихъ сроковъ службы, ко всеобщей воинской повинности и сокращеннымъ, хотя и долгимъ, срокамъ службы.

Ростъ демократіи, представительство широкихъ слоевъ народа въ законодательныхъ собраніяхъ оказали за послѣднее время не малое вліяніе на демократизацію арміи, а это въ свою очередь укрѣпило и усилило вліяніе народныхъ массъ. Въ результатѣ началось значительное реформированіе армій въ духѣ большаго приближенія къ требованіямъ демократіи. Самая роль арміи свелась подъ ея вліяніемъ къ защитѣ Родины, по крайней мѣрѣ — оффиціально. И если представители правящихъ классовъ продолжаютъ употреблять армію для захвата новыхъ земель, или поддержанія существующаго строя, они стараются облечь свои дѣйствія въ форму все той-же защиты Родины. По крайней мѣрѣ, теперь нѣтъ такого правительства въ мірѣ, которое откровенно посмѣло-бы сказать, что оно хочетъ наступательной войны. Это значитъ, что идея завоевательныхъ войнъ потеряла всякій кредитъ въ народныхъ массахъ и что дѣло теперь только затѣмъ, чтобы народъ имѣлъ въ рукахъ силу провести въ жизнь, воплотить это сознаніе. Эту силу онъ пріобрѣтетъ только посредствомъ милиціи.

* * *

Но еще большее вліяніе оказали на демократизацію арміи неожиданные удары по установившейся компромиссной системѣ вооруженныхъ силъ. Необученная, бурская милиція успѣшно боролась съ хорошо организованной, постоянной англійской арміей. Ея стойкость, ея иниціативность и ея величина по сравненію со всѣмъ количествомъ населенія не могли не дать надлежащаго урока заинтересованнымъ воен-

нымъ кругамъ. Эги неоцѣнимыя военныя качества націи уничтожались тѣмъ, что бурская милиція была *неорганизована*.

Русско-японская война 1904-5 годовъ столкнула лицомъ къ лицу двухъ противниковъ. Россія опиралась на громадную казарменную армію съ четырехлѣтнимъ срокомъ службы, оторванную воспитаніемъ отъ народа и лишенную иниціативы. Японія обладала всего только двумя стами тысячъ войска, но многочисленными резервами и ополченіемъ. Солдаты ея, при двухлѣтнемъ срокѣ службы, получали предварительную военную подготовку въ школахъ. Несмотря на то, что, она была въ четыре раза меньше Россіи (по населенію), она благодаря такой системѣ вооруженныхъ силъ выставила въ поле армію въ разные моменты не только не меньшую, но даже большую русской.

Тотчасъ-же послѣ войны, съ одной стороны подъ давленіемъ революціонно-настроенныхъ народа и войска, а съ другой подъ впечатлѣніемъ опыта войны, четырехгодичный срокъ службы былъ пониженъ въ русской арміи до трехъ лѣтъ. Въ томъ-же году и французская республика установила у себя вмѣсто трехъ лѣтъ два года пребыванія подъ знаменами.

Война Италіи въ Триполитаніи, гдѣ организованные въ народную милицію Энверъ-беемъ арабы вотъ уже больше года съ успѣхомъ сопротивляются, при всей примитивности своей культуры, итальянскимъ казарменнымъ войскамъ, только подтверждаютъ все вышесказанное. Но особымъ блескомъ, покрыла принципы демократической организаціи военнаго дѣла балканская война.

Сумма вооруженныхъ силъ Болгаріи, Сербіи, Греціи и Черногоріи не превышала 120.000 человѣкъ (60 т. Болгаріи, 35 т. Сербіи, около 25 т. Греціи и 1500 Черногоріи). Все населеніе четырехъ государствъ равняется 10 милліонамъ. Турція располагала колоссальной казарменной арміей: почти въ милліонъ низама и 500.000 редифовъ. Ея населеніе достигаетъ 25 милліоновъ человѣкъ. Балканская война показала, съ какой стремительностью небольшія союзныя арміи, послужившія ядромъ, обратились въ настоящія народныя войска и раздулись до колоссальной цифры 800.000. Та-же Черногорія съ 250.000 населенія сумѣла выставить въ поле 75.000 чел., т. е. ея дѣйствительная армія растворилась въ превосходящей ее въ 60 разъ массѣ нахлынувшихъ гражданъ. Получилась милиція.

Любопытно сравнить и сроки службы. Въ то время, какъ въ Турціи онъ равняется 9 годамъ, Болгарія удерживаетъ своихъ солдатъ всего 2 года, Греція, въ зависимости отъ степени предварительной подготовки, не меньше года и не больше двухъ лѣтъ. Сербія на бумагѣ признаетъ для пѣхоты срокъ въ 18 мѣсяцевъ, но большая часть контингента остается подъ знаменами всего только 6 мѣсяцевъ, столько-же времени служатъ и сельскохозяйственные рабочіе. Что-же касается Черногоріи, то въ ней срокъ службы равенъ 156 днямъ (60 дней въ первый годъ, 60 дней во второй и два раза маневры по 18 дней)!

Такая организація арміи, неизмѣримо ближе подходящая къ принципамъ народной милиціи, чѣмъ система вооруженныхъ силъ любого изъ большихъ европейскихъ государствъ, позволила союзникамъ одержать блестящую побѣду надъ казарменной Турціей и удержала воинственную Австрію отъ слишкомъ развязныхъ дѣйствій. Она дала возможность *меньшему количеству населенія* выставить въ поле громадную, народную армію.

* * *

Итакъ, медленно, но неуклонно движется военное искусство въ сторону народной арміи, милиціи. Въ ту-же сторону толкаетъ законодателей и широко распространившееся вліяніе демократическихъ партій.

Армія мало по малу пріобрѣла значеніе защитницы родной территоріи; война наступательная потеряла всякія народныя симпатіи, а употребленіе войскъ для поддержанія порядка вызываетъ протесты даже самыхъ благонамѣренныхъ военныхъ писателей, указывающихъ на развращающее въ военномъ отношеніи значенія этой несвойственной войску дѣятельности.

И если мы видимъ, что, несмотря на все это, армія продолжаетъ попрежнему служить въ рукахъ правящихъ классовъ орудіемъ колоніальныхъ и агрессивныхъ войнъ, что она попрежнему исполняетъ роль наемныхъ войскъ, державшихъ народъ въ повиновеніи правителямъ, то отвѣтственность за это лежитъ въ значительной мѣрѣ на командномъ, офицерскомъ составѣ арміи. Я отбрасываю въ сторону тѣхъ офицеровъ, которые ради карьеры готовы сдѣлать все, что угодно. Я знаю, что такіе въ критическій моментъ продадутъ своихъ теперешнихъ господъ. Не идетъ рѣчь и о тѣхъ несчастныхъ безъ разума и воли, пьющихъ и безобразничающихъ, которыхъ къ сожалѣнію въ рядахъ русской арміи достаточное количество; я говорю о рядовомъ, сѣромъ офицерствѣ, о его большинствѣ, которое служитъ съ искренней вѣрой въ пользу своего занятія для Родины. Я говорю о томъ офицерствѣ, которое интересуется своимъ дѣломъ и любитъ его. Неужели-же оно такъ ослѣплено воспитаніемъ, полковой обстановкой и профессіональной «дисциплиной», что ему непонятенъ голосъ фактовъ, что ему недоступенъ кругъ великихъ идей, охватившихъ въ послѣднее время съ такой силой народы? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! У русскаго офицерства есть и далекое и недавнее прошлое, доказавшее, что въ рядахъ его всегда были люди съ широкимъ взглядомъ на вещи, съ желѣзнымъ характеромъ и способностью къ подвигу.

Надо только, чтобы передъ нимъ встали во весь свой ростъ свѣтлыя идеи грядущаго, чтобы ему были указаны болѣе вѣрные пути служенія Родинѣ и выяснено его значеніе, его громадная роль въ судьбахъ страны, и, нѣтъ сомнѣнія, оно выдѣлитъ изъ своихъ рядовъ многихъ адептовъ новыхъ идей.

* * *

Если военно-соціальныя темы по цензурнымъ условіямъ недоступны русскимъ литераторамъ, общественнымъ дѣятелямъ и даже членамъ Государственной Думы, то легко представить себѣ, въ какомъ полномъ невѣжествѣ прозябаетъ масса сѣраго, армейскаго офицерства. Оторванная отъ общества, третируемая начальствомъ, отягченная скучной, даже безсмысленной работой, зачастую ненавидимая солдатами, она варится въ полковомъ соку. Привитыя ей превратныя идеи не встрѣчаютъ ни критики, ни противодѣйствія и въ концѣ концовъ становятся аксіомами. Въ отчужденіи общества оно видитъ или безсмысленную злобу, или зависть. Новыя ученія, извѣстныя ему только по ярлыкамъ, нашпиленнымъ охранительной прессой, вызываютъ въ немъ враждебное чувство. Въ эту темную среду не западаетъ ни одного свѣтлаго луча. А какъ часто въ полковую семью входятъ молодые, восторженные юноши съ горячей вѣрой въ мощь и справедливость Россіи, съ великодушнымъ стремленіемъ служить ея величію и защищать ее хотя-бы жертвой собственной жизни!

Обязанность демократіи — идти съ проповѣдью въ эту среду, пролить въ нее свѣтъ новыхъ идей, связать ихъ съ подлиннымъ военнымъ служеніемъ Родинѣ. Когда волна освободительнаго движенія бросила своихъ проповѣдниковъ въ ряды русскаго офицерства, мы всѣ были свидѣтелями того широкаго отклика, того чистаго подъема, который вызвали они въ этихъ рядахъ.

Какое заблужденіе представлять сѣрое, армейское офицерство въ видѣ особаго сословія, извлекающаго большую выгоду изъ своего положенія! Это забитое, плохо оплачиваемое, разсованное въ большинствѣ случаевъ по захолустьямъ офицерство вовсе не ощущаетъ благополучія. Наоборотъ! Поддержаніе убогаго блеска требуетъ большихъ, по сравненію съ жалованіемъ, затратъ. Въ жизни общественной и семейной онъ связанъ. Первая для него закрыта, вторая грозитъ нищетой и доступна только съ опредѣленнаго возраста и съ соизволенія начальства. Каждый шагъ опутанъ тысячью нелѣпѣйшихъ предразсудковъ и запрещеній. Товарищество — пустой звукъ. Правительство приложило всѣ усилія, чтобы разъединить офицерство. По службѣ его обгоняютъ счастливые выскочки академій и тетушкины племянники. Начальство третируетъ. Отдохновенія въ службѣ онъ не видитъ, потому что истинная цѣль арміи, защита родины, уступила мѣсто полицейской и захватной идеѣ, для которой нужна не настоящая военная служба, а жалкій суррогатъ ея, выдѣлка автоматовъ изъ подчиненныхъ. И эти подчиненные, для которыхъ онъ является символомъ и орудіемъ обезличивающей, угнетающей ихъ системы, ненавидятъ его всѣми силами души, и все чаще и чаще раздаются солдатскіе выстрѣлы по офицерамъ. Общество, народъ — отъ него отвернулись. Онъ

одинъ, неприкаянный, на россійскомъ распутьи. И если черносотенные подонки обдаютъ грязью своего благоволенія забывшую стыдъ и совѣсть часть русскаго офицерства, то въ большинствѣ своемъ, оно одиноко. Оно не принадлежитъ *ни къ какому классу.* И его участь — участь обычнаго мелкаго чиновничества, только съ своими особенными крупными неудобствами, которыхъ не можетъ загладить въ глазахъ серьезной его части ложный блескъ мундира, бряцаніе оружія и безнаказанность расправы съ политическими противниками правительства. Этого слишкомъ мало! Пока — лишенное свѣта, не видящее исхода, — оно покорно тянетъ свою лямку, выдѣляя на поверхность грязную, буйствующую накипь; но поставьте передъ нимъ ваши свѣтлыя цѣли, сумѣйте настойчивой работой открыть его затемненные глаза и вы увидите иные результаты!

* * *

Русское офицерство въ своемъ большинствѣ разночинно. За исключеніемъ гвардейскихъ частей и различныхъ привиллегированныхъ кавалерійскихъ полковъ, командный составъ нашей арміи формируется двоякимъ способомъ. Меньшая половина офицеровъ — дѣти военныхъ, т. е. сѣрыхъ, рядовыхъ, полунищихъ служакъ. Безплатные кадетскіе корпуса, потомъ военныя училища и — карьера сдѣлана. Вторая часть, это — разночинцы. Кончившіе курсъ городскихъ училищъ, шести, а то и всѣхъ восьми классовъ гимназій, коммерческихъ и реальныхъ училищъ, небольшое количество способныхъ сверхсрочныхъ унтеровъ — вотъ среда, которая по особому экзамену заполняетъ военныя (реформирован. изъ юнкерскихъ) училища и, послѣ трехлѣтней выучки, становится офицерствомъ. И не принадлежность къ классу, а, наоборотъ, скорѣе обратное, а также отсутствіе средствъ для продолженія высшаго образованія, или склонность къ военной профессіи — заставляютъ ихъ избрать этотъ путь. Что-же можетъ помѣшать этому арьегарду интеллигенціи вступить на путь прогресса? Связи съ кѣмъ, съ чѣмъ? Съ 20 числомъ каждаго мѣсяца, когда выплачиваются правительствомъ скудные серебренники? Но, нѣтъ; мы знаемъ, что не въ этой области надо искать крѣпкихъ и прочныхъ связей, заставляющихъ служить офицерство изъ поколѣнія въ поколѣніе. Поверхъ матеріальныхъ и иныхъ разсчетовъ всегда возвышаются *идеи,* обосновывающія все остальное. И одна изъ такихъ идей у офицерства — идея *защиты Родины.*

Но мы видѣли, что защита Родины лучше всего осуществляется, когда арміей является весь народъ, или большая его часть. Когда онъ, объединенный однимъ порывомъ, выходитъ въ поле для отраженія нападающаго врага. Когда онъ проходитъ курсъ военнаго дѣла съ дѣтства и только окончательно отдѣлываетъ его въ краткосрочной дѣйствительной арміи. Словомъ, когда дѣло защиты родной страны довѣрено

народной милиціи и требованія военнаго искусства доведены до высшихъ предѣловъ, до своего логическаго конца.

Возможна-ли народная милиція въ современномъ строѣ? На нашихъ глазахъ Швейцарія, Португалія, Швеція, Норвегія, Данія ввели у себя эту демократическую форму вооруженныхъ силъ. И мы знаемъ какіе лестные, какіе восторженные отзывы даютъ о Швейцаріи военные агенты всѣхъ державъ. Мы видимъ разительный примѣръ Черногоріи, впродолженіи 5 вѣковъ бившейся съ Турціей, превосходящей ее въ сотню разъ. Но маленькія государства были приведены къ реорганизаціи арміи недостаткомъ населенія. Не перейди они къ этой системѣ — у нихъ не оказалось-бы средствъ защиты.

Возможно-ли предположить, чтобы правящіе классы Россіи отказались отъ теперешняго положенія и сами реорганизовали дѣло защиты Родины такъ, какъ ему надлежитъ быть? Праздный вопросъ! Единственно, кто можетъ взяться за такое дѣло, это — демократія страны, наиболѣе цѣльные ея представители — соціалисты.

Имъ народная милиція нужна столько-же, и даже больше, чѣмъ теперешнему правящему классу современная армія; ибо милиція есть истинная защитница родной территоріи и защитница новаго строя, въ которомъ воплотятся высшіе принципы справедливости и равенства. Но ничто не творится вдругъ. На другой-же день послѣ установленія новаго строя, ему нужна будетъ вооруженная сила противъ корыстныхъ сосѣдей, ему будутъ нужны кадры, къ которымъ-бы могъ стечься народъ, ему будутъ нужны спеціалисты, знающіе сложную военную технику. И гдѣ онъ ихъ найдетъ, если теперь въ нѣдрахъ современнаго войска онъ не будетъ имѣть своихъ приверженцевъ? Я уже не говорю о томъ, что самое сверженіе стараго порядка невозможно безъ участія войскъ. И если народъ воплотитъ въ жизнь всѣми уже признанное право *исключительно защитительной* войны лишь тогда, когда у него будетъ милиція, то самая милиція появится лишь послѣ привлеченія народомъ на свою сторону теперешней арміи.

Мы видимъ, что задачи соціалистической демократіи и вѣрнаго идеѣ защиты родины офицерства сходны. Ихъ цѣль — созданіе народной милиціи, возможной при новомъ порядкѣ вещей. Къ новому-же порядку вещей мы придемъ черезъ революцію.

* * *

Что дастъ офицерству революція? Не подрубитъ-ли она тотъ сукъ, на которомъ оно такъ или иначе теперь сидитъ? Вотъ тревожный вопросъ житейской практики, независимый отъ цикла выше развитыхъ идей. Вѣдь, если революція реформируетъ армію въ народную милицію и улучшитъ тѣмъ дѣло защиты родины, то не оставитъ-ли она безъ всякихъ средствъ существованія теперешній командный составъ? А подобная перспектива не охладитъ-ли массу рядового офицер-

ства къ грядущему преобразованію? Смѣшно вѣдь требовать, чтобы массы состояли изъ самоотверженныхъ героевъ и шли изъ-за ухудшенія своей участи на смертную борьбу. Вотъ роковой вопросъ, такъ часто ставившійся и такъ часто остававшійся безъ отвѣта въ движеніе 1905 года. Больше того; ходячее вульгарное мнѣніе офицерства на этотъ счетъ именно такъ и разрѣшало вопросъ: революція принесетъ съ собой народную милицію, а народная милиція — увольненіе всѣхъ офицеровъ. При полномъ отсутствіи всякой литературы, всякой пропаганды о народной милиціи, подобное мнѣніе, не встрѣчая достойной критики, приняло для офицерства видъ непреложной истины и даже успѣло широко распространиться среди демократическихъ слоевъ народа. Роковое недоразумѣніе! Какъ оно связало руки офицерской массѣ, заранѣе предубѣжденной противъ народной милиціи, какъ оно повредило дѣлу революціи и связало офицерство со старымъ порядкомъ, когда по существу между тѣмъ и другимъ связи не должно быть! И едва-ли не самая главная причина союза современнаго офицерства со старымъ порядкомъ: *ложная увѣренность* въ томъ, что новому строю ихъ служба, ихъ знанія не нужны, что онъ выброситъ ихъ за бортъ! И если, несмотря на эту ложную увѣренность, въ наши соціалистическіе ряды всетаки влилось такъ много самоотверженныхъ офицеровъ, то какіе-же возможности таятся въ русскомъ офицерствѣ при торжествѣ здраваго взгляда на дѣло! Вотъ гдѣ обширное поле для плодотворной работы!

Въ классической странѣ народной милиціи — Швейцаріи, число инструкторовъ-офицеровъ, состоящихъ на постоянной службѣ доходитъ до 300, включая и командный составъ двухъ крѣпостей. Не надо забывать, что Швейцарія страна высокой культуры. Что въ ней предварительная военная подготовка достигла высшей степени и новобранецъ приходитъ на службу грамотнымъ, знающимъ основы военнаго дѣла и прекрасно научившимся стрѣлять въ вольныхъ стрѣлковыхъ обществахъ. Инструктору остается наложить только послѣдніе штрихи и — въ 60 слишкомъ дней, первоклассный солдатъ готовъ.

Не то въ Россіи, гдѣ большинство населенія неграмотно, гдѣ о гимнастикѣ, стрѣльбѣ и военномъ дѣлѣ оно не имѣетъ никакого правильнаго представленія. Ясно, что для обученія русской молодежи — разноязычной, разнокультурной и малограмотной, — нельзя брать швейцарскую пропорцію постоянныхъ инструкторовъ-офицеровъ. И число стратегическихъ, опорныхъ пунктовъ, требующихъ постояннаго офицерскаго состава, у насъ тоже въ значительной степени выше. Но даже если-бы мы взяли швейцарскую пропорцію, то и тогда на 160 милліоновъ русскаго населенія потребовалось-бы 15.000 постоянныхъ инструкторовъ-офицеровъ.

Однако французскіе соціалисты, въ этомъ году защищавшіе въ парламентѣ свой проектъ народной милиціи, высчитали, что Франціи надо будетъ имѣть не меньше 15-16 тысячъ

постояннаго офицерскаго состава при народной арміи. И то онъ еле-еле справится со своимъ дѣломъ. Если, опять-таки, мы, не сравнивая нашей культуры съ французской, которая все-же ближе намъ, чѣмъ швейцарская, удовольствуемся *скупымъ* разсчетомъ французскихъ соціалистовъ, то получится, что намъ для реорганизаціи арміи въ милицію, понадобится не менѣе 60-65 тысячъ офицеровъ. То-есть то количество, которое должно теперь обслуживать современное русское войско. Итакъ, мы видимъ, что, если-бы все офицерство захотѣло остаться на службѣ у народа, то въ новомъ строѣ для него нашлось-бы мѣсто. А сколько противниковъ революціи, сколько высшихъ командировъ, идейныхъ черносотенниковъ, активныхъ борцовъ съ народомъ должны будутъ уйти! И можно-ли послѣ этого говорить, что офицеръ, борящійся вмѣстѣ съ народомъ за новый строй, за милицію, этимъ самымъ обрекаетъ себя на уходъ изъ военной службы въ новомъ строѣ, на лишеніе единственнаго способа добыванія хлѣба насущнаго! Наоборотъ — новому строю на первыхъ порахъ не хватитъ знатоковъ военнаго дѣла, могущихъ сразу-же приняться за созданіе народной милиціи. *Вотъ гдѣ истина..*

* * *

И какая дѣятельность откроется передъ офицерами на службѣ у новаго строя! Окруженное почетомъ и уваженіемъ народа, оно посвятитъ свои силы его физическому воспитанію, его военному обученію. Никакихъ иныхъ задачъ и обязанностей, кромѣ дѣйствительной защиты Родины... Никто не сможетъ навязать ему роль полицейскаго, его не оторвутъ отъ семьи и не пошлютъ на смерть изъ-за неладовъ Германіи и Франціи, или изъ-за корейской авантюры. И не выдѣлкой автоматовъ, не оболваниваніемъ подчиненныхъ будетъ занятъ онъ, а служеніемъ подлинному военному искусству въ примѣненіи къ защитѣ родной страны.

Передъ нимъ, передъ его инициативой откроется широкое поле. Въ подлинной товарищеской средѣ, облагороженной новымъ смысломъ жизни, не будетъ той грубой, третирующей «дисциплины», которая принижаетъ его человѣческое достоинство и подрѣзываетъ ему крылья. И движеніе по службѣ будетъ зависѣть не отъ каприза самодура, полкового командира, а отъ степени собственнаго усердія, товарищеской и начальственной аттестаціи и незыблемыхъ правилъ. Въ тѣсномъ единеніи съ народомъ онъ почерпнетъ увѣренность въ своихъ правахъ и въ случаѣ ихъ нарушенія будетъ знать, куда ему обратиться за помощью. Ибо армія будетъ находиться подъ верховнымъ контролемъ народа.

Надо ли говорить, что въ его личную и семейную жизнь не ворвется подъ прикрытіемъ «закона» ничья грязная рука, что передъ нимъ широко распахнутся всѣ двери и въ общественной жизни страны онъ приметъ такое-же дѣятельное

участіе, какъ и всякій иной гражданинъ? Теперь онъ якобы «внѣ политики», т. е. на самомъ дѣлѣ, онъ орудіе въ рукахъ правительства для проведенія самой ужасной и грязной политики; тогда-же — вольный въ своихъ убѣжденіяхъ — онъ ихъ выразитъ не рубкой согражданъ по приказу начальства, а участіемъ въ выборахъ народныхъ представителей.

Демократическій порядокъ лучше оплачиваетъ всякій *дѣйствительный* трудъ, лучше обезпечиваетъ отъ всякихъ случайностей и отъ голодной старости. Онъ не знаетъ и ложнаго блеска, поглощающаго теперь большую часть офицерскаго жалованія.

Отношенія между офицеромъ и подчиненными радикально измѣнятся. Теперешняя злоба и ненависть уступятъ мѣсто благодарному уваженію гражданъ, приходящихъ къ нему поучиться искусству защищать Родину. И наконецъ годъ отъ году офицерская среда будетъ пополняться не теперешними питомцами кадетскихъ корпусовъ, а разносторонне образованными свободными людьми. И ихъ общество поможетъ теперешнему, перешедшему на службу къ новому строю офицерству значительно подняться духовно и умственно.

Какія свѣтлыя перспективы, какую возвышенную цѣль ставитъ передъ офицерствомъ народная милиція въ новомъ общественномъ строѣ!

* * *

«Толците и отверзется вамъ». У русскихъ соціалистовъ есть возможность, есть объективныя данныя для пропаганды среди офицерства. Нечего намъ обсуждать вдоль и поперекъ вопросъ — единицы или широкіе круги офицерства придутъ въ народные ряды въ грядущей борьбѣ. Они вошли *уже не единицами* въ прошломъ, когда не было развернуто передъ ними никакой опредѣленной программы, когда мы не позаботились даже разсѣять въ офицерскихъ рядахъ ложной увѣренности въ ихъ ненужности новому строю. А всюду, гдѣ нами велась работа, мимолетная и совершенно не касавшаяся того огромнаго матеріала, который въ общихъ чертахъ намѣченъ выше, они съ горячностью отвѣчали на наши призывы. Вспомнить хотя-бы юнкерскіе кружки, не связанныя зачастую съ партіями офицерскія группы, иногда очень значительныя. О Всероссійскомъ Офицерскомъ Союзѣ я уже и не говорю.

Надо только, чтобы борцы за новый строй поняли наконецъ, что безъ арміи имъ грозитъ вѣрная и роковая неудача. И что, если даже солдатскія массы за насъ, то недостатокъ руководителей всегда гибеленъ для дѣла революціи. Французская Коммуна обладала громаднымъ числомъ вооруженныхъ національныхъ гвардейцевъ и просто гражданъ; въ ея распоряженіи находились арсеналы, тысячи орудій, стратегическіе пункты и прекрасныя укрѣпленія. Она могла оплачивать свою армію средствами государственнаго банка. Одного ей не хватало: руководителей-офицеровъ. Вообще руково-

дители были. И доблестный Делеклюзъ, честный старикъ-республиканецъ, взявшій на себя несвойственную ему роль военнаго министра, и безстрашный Флурансъ, и благородный Дюваль, и стойкій Варленъ и многіе другіе, не было только *офицеровъ*. А какъ ихъ присутствіе могло помочь дѣлу революціи — показалъ примѣръ двухъ офицеровъ русской службы, незабвенныхъ поляковъ-революціонеровъ, Домбровскаго и Врублевскаго. Если Коммуна могла нѣсколько дней продержаться, стиснутая въ немногихъ кварталахъ, когда весь остальной Парижъ былъ взятъ версальцами, и съ такой славой окончить свое существованіе, то этимъ она обязана не только ихъ доблести и способностямъ, но и ихъ военнымъ знаніямъ.

Прошло со времени Коммуны 40 лѣтъ. Французскіе офицеры въ ея пору показали себя ярыми прислужниками стараго порядка и истинными народными палачами. Въ ихъ средѣ не поднялось громкихъ голосовъ противъ страшной версальской бойни, Сатори, полевыхъ судовъ... Франція, демократическая Франція, до Коммуны обожавшая армію, помнившая ея почетную роль въ Великой революціи — отвернулась отъ братоубійственныхъ войскъ. Совмѣстно съ антимилитаризмомъ разлилось широкой волной отвращеніе и презрѣніе къ офицерскому мундиру. Это было естественно, понятно, но ошибочно. Эта ошибка теперь спѣшно исправляется. Жоресъ, Эрве и другіе вожди соціалистической демократіи обращаются къ офицерству съ призывомъ стать въ ихъ ряды, исполнить роль, предназначенную имъ исторіей. Къ этой роли ихъ властно толкаетъ съ одной стороны связь съ демократіей, которой они плоть отъ плоти, а съ другой, высшая идея защиты Родины и требованія военнаго искусства въ примѣненіи къ этой идеѣ. Пропаганда приноситъ свои результаты. И французское офицерство, среди котораго масса палачей 70-го года, уже вноситъ свою лепту въ соціалистическое и демократическое движеніе страны. Тѣмъ болѣе преступна была-бы иная тактика русской демократіи по отношенію къ офицерамъ; вѣдь прошло всего 7 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ оно въ значительной своей части присоединилось къ народу и, если многіе изъ его членовъ не имѣли случая, или не смогли выступить открыто, то не надо забывать и тотъ его массовый исходъ изъ арміи, которымъ оно выразило свой протестъ противъ правительственной политики. И эти ушедшіе, а ихъ было около 6 тысячъ, показали, что не шкурный вопросъ привязывалъ ихъ къ службѣ, а нѣчто иное. Что? Идея. Поруганія идеи они не вынесли, а точки приложенія своихъ силъ не нашли. Эту точку приложенія должна создать соціалистическая демократія.

* * *

Должны-ли мы смущаться тѣмъ разгуломъ произвола, бѣшенства и варварства, который царитъ среди части рус-

скаго офицерства? Можемъ-ли, поддавшись естественному чувству негодованія, отвернуться отъ него? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Эта буйная накипь, эта шайка усмирителей, этотъ позоръ и стыдъ русской арміи только рѣзче оттѣняетъ въ глазахъ остальныхъ офицеровъ все несовершенство, всю вредоносность теперешняго строя. И потворство правительства этимъ сорвавшимся съ цѣпи бурбонамъ, лишь сильнѣе разжигаетъ недовольство, родитъ ненависть въ рядахъ остального, сѣраго, забитаго командного состава нашей арміи.

Все, что можно было сдѣлать для уничтоженія настоящей дисциплины, все что можно было сдѣлать для разочарованія въ чистотѣ теперешняго служенія, все что только могло подорвать уваженіе къ «завѣтамъ» арміи и начальству — все это сдѣлано политиканствующей, буйствующей, усмиряющей частью офицерства. Они исполнили громадную часть разрушительной работы и мы, соціалисты, избавлены отъ труда критики современнаго положенія арміи. Это сдѣлано за насъ хотя и инымъ путемъ. На насъ лежитъ задача еще болѣе трудная, болѣе отвѣтственная, чѣмъ критика и разрушеніе.

Мы должны идти въ армію съ *проповѣдью созиданія, творчества.* Старое отжило, а новое несетъ въ армію, какъ и во всѣ другія области жизни — соціализмъ. Ему принадлежитъ главное мѣсто.

Наша задача облегчается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что солдаты, сила, на которую опирается офицеръ, съ которой онъ проводитъ всю свою жизнь, все большими массами идутъ въ ногу съ нами. И если можно было раньше объяснять эту склонность солдатъ чисто русскими условіями, то теперь послѣ замѣчательныхъ манифестацій французской арміи, избравшей символомъ своего движенія «Интернаціоналъ», остается-ли у кого-либо сомнѣнія въ томъ, что и солдаты составляютъ одинъ изъ отрядовъ демократіи, рвущейся къ прогрессу?

День ото дня движеніе солдатскихъ массъ въ эту сторону, при помощи соціалистическихъ партій усиливается, и идущему противъ теченія отсталому офицерству, будетъ все труднѣе и труднѣе сохранить свои позиціи; напротивъ того, передовое офицерство почерпнетъ въ немъ силу. И, въ полномъ сознаніи своей правоты, оно понесетъ славное знамя борьбы, пронесенное лучшими его представителями въ теченіи вѣка, отдѣляющаго насъ отъ декабристовъ, сквозь всѣ тѣснины русской политической жизни.

Александровъ.

ПРОЕКТЪ ВОЕННАГО ЗАКОНА

внесенный Жоресомъ отъ имени соціалистической партіи въ Палату Представителей.

Проектъ закона.

Статья 1. Всѣ здоровые граждане въ возрастѣ отъ 20 до 45 лѣтъ участвуютъ въ національной оборонѣ. Съ 20 до 34 лѣтъ они состоятъ въ дѣйствительной арміи; съ 34 до 40 — въ резервѣ и съ 40 до 45 лѣтъ — въ территоріальной арміи.

Статья 2. Граждане дѣйствительной арміи организуются въ дивизіи, соотвѣтствующія опредѣленнымъ пространствамъ территоріи, которыя и составляютъ площади ихъ рекрутированія.

Эти дивизіи состоятъ изъ пѣхотныхъ полковъ, подкрѣпленныхъ кавалерійскими, артиллерійскими и инженерными частями. Пѣхотные полки дѣлятся на батальоны, батальоны на роты; кавалерійскіе на эскадроны и артиллерійскіе на дивизіоны.

Статья 3. Наборъ производится на мѣстѣ: граждане зачисляются въ простѣйшія войсковыя единицы; каждая соотвѣтствуетъ части территоріи ими населяемой. Для пополненія спеціальныхъ родовъ оружія: кавалеріи, артиллеріи и инженерныхъ войскъ, область рекрутированія можетъ быть расширена,—съ тѣмъ, однако, чтобы она никогда не переходила границъ дивизіи.

Статья 4. Обученіе дѣйствительной арміи дѣлится на три періода: подготовительное обученіе дѣтей и юношей; школа рекрутовъ; періодическіе сборы.

Статья 5. Предварительное обученіе вводится для дѣтей и юношей въ возрастѣ отъ 10 до 20 лѣтъ. Такая подготовка не должна быть изученіемъ военныхъ дѣйствій; это было-бы преждевременнымъ. Она состоитъ прежде всего въ воспитаніи здоровья и ловкости посредствомъ ходьбы, ритмическихъ движеній, игръ развивающихъ ловкость, быстроту а также въ стрѣльбѣ въ тирѣ. Она соединяетъ, въ разумныхъ предѣлахъ, спортъ, имѣющій въ виду возбужденіе соревнованія съ методомъ раціональной гимнастики, нормально развивающей, смотря по способностямъ каждаго, силы организма, — предупреждающей и излѣчивающей его недостатки.

Это физическое воспитаніе направляется и контролируется офицерами и унтеръ-офицерами заинтересованныхъ частей, учителями частныхъ и общественныхъ школъ, мѣстными врачами и Совѣтомъ Военнаго Совершенствованія изъ тридцати членовъ, избираемыхъ всеобщимъ голосованіемъ на территоріи рекрутированія каждаго полка; въ него входятъ представители всѣхъ родовъ оружія.

Лошади для молодыхъ людей, указанныхъ инструкторами, доставляются ремонтной службой.

Учителя подготовляются къ надлежащему выполненію своихъ обязанностей по физическому воспитанію — соотвѣтственнымъ курсомъ въ нормальныхъ школахъ.

Семьи дѣтей и юношей, призываемыхъ на подготовительныя упражненія, предупреждаются, что аккуратности посѣщенія и усердію молодежи будутъ вестись и сохраняться отмѣтки. Постоянная небрежность наказывается различными взысканіями, которыя могутъ накопляться и состоятъ въ воспрещеніи на опредѣленный срокъ отправленія всякой общественной должности и принужденіи къ болѣе продолжительному пребыванію въ школѣ рекрутовъ.

Учреждаются награды и призы, какъ для отдѣльныхъ лицъ, такъ и для цѣлыхъ группъ, выказавшихъ болѣе усердія и успѣховъ.

Статья 6. На 21-мъ году жизни молодые люди призываются на шесть мѣсяцевъ въ рекрутскую школу ближайшаго гарнизона, гдѣ они проходятъ курсъ одиночнаго и ротнаго. или баттарейнаго и эскадроннаго обученія для рядовыхъ.

Эта служба проходится въ одинъ или въ два пріема, но въ предѣлахъ одного и того-же года. Сроки призыва выбираются такъ, чтобы можно было производить занятія на открытомъ воздухѣ, а маневры — въ разнообразной мѣстности.

Обучаемыя группы рекрутъ не составляютъ органическихъ, постоянныхъ единицъ. Обучающіяся въ нихъ солдаты состоятъ въ территоріальныхъ частяхъ, о которыхъ сказано выше.

Статья 7. Въ теченіи тринадцати лѣтъ предстоящей имъ затѣмъ дѣйствительной службы эти солдаты призываются восемь разъ для занятій и маневровъ. Занятія эти состоятъ изъ чередующихся маневровъ небольшихъ частей (продолжительностью въ 10 дней), производимыхъ на мѣстѣ, или въ предѣлахъ небольшого района, и 21 дневныхъ маневровъ большихъ частей въ мѣстности съ болѣе значительнымъ радіусомъ, а также въ образцовыхъ лагеряхъ. Число этихъ лагерей учетверяется.

Всѣ люди одной и той-же части созываются въ одно и то-же время.

Офицеры, унтеръ-офицеры и Совѣтъ Военнаго Совершенствованія прилагаютъ свои усилія къ тому, чтобы, кромѣ обязательныхъ маневровъ, и внѣ ихъ рядовые какъ можно болѣе упражнялись въ ходьбѣ и стрѣльбѣ.

Каждый солдатъ хранитъ свою аммуницію у себя на дому. Онъ отвѣчаетъ за нее денежно.

Склады оружія учреждаются и содержатся подъ охраной и отвѣтственностію гражданскихъ и военныхъ властей въ главныхъ городахъ кантоновъ и въ наиболѣе важныхъ сельскихъ обществахъ.

Въ восточныхъ департаментахъ *) каждый солдатъ хранитъ оружіе у себя на дому. Артиллерійскіе и кавалерійскіе склады распредѣляются по области, а частая сѣть путей сообщенія всѣхъ родовъ — желѣзныхъ дорогъ, обозовъ и автомобилей — устраивается такимъ образомъ, чтобы дать возможность гражданамъ области посредствомъ немедленной мобилизаціи служить прикрытіемъ общаго сосредоточенія силъ. Тамъ-же учреждаются и авіаціонные центры, и рекруты всей страны могутъ быть, послѣ предварительнаго трехмѣсячнаго обученія, призваны для его окончанія въ образцовые лагеря, устроенные на Востокѣ.

Статья 8. Кадры образуются съ одной стороны изъ профессіональныхъ унтеръ-офицеровъ и офицеровъ, съ другой — изъ гражданскихъ унтеръ-офицеровъ и офицеровъ.

Профессіональные унтеръ-офицера предназначаются исключительно для обученія солдатъ въ рекрутскихъ школахъ.

Послѣ трехмѣсячнаго пребыванія въ рекрутскихъ школахъ, солдаты признанные наиболѣе способными, сообразно ихъ отмѣткамъ по предварительной подготовкѣ, по ихъ дѣятельности въ рекрутской школѣ и ихъ общему образованію, подготовляются къ обязанностямъ унтеръ-офицера.

Назначеніе производится инструкторами совмѣстно съ делегатами Полкового Совѣта, образуемаго командиромъ корпуса и съ представителями различныхъ чиновъ, а также членами Совѣта Военнаго Совершенствованія, избираемаго всеобщимъ голосованіемъ. Послѣ трехмѣсячнаго обученія въ школѣ рекрутовъ, кандидаты на чинъ унтеръ-офицера, если они признаны годными, отправляются на три мѣсяца въ школу унтеръ-офицеровъ и зачисляются въ этомъ званіи въ часть, находящуюся въ мѣстѣ ихъ постояннаго жительства или ближайшую къ нему.

Никто не можетъ уклониться отъ унтеръ-офицерства; если же добровольныхъ предложеній окажется недостаточно для рекрутированія кадровъ, то послѣдніе пополняются по назначенію.

Унтеръ-офицерскіе ученики получаютъ поденное вознагражденіе.

Вознагражденіе это выдается имъ въ достаточныхъ размѣрахъ за каждый день, проведенный ими, въ качествѣ унтеръ-офицеровъ, при исполненіи ихъ обязанностей. Они пользуются правомъ старшинства при занятіи ими общественныхъ

*) То-есть на возможномъ театрѣ войны, на границѣ съ Германіей. Александровъ.

должностей. Частные работодатели, организованные для этого въ дивизіонныя организаціи, обязаны будутъ доставлять имъ занятія, соотвѣтствующія ихъ способностямъ. Въ пятьдесятъ лѣтъ они получаютъ пенсію. Кромѣ того, пополненіе офицерскихъ кадровъ будетъ ведено такимъ образомъ, чтобы унтеръ-офицеры могли по старшинству и въ довольно значительномъ числѣ получить чинъ подпоручика и поручика.

Статья 9. Офицерскіе кадры на треть состоятъ изъ профессіональныхъ офицеровъ.

Рабочимъ организаціямъ всѣхъ родовъ (синдикатамъ, обществамъ взаимопомощи, кооперативамъ) предоставляется нести издержки по подготовкѣ на чинъ офицера сыновей членовъ этихъ организацій, которые экзаменомъ докажутъ къ этому способности.

Молодые люди, обладающіе дипломами на званіе баккалавра (аттестатами зрѣлости), принимаются по конкурсу въ военныя отдѣленія, образованныя при шести наиболѣе значительныхъ Университетахъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы каждая область Франціи имѣла свое отдѣленіе. Принимаются молодые люди въ военныя отдѣленія университетовъ не иначе, какъ предварительно отбывъ свои шесть мѣсяцевъ рекрутской школы.

Продолжительность обученія въ университетскихъ военныхъ отдѣленіяхъ устанавливается въ четыре года со спеціализаціей по родамъ оружія. Молодые люди военнаго отдѣленія участвуютъ вмѣстѣ съ другими студентами Университета въ самомъ широкомъ прохожденіи курсовъ исторіи, литературы, философіи, соціальной экономіи и высшихъ знаній. Для практическихъ командныхъ занятій они используютъ городскія или областныя рекрутскія школы. Во время обученія въ Университетѣ они получаютъ отъ государства поденное вознагражденіе, а ихъ семьи, если онѣ бѣдны — воспомоществованіе. Послѣ четырехъ лѣтъ такого обученія они переименовываются въ подпоручики и назначаются либо для командованія въ той или иной воинской части, либо для обученія рекрутъ, либо одновременно на обѣ должности.

Годы проведенные въ Университетѣ засчитываются имъ въ старшинство, коэфиціентъ котораго вычисляется съ такимъ разсчетомъ, чтобы офицеры, получившіе подобное образованіе, достигали быстрѣе чина капитана.

Они производятся изъ чина въ чинъ не иначе, какъ по прохожденіи въ отдѣленіи Университета двадцатидневнаго курса, подготовляющаго ихъ къ новому чину.

Университетъ предлагаетъ офицерамъ и офицерскимъ обществамъ темы военныхъ изысканій.

Профессіональные офицеры, согласно съ учителями и делегатами Совѣта Военнаго Совершенствованія обязаны пещись о предварительной подготовкѣ и способствовать образованію офицеровъ гражданскихъ.

Офицеры принимаются по конкурсу въ Высшую Военную Школу, дающую преимущества, необходимыя для полученія высшихъ чиновъ и приготовляющую къ исполненію обязанностей офицера главнаго штаба. Эта Высшая Школа, одна изъ обязанностей которой — координировать военное образованіе въ областныхъ Университетахъ, ведетъ свои курсы поочередно въ каждомъ изъ Университетовъ съ военными отдѣленіями.

Статья 10. Двѣ трети офицерства состоятъ изъ офицеровъ гражданскихъ. Они рекрутируются среди гражданскихъ унтеръ-офицеровъ и назначаются либо въ части, расположенныя въ ихъ мѣстожительствѣ, либо въ ближайшія къ нему.

Дипломъ военныхъ наукъ, обезпечивающій право старшинства для полученія слѣдующихъ офицерскихъ чиновъ, выдается гражданамъ, прошедшимъ въ Университетѣ или главномъ городѣ департамента спеціальные курсы. Никто не можетъ получить медицинскаго, адвокатскаго, инженернаго или учительскаго диплома, не получивъ предварительно упомянутаго диплома по военнымъ наукамъ.

Гражданскіе офицеры получаютъ вознагражденіе. Они также пользуются въ занимаемыхъ ими различныхъ общественныхъ должностяхъ правомъ старшинства. Въ пятьдесятъ лѣтъ они имѣютъ право на пенсію. Унтеръ-офицеръ произведенный въ офицеры не имѣетъ права уклониться отъ назначенія. Если число добровольныхъ кандидатовъ недостаточно, или ихъ качество неудовлетворительно, личный составъ гражданскихъ офицеровъ пополняется, при укомплектованіи кадровъ, по назначенію.

Статья 11. Производства совершаются частью по старшинству, частью по выбору. Они регулируются такимъ образомъ, чтобы половина кадровъ гражданскихъ офицеровъ, состояла изъ лицъ, имѣющихъ дипломъ военныхъ наукъ и чтобы унтеръ-офицеры, не обладающіе таковымъ, могли, лишь въ силу своихъ служебныхъ достоинствъ, занять половину имѣющихся вакансій, по крайней мѣрѣ—вакансій подпоручиковъ и поручиковъ; другіе чины имъ также доступны, но въ уменьшающейся пропорціи.

Статья 12. Производства совершаются по спискамъ, составленнымъ полковыми и дивизіонными комитетами, образуемыми командирами частей, а также — представителями разныхъ чиновъ и делегатами Совѣта Военнаго Совершенствованія, избираемаго всеобщимъ голосованіемъ; каждый изъ этихъ элементовъ, въ случаѣ голосованія, имѣетъ одинъ голосъ.

Статья 13. Офицеры, перешедшіе 34-лѣтній возрастъ, могутъ быть по ихъ просьбѣ удержаны въ кадрахъ дѣйствительной арміи. Однако они могутъ быть назначены, если это необходимо, для командованія частями резерва, или террито-

ріальныхъ войскъ. Равнымъ образомъ, въ случаѣ нужды они могутъ быть удержаны въ кадрахъ дѣйствительной арміи и по назначенію.

Статья 14. Резервныя части образуются изъ людей отъ 34 до 40 лѣтъ, принадлежавшихъ къ наиболѣе близкимъ частямъ дѣйствительной арміи. Части территоріальной арміи образуются аналогичнымъ способомъ, т. е. изъ людей отъ 40 до 45 лѣтъ, принадлежащихъ къ наиболѣе близкимъ резервнымъ частямъ. Кадры резервныхъ и территоріальныхъ частей образуются или бывшими офицерами дѣйствительной арміи, или унтеръ-офицерами дѣйствительной арміи прямо производимыми въ чинъ офицеровъ резервныхъ и территоріальныхъ войскъ.

Статья 15. Военный министръ дѣлаетъ, съ точки зрѣнія зонъ сосредоточенія, средствъ передвиженія и снабженія, всѣ необходимыя приготовленія для полной утилизаціи дѣйствительной арміи, какъ арміи первой линіи.

Статья 16. Армія сорганизованная такимъ образомъ, преслѣдуетъ исключительно одну цѣль: защиту противъ всякаго покушенія на независимость и территорію страны. Всякая война преступна, если она не безусловно оборонительна; оборонительный же ея характеръ тогда только очевиденъ и безспоренъ, когда правительство страны предложитъ иностранному правительству, съ которымъ оно пришло въ столкновеніе, урегулировать конфликтъ третейскимъ судомъ.

Статья 17. Всякое правительство, которое начнетъ войну, не предложивъ предварительно — открыто и честно — разрѣшить споръ посредствомъ третейскаго суда, разсматривается, какъ предатель Франціи, врагъ родины и человѣчества. Всякій парламентъ, который одобритъ такую войну, преступенъ и, тѣмъ самымъ, считается распущеннымъ. Національная и конституціонная обязанность гражданъ покончить съ такимъ правительствомъ и замѣстить его правительствомъ достойнымъ довѣрія, которое, обезпечивая защиту національной независимости, въ то-же время предложитъ иностранному государству — предупредить или остановить враждебныя дѣйствія посредствомъ третейскаго приговора.

Статья 18. Правительство Франціи приглашается безъ промедленія договориться со всѣми странами, представленными на Гаагскомъ международномъ судѣ, объ условіяхъ полнаго третейскаго суда и установить, согласно съ ними, порядокъ третейскаго суда.

Нѣсколько комментарій.

Проектъ французскихъ соціалистовъ наглядно показываетъ, какую колоссальную реформаторскую работу предстоитъ совершить соціализму въ арміи. Да и соціализму-ли только?

Народная милиція не есть исключительно соціалистическое требованіе. Мы видимъ въ Швейцаріи, Норвегіи и Португаліи систему вооруженныхъ силъ еще болѣе демократическую, чѣмъ предполагаетъ внесенный Жоресомъ проектъ. Въ той-же Швейцаріи срокъ службы не шесть мѣсяцевъ, а 67 дней. Да и во всѣхъ остальныхъ главныхъ пунктахъ проектъ этотъ является отраженіемъ уже существующаго въ Швейцаріи порядка вещей. И тѣмъ не менѣе Швейцарія сильно буржуазное государство.

Мы уже видѣли (въ ст. «Офицерство, революція и наши задачи»), что Швейцарія въ этомъ случаѣ не одинока: клерикальная Голландія, «либеральная» т. е. консервативная Данія, монархическая Норвегія и революціонная Португалія — всѣ въ силу необходимости успѣшно защититься извнѣ, сошлись на одной и той-же военной системѣ — народной милиціи. Имъ, конечно, пришлось въ тоже время не только демократизировать армію, но и отказаться отъ употребленія ея въ качествѣ надежнаго средства борьбы съ собственными гражданами.

На томъ-же пути стоитъ и Франція. Правда, Палата отвергла соціалистическое предложеніе; она готовится продлить срокъ военной службы и еще болѣе оказармить армію. Но, все равно, завтра ей *придется* пойти по пути неизбѣжно ведущему къ народной милиціи. Ея населеніе уменьшается, ея соперница Германія все растетъ и растетъ, и борьба съ послѣдней на почвѣ новыхъ увеличеній арміи признана уже самыми заядлыми французскими націоналистами невозможной. Продленіе срока службы мѣра временная и черезъ годъ два роковой вопросъ — какъ быть съ ростомъ Германскихъ военныхъ силъ? — снова станетъ на очередь. Вѣдь нельзя-же безъ конца увеличивать срокъ службы и на долгіе годы загонять въ казарму все трудовое населеніе Франціи.

Да и сами иниціаторы продленія военной службы смотрятъ на него, какъ на временную мѣру. Однимъ изъ нихъ улыбается мысль, воспользовавшись благовиднымъ предлогомъ, дать въ руки соціальной реакціи болѣе надежное орудіе борьбы съ демократіей: казарменную, вымуштрованную армію; другимъ хочется нажиться сейчасъ-же на постройкѣ новыхъ ка-

зармъ, на оружейныхъ и иныхъ подрядахъ; третьи слѣпо повинуются приказу союзника — русскаго царя, которому необходимо развести реакцію и во Франціи; а кромѣ всего этого надо, не прибѣгая къ рискованному для крупной буржуазіи средству — еще болѣе демократизированной арміи, пополнить убыль, вызванную во французскихъ войскахъ Марокской экспедиціей. Всѣ эти причины не имѣютъ ничего общаго съ защитой страны, а потому, какъ только временный угаръ пройдетъ и передъ Франціей встанетъ дѣйствительный призракъ опасности (а онъ несомнѣнно таится въ ростущей германской арміи!) — ей придется, вопреки всѣмъ препятствіямъ, пойти по пути, ведущему къ народной милиціи. Такова участь всѣхъ менѣе населенныхъ и угрожаемыхъ государствъ!

Что-же удивительнаго въ томъ, что истинная представительница демократіи, соціалистическая партія, вписала на свои знамена требованіе народной милиціи? Вѣдь народная милиція это первый шагъ къ временамъ, когда не будетъ войнъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и единственное пока средство защиты національной независимости, которая трудовому классу такъ-же дорога, какъ и международная солидарность.

* * *

По проекту Жореса, какъ мы видимъ, нація дѣйствительно обращается въ мощную, отвѣчающую послѣднимъ требованіямъ военнаго искусства армію. Военная служба, кромѣ цѣлей защиты родины, ставитъ передъ собой не менѣе почетную задачу — физическаго оздоровленія націи.

Эти двѣ цѣли настолько велики, настолько благородны, что лицамъ, осуществляющимъ ихъ въ жизни, т. е. унтеръ-офицерамъ и офицерамъ, соціалистическій проектъ отводитъ значительныя преимущества передъ всѣми остальными гражданами страны. Онъ даетъ имъ право старшинства при занятіи всякаго рода общественныхъ должностей, онъ даетъ всѣмъ вообще унтеръ-офицерамъ и офицерамъ право на пенсію въ 50 лѣтъ, онъ платитъ жалованье слушателямъ военныхъ отдѣленій университетовъ, а ихъ семьямъ, если онѣ бѣдны, даетъ воспомоществованіе! Гдѣ въ настоящее время та профессіональная офицерская среда, которая пользовалась-бы такими преимуществами? А кромѣ того, офицерскому ремеслу придается такое значеніе, что никто не можетъ получить докторскаго, адвокатскаго, учительскаго и инженернаго диплома не владѣя дипломомъ военныхъ знаній.

Уже одно это показываетъ, насколько вздорны сплетни и розсказни всякихъ иностранныхъ и отечественныхъ военныхъ писателей о соціалистической антипатріотичности. Конечно, нашъ Главный Штабъ, распространяющій переводы всевозможныхъ ген. Лебелей, фонъ-Микошей, Энгельмановъ, «прусскихъ офицеровъ» etc. не порекомендуетъ русскому

офицерству прочесть книги хотя-бы Жореса или Эрве, изъ которыхъ оно могло-бы узнать, что такое истинный патріотизмъ.

Въ предыдущей статьѣ мною было отмѣчено, что число профессіональныхъ офицеровъ для нашей народной милиціи можно считать въ 60.000, если перенести французскую пропорцію къ намъ. Но ясно, что число это слишкомъ недостаточно. Наши массы, никогда не знали ни цѣлесообразнаго спорта, ни гимнастики; даже стрѣлки, вырабатываемые звѣринымъ промысломъ, существуютъ лишь въ извѣстныхъ районахъ и составляютъ меньшинство. Кромѣ того, массы наши неграмотны. При такихъ условіяхъ число инструкторовъ-офицеровъ должно быть значительно увеличено. Я здѣсь не берусь опредѣлить, насколько именно оно должно быть увеличено, но не могу не указать, что если-бы въ Россіи была введена система народной милиціи, то у насъ сразу оказалась-бы большая недохватка офицеровъ. Если-бы даже все, теперь находящееся на службѣ, офицерство перешло на службу въ постоянный кадровый составъ, — все-таки недохватъ былъ-бы колоссальный. Я думаю, что на первыхъ порахъ у насъ пришлось-бы часть инструкторской работы, составляющей обязанности офицеровъ, возложить на призванныхъ немедленно на службу прапорщиковъ запаса и иныхъ запасныхъ офицеровъ, а также на наиболѣе способныхъ унтеръ-офицеровъ.

* * *

Условія защиты границъ у насъ и у Франціи — различны. Съ другой стороны несомнѣнно, бронированная Германія съ ея спутницей Австріей, могутъ стать одинаковой угрозой какъ Франціи, такъ и *широко демократической* Россіи. На Дальнемъ Востокѣ японская опасность можетъ быть нейтрализована союзомъ съ республиканскимъ Китаемъ, за Каспіемъ мы соприкасаемся съ тѣмъ-же Китаемъ, а на Кавказѣ съ слабой Персіей и разбитой Турціей; наконецъ на сѣверѣ — съ небольшими скандинавскими государствами. Единственная серьезная опасность для демократической Россіи, такимъ образомъ, — на нашей Западной границѣ. Если Франція съ одной стороны защищена Бельгіей, а съ другой непосредственно соприкасается съ Германіей, если въ ней пограничное населеніе принадлежитъ къ главному ядру, т. е. оно чисто французское, то у насъ (и этого не надо забывать!) пограничныя области сплошь заселены бѣлоруссами, украинцами, поляками, молдаванами. Даже на второстепенныхъ границахъ та-же картина: финны, грузины, армяне, персы, туркмены etc. Теперь, при націоналистически-централистическомъ строѣ полицейскаго государства, это обстоятельство является величайшей слабостью всей нашей военной системы. Всѣ эти поляки, молдаване, армяне, грузины, туркмены, финны, даже

украинцы возбуждаютъ въ правительствѣ еще больше подозрѣній и страховъ, чѣмъ сами сосѣднія государства. Угнетаемые, лишенные элементарнѣйшихъ правъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ лишены возможности защищать границы. При мобилизаціи ихъ стараются отправить въ дальніе округа, а на ихъ мѣсто присылаютъ людей изъ чужихъ мѣстъ и такимъ образомъ получается чудовищный военный абсурдъ. Чужіе, не привязанные къ мѣсту, не знающіе топографіи страны и ея условій, не пользующіеся симпатіями населенія, войска должны защищать подчасъ враждебную имъ страну. Пропадаютъ зря колоссальныя средства самозащиты!

Конечно, въ демократической Россіи этотъ тяжелый вопросъ получитъ иное разрѣшеніе. Свободныя, автономныя народности на нашихъ границахъ, составятъ мощный заслонъ противъ чужестраннаго нападенія. Всѣ мѣстныя силы и средства будутъ ими использованы, какъ нельзя лучше. Вѣдь они будутъ защищать въ тоже время *свою* независимость, *свою* Родину! Я не знаю, въ какую систему отольется общая защита границъ: въ видѣ-ли общей системы вооруженныхъ силъ всѣхъ народностей населяющихъ теперь Россію, или въ формѣ особаго военнаго соглашенія заключеннаго между ними.

Несомнѣнно однако, что кромѣ мѣръ, предлагаемыхъ французскими соціалистами, т. е. храненія на дому оружія, увеличенія сѣти путей сообщенія, устройства рекрутскихъ школъ для отбыванія на границѣ вторыхъ трехъ мѣсяцевъ всѣми рекрутами и т. д., намъ придется выстроить значительное число крѣпостей, которые могли-бы прикрыть трудную по нашимъ условіямъ (бездорожье, непривычка къ новой системѣ, сравнительная рѣдкость населенія) мобилизацію народной милиціи. Впрочемъ, въ недавнихъ засѣданіяхъ французской палаты Жоресъ предлагалъ тоже самое и для Франціи, хотя она обезпечена крѣпостями и укрѣпленными позиціями несравненно лучше насъ.

*
* *

Мнѣ хотѣлось-бы еще подчеркнуть нѣкоторыя параграфы французскаго соціалистическаго проекта, пріятно неожиданные для русскаго офицерства. Таковы статьи: о порядкѣ комплектованія кадровыхъ офицеровъ и порядкѣ ихъ производства.

Кто не знаетъ нашихъ отвратительныхъ военныхъ училищъ, особенно кавалерійскихъ, гдѣ научаютъ очень немногому, а мучатъ порядкомъ. «Цуканье» старшими младшихъ — «штриховъ» въ пѣхотныхъ и «звѣрей» въ кавалерійскихъ училищахъ, — составляетъ одну изъ печальнѣйшихъ страницъ военнаго образованія. Здѣсь впервые закладывается фундаментъ невѣроятной грубости съ одной стороны и подхалимства съ другой. Здѣсь зачастую пьяные юнкера старшаго курса куражатся, издѣваются надъ бѣдными «звѣрями» и

пріучаютъ ихъ къ грубому произволу. Зло это, пошедшее на убыль передъ 1904-1905 годами, съ тѣхъ поръ снова возродилось при благожелательномъ отношеніи начальства и достигло такихъ ужасающихъ размѣровъ, что въ этомъ году комиссія даже 4-ой Гос. Думы вынесла пожеланіе о борьбѣ съ «цуканьемъ». Какая разница между несчастными «штрихами» и «звѣрями» съ одной стороны и, свободными молодыми людьми, получающими въ университетѣ вмѣстѣ съ военными науками всѣ остальныя высшія знанія — съ другой! Эти независимые и образованные юноши внесутъ освѣжающую струю въ полковое общество, оздоровятъ его и поднимутъ его уровень.

Что-же касается до порядка производства, я уступаю слово излюбленному и особенно рекламируемому Главнымъ Штабомъ черносотенному военному писателю, Волгину: *) «Какъ извѣстно, личный трудъ и способности не всегда цѣнятся высоко, зато заслуги отца, богатство, или даже знакомство съ сильными лицами выдвигаютъ нерѣдко людей лѣнивыхъ, неспособныхъ. Все это угнетаетъ, точитъ нашихъ офицеровъ, которые принуждены пробивать себѣ дорогу своимъ собственнымъ трудомъ». ...«Руки опускаются при такихъ порядкахъ и равнодушными къ работѣ дѣлаются иногда даже дѣятельные люди. А зависть, недоброжелательство и равнодушіе подтачиваетъ душу арміи, какъ ржавчина разъѣдаетъ желѣзо».

Да! При такихъ порядкахъ трудно сохранить активность и любовь къ дѣлу. Вотъ почему предлагаемый французскими соціалистами порядокъ производства не можетъ не порадовать нашихъ офицеровъ. По этому проекту часть назначеній производится по старшинству, а другая — по спискамъ, составленнымъ не только командиромъ, но и делегатами всѣхъ офицерскихъ чиновъ и представителями всего населенія.

Вотъ эти-то, указанные г. Волгинымъ порядки, а также полицейскія обязанности, произволъ и ужасная, некультурная полковая жизнь дѣлаютъ то, что въ русской арміи теперь громадный недохватъ офицеровъ. Тотъ-же Волгинъ констатируетъ наличность факта, хотя и объясняетъ его нѣсколько односторонно и съ присущимъ ему цинизмомъ: «Нашимъ офицерамъ платятъ мало». «Правда, привлекаетъ на службу почетъ: конечно, всю жизнь быть готовымъ умереть за Царя и отечество — дѣло почетное; конечно, доброе дѣло — пріучать простыхъ людей къ дисциплинѣ, законности и порядку; но честь честью... а надо подумать и о карманѣ, особенно семейному человѣку».

Если-бы не реклама Главнаго Штаба, если-бы не нарочитая вѣрноподданность Волгина, можно было-бы подумать, что эта тиррада выхвачена изъ статьи, издѣвающейся надъ

---

*) А. М. Волгинъ «Объ Арміи» изданіе 3-ье (Въ трехъ изданіяхъ 50.000 экземпл.).

теперешней военной системой. Здѣсь вскрывается истинный наемный характеръ теперешняго порядка комплектованія офицерства. Возможна-ли подобная тирада при осуществленіи проекта французскихъ соціалистовъ?

* * *

Интересно, что всѣ большіе военные писатели, вродѣ генерала Ланглуа у французовъ, отдаютъ себѣ полный отчетъ въ отсутствіи идеи, которая-бы скрѣпляла, спаивала-бы современную казарменную армію. Раньше дѣло было просто: вѣрность наемщику, или государю, культъ войны и славы. Теперь-же, когда на первое мѣсто стали народъ и отечество, а культъ и слава наступательной войны истерлись и уступаютъ даже въ царскихъ устахъ мѣсто «защитѣ родины» — дѣло стало много труднѣе. Какъ совмѣстить существующее военное безобразіе съ дѣломъ служенія народу и Родинѣ? И всѣ они въ мучительной жаждѣ выйти изъ этого противорѣчія, боясь примкнуть къ единственной, дѣйствительно бодрящей, соціалистической идеѣ, — всѣ отыскиваютъ, какъ нѣкій философскій камень, «идею», и не могутъ ея найти.

Вмѣстѣ съ большими военными писателями выступаетъ и маленькій писатель Главнаго Штаба Волгинъ и говоритъ вѣрныя и хорошія слова, но, конечно, не указываетъ самой «идеи», ибо она выше его кругозора: «Такимъ образомъ, кромѣ разныхъ преобразованій и внѣшнихъ улучшеній, армія наша нуждается въ лѣченіи: нужно оздоровить ея душу, вдунуть въ нее бодрость, свѣтлый духъ, надежду, желаніе работать. Безъ этого-же трудно что-нибудь исправить, какъ слѣдуетъ. Но дѣло это очень большое. Здѣсь одними распоряженіями ничего не подѣлаешь: нужно, чтобы *цѣлый милліонъ* (курсивъ мой. Александровъ.) людей участвовалъ въ этомъ душой и желаньемъ. Если указанный переворотъ произойдетъ въ арміи, то всѣ предполагаемыя улучшенія увѣнчаются успѣхомъ. Безъ этого-же всѣ нововведенія будутъ не больше, какъ заплаты.»

Шутка сказать! Надо, чтобы въ цѣломъ милліонѣ людей совершился душевный переворотъ! Но изъ-за чего, изъ-за какихъ идеаловъ? Не изъ-за современныхъ-же «Царя, вѣры и отечества», какъ ихъ толкуютъ офицерамъ и солдатамъ. Вѣдь при ихъ наличности и произошло то глубокое разложеніе, о которомъ печалится у насъ Волгинъ, у нѣмцевъ Лебель, у французовъ Ланглуа и др. Нѣтъ, очевидно нужны новые мощные идеалы, которые смогли-бы зажечь душу милліона людей. Гдѣ-же они?

Эти идеалы чужды военнымъ авторамъ любезнымъ нашему Главному Штабу: они въ смятеніи отворачиваются «отъ единственной великой идеи, вырабатывающейся теперь въ

человѣческомъ обществѣ, которая можетъ возбудить страстно энергію» *).

Въ соціализмѣ, который объединяетъ трудовой народъ, поставляющій солдатъ, заключается та высшая идея, которая можетъ сдѣлать чудесный переворотъ въ душахъ «милліона людей».

Говоря это, я, конечно, имѣю въ виду не формальную сторону дѣла, а его существо, выраженное въ прекрасныхъ словахъ лидера французскихъ соціалистовъ, обращенныхъ имъ къ офицерамъ:

«Рѣчь идетъ не о томъ, чтобы офицеры вписались въ ту или иную соціалистическую организацію. Надо чтобы они узнали удивительное сокровище силы и морали, которое содержитъ въ себѣ рабочій соціализмъ, пламенѣющій одинаковой любовью и къ національной свободѣ, и къ общечеловѣческой солидарности».

Надо чтобы они узнали, какіе резервы моральной энергіи и національнаго здоровья таятся въ соціалистическомъ международномъ пролетаріатѣ, который тѣмъ рѣшительнѣе въ защитѣ націи, чѣмъ сильнѣе въ немъ рѣшимость сдѣлать ее націей мирной. И когда все это они поймутъ, добавляетъ Жоресъ, «когда они поймутъ, что сила арміи, защищающей отечество въ тѣсной связи ея съ *націей-производительницей*, т. е. съ трудовымъ народомъ, тогда они поймутъ и превосходство системы организаціи военныхъ силъ, которую предлагаетъ соціализмъ и которой цѣль: *смѣшать воедино армію и народъ*».

Александровъ.

---

*) Жоресъ «Новая Армія».

О СМЕРТНОЙ КАЗНИ

О СМЕРТНОЙ КАЗНИ.

Глава изъ «Воскресеніе».

,,...а говорилъ, что если-бы у него была другая жизнь, онъ ее употребилъ бы на то же самое,— на разрушеніе того порядка вещей, при которомъ возможно было то что, онъ видѣлъ.

Въ особенности полюбилъ Нехлюдовъ шедшаго съ той партіей, къ которой была присоединена Катюша, ссылаемаго въ каторгу чахоточнаго молодого человѣка Крыльцова. Нехлюдовъ познакомился съ нимъ еще въ Екатеринбургѣ и потомъ во время пути нѣсколько разъ видѣлся и бесѣдовалъ съ нимъ.

Одинъ разъ, лѣтомъ, на этапѣ во время дневки, Нехлюдовъ провелъ съ нимъ почти цѣлый день. И Крыльцовъ, разговорившись, разсказалъ ему свою исторію, и какъ онъ сталъ революціонеромъ. Исторія его до тюрьмы была очень короткая. Отецъ его богатый помѣщикъ южныхъ губерній, умеръ, когда онъ былъ еще ребенкомъ. Онъ былъ единственный сынъ и мать воспитала его. Учился онъ легко и въ гимназіи, и въ университетѣ и кончилъ курсъ первымъ кандидатомъ математическаго факультета. Ему предлагали остаться при университетѣ и ѣхать за-границу. Но онъ не медлилъ. Была дѣвушка, которую онъ любилъ, и онъ подумывалъ о женитьбѣ и земской дѣятельности. Всего хотѣлось и ни на что не рѣшался. Въ это время товарищи по университету попросили у него денегъ на общее дѣло. Онъ зналъ, что это общее дѣло было революціонное дѣло, которымъ онъ тогда совсѣмъ не интересовался, но изъ чувства товарищества и самолюбія, чтобы не подумали, что онъ боится, далъ деньги. Взявшіе деньги попались; была найдена записка, по которой узнали, что деньги даны Крыльцовымъ; его интересовался, но изъ чувства товарищества

арестовали, посадили сначала въ часть, а потомъ въ тюрьму.

— Въ тюрьмѣ, куда меня посадили--разсказывалъ Крыльцовъ Нехлюдову (онъ сидѣлъ съ своей впалой грудью на высокихъ нарахъ, облокотившись на колѣни и только изрѣдка взглядывалъ блестящими, лихорадочными прекрасными глазами на Нехлюдова), въ тюрьмѣ этой не было особенной строгости; мы не только перестукивались, но и ходили по корридору, переговаривались, дѣлились провизіей, табакомъ и по вечерамъ даже пѣли хоромъ. У меня былъ голосъ хорошій. Да, если бы не мать,—она очень убивалась,—мнѣ бы хорошо было въ тюрьмѣ, даже пріятно и очень интересно. Здѣсь я познакомился, между прочимъ, съ знаменитымъ Петровымъ *) (онъ потомъ зарѣзался стекломъ въ крѣпости), и еще съ другими. Но и я не былъ революціонеромъ. Познакомился

*) 1880 Гольденбергъ повѣсился въ Петропавловской крѣпости.

я также съ двумя сосѣдями по камерѣ. Они попались въ одномъ и томъ же дѣлѣ съ польскими прокламаціями и судились за попытку освободиться отъ конвоя, когда ихъ вели на желѣзную дорогу. Одинъ былъ полякъ Лозинскій, другой—еврей, Розовскій—фамилія. Да. Розовскій этотъ былъ совсѣмъ мальчикъ. Онъ говорилъ что ему семнадцать, но на видъ ему было лѣтъ пятнадцать, худенькій, маленькій, съ блестящими черными глазами, живой и, какъ всѣ евреи, очень музыкаленъ. Голосъ у него еще ломался, но онъ прекрасно пѣлъ. Да. При мнѣ ихъ обоихъ водили на судъ. Утромъ отвели. Вечеромъ они вернулись и разсказали, что ихъ присудили къ смертной казни. Никто этого не ожидалъ. Такъ неважно было ихъ дѣло,— они только попытались отбиться отъ конвоя и никого не ранили даже. И потомъ, такъ неестественно, чтобы можно было такого ребенка, какъ Розовскій, казнить. И мы всѣ въ тюрьмѣ рѣшили, что это только чтобы напугать, и что приговоръ не будетъ конфирмованъ. Поволновались сначала, а потомъ успокоились, и жизнь пошла по старому. Да. Только разъ вечеромъ подходитъ къ моей двери сторожъ и таинственно сообща-

етъ, что пришли плотники, ставятъ висѣлицу; я сначала не понялъ,—что такое? какая висѣлица? Но сторожъ, старикъ былъ такъ взволнованъ, что взглянувъ на него, я понялъ, что это для нашихъ двухъ. Я хотѣлъ постучать, переговориться съ товарищами, но боялся, какъ бы тѣ не услышали. Товарищи тоже молчали. Очевидно всѣ знали.

Въ корридорѣ и камерахъ весь вечеръ была мертвая тишина. Мы не перестукивались и не пѣли. Часовъ въ десять опять подошелъ ко мнѣ сторожъ и объявилъ, что палача привезли изъ Москвы. Сказалъ и отошелъ. Я сталъ его звать, чтобы вернулся. Вдругъ слышу, Розовскій изъ своей камеры черезъ коридоръ кричитъ мнѣ: «Что вы? зачѣмъ вы его зовете?» Я сказалъ что-то, что онъ табакъ мнѣ приносилъ, но онъ точно догадывался и сталъ спрашивать меня: отчего мы не пѣли? отчего не перестукивались? Не помню, что я сказалъ ему, и поскорѣе отошелъ, чтобы не говорить съ нимъ. Да. Ужасная была ночь.

Всю ночь прислушивался ко всѣмъ звукамъ.

Вдругъ къ утру, слышу,—отворяютъ двери корридора и идутъ кто-то, много; я сталъ у окошечка. Въ корридорѣ горѣла лампа. Первый прошелъ смотритель. Толстый былъ, казалось, самоувѣренный, рѣшительный человѣкъ. На немъ лица не было: блѣдный, понурый, точно испуганный. За нимъ помощникъ—нахмуренный, съ рѣшительнымъ видомъ; сзади караулъ. Прошли мимо моей двери и остановились передъ камерой, рядомъ. И слышу—помощникъ какимъ-то страннымъ голосомъ кричитъ: «Лозинскій, вставайте, надѣвайте чистое бѣлье». Да. потомъ слышу, завизжала дверь, они прошли къ нему, потомъ слышу шаги Лозинскаго: онъ пошелъ въ противополужную сторону корридора. Мнѣ видно было только смотрителя. Стоитъ блѣдный и разстегиваетъ и застегиваетъ пуговицу и пожимаетъ плечами. Да. Вдругъ точно испугался чего,—посторонился. Это Лозинскій прошелъ мимо него и подошелъ къ моей двери. Красивый былъ

юноша; знаете такого хорошаго польскаго типа: широкій, прямой лобъ съ шапкой бѣлокурыхъ вьющихся, тонкихъ волосъ и прекрасные голубые глаза. Такой цвѣтущій, сочный, здоровый былъ юноша. Онъ остановился и передъ моимъ окошечкомъ, такъ что мнѣ видно было все его лицо.

Страшное, осунувшееся, сѣрое лицо.— «Крыльцовъ, папиросы есть?» Я хотѣлъ подать ему, но помощникъ, какъ будто боясь опоздать, выхватилъ свой портсигаръ и подалъ ему. Онъ взялъ одну папиросу, помощникъ зажегъ ему спичку. Онъ сталъ курить и какъ-будто задумался. Потомъ точно вспомнилъ что-то и началъ говорить:

«И жестоко и несправедливо. Я никакого преступленія не сдѣлалъ. Я...»—въ бѣлой молодой шеѣ его, отъ которой я не могъ оторвать глазъ, что-то задрожало, и онъ остановился. Да. Въ это время слышу, Розовскій изъ корридора кричитъ что-то своимъ тонкимъ еврейскимъ голосомъ. Лозинскій

бросилъ окурекъ и отошелъ отъ двери и въ окошечкѣ появился Розовскій. Дѣтское лицо его, съ влажными черными глазами было красно и потно. На немъ было тоже чистое бѣлье и штаны были слишкомъ широки и онъ все педтягивалъ ихъ обѣими руками и весь дрожалъ. Онъ приблизилъ свое жалкое лицо къ моему окошечку: «Анатолій Петровичъ, вѣдь правда, что докторъ прописалъ мнѣ грудной чай? я нездоровъ, я выпью еще грудного чая». Никто не отвѣчалъ, и онъ вопросительно смотрѣлъ то на меня, то на смотрителя. Что онъ хотѣлъ этимъ сказать, я такъ и не понялъ. Да. Вдругъ помощникъ сдѣлалъ строгое лицо и опять какимъ-то визгливымъ голосомъ закричалъ: «Что за шутки? идемъ». Розовскій очевидно не въ силахъ былъ понять того, что его ожидало, и, какъ будто торопясь, пошелъ, почти побѣжалъ впереди всѣхъ по корридору. Но потомъ онъ уперся,—я слышалъ его пронзительный голосъ и плачъ. Началась возня, топотъ ногъ. Онъ пронзительно визжалъ и плакалъ. Потомъ дальше и дальше,—завизжала дверь корридора, и все затихло... Да. Такъ и повѣсили. Веревками задушили обоихъ. Сторожъ другой видѣлъ и разсказы-

валъ мнѣ, что Лозинскій не противился, но Розовскій долго бился, такъ что его втащили на эшафотъ и силой вложили ему голову въ петлю. Да. Сторожъ этотъ былъ глуповатый малый. «Мнѣ говорили, баринъ, что страшно. Какъ повисли они,—только два раза такъ плечами»,—онъ показалъ, какъ судорожно поднялись и опустились плечи.—«Потомъ палачъ дернулъ, чтобы, значитъ, петли затянулись получше и шабашъ, и не дрогнули больше». Ничего не страшно,—повторилъ Крыльцовъ слова сторожа и хотѣлъ улыбнуться, но вмѣсто улыбки разрыдался.

Долго послѣ этого онъ молчалъ, тяжело дыша и глоталъ подступавшія къ его горлу рыданія.

«Съ тѣхъ поръ я и сдѣлался революціонеромъ. Да»,—сказалъ онъ успокоившись и вкратцѣ досказалъ свою исторію.

Онъ принадлежалъ къ партіи народовольцевъ и былъ даже главою дезорганизаціонной группы, имѣвшей цѣлью принудить правительство само отказаться отъ власти и призвать къ ней народъ. Съ этой цѣлью онъ ѣздилъ то въ Петербургъ, то за-границу, то въ Кіевъ, то въ Одессу и вездѣ имѣлъ успѣхъ. Человѣкъ, на котораго онъ вполнѣ полагался, выдалъ его. Его арестовали, судили, продержали два года въ тюрьмѣ и приговорили къ смертной казни, замѣнивъ ее безсрочной каторгой.

Въ тюрьмѣ у него началась чахотка и теперь въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ находился, ему очевидно, осталось едва нѣсколько мѣсяцевъ жизни, и онъ зналъ это и не раскаивался въ томъ, что онъ дѣлалъ, а говорилъ, что если бы у него была другая жизнь, онъ ее употребилъ бы на то же самое,—на разрушеніе того порядка вещей, при которомъ возможно было то, что онъ видѣлъ.

ВРАЖЬЕ ЛѢПКО, А БОЖЬЕ КРѢПКО.

Разсказъ Л. Н. Толстого

Жилъ въ старинныя времена добрый хозяинъ. Всего у него было много, и много рабовъ служило ему. И рабы хвалились господиномъ своимъ. Они говорили: «Нѣтъ подъ небомъ господина лучше вашего. Онъ насъ и кормитъ, и одѣваетъ хорошо, и работу даетъ по силамъ, никого словомъ не оскорбитъ и ни на кого зла не держитъ, не такъ, какъ другіе господа своихъ рабовъ хуже скотовъ мучаютъ и за вину и безъ вины казнятъ и добраго слова не скажутъ. Нашъ —намъ добра хочетъ и добро дѣлаетъ и доброе говоритъ намъ. Намъ лучшаго житья не нужно».

Такъ хвалились рабы господиномъ своимъ. И вотъ досадно стало дьяволу, что живутъ хорошо и по любви рабы съ господиномъ своимъ. И завладѣлъ дьяволъ однимъ изъ рабовъ господина этого, Алебомъ. Завладѣвъ имъ, велѣлъ ему соблазнять другихъ рабовъ. И когда отдыхали всѣ рабы и хвалили господина своего, поднялъ голосъ Алебъ и сказалъ: «Напрасно хвалитесь вы, братцы, добротою господина нашего. Начни угождать дьяволу, и дьяволъ добрый станетъ. Мы нашему господину хорошо слу-

жимъ, во всемъ угождаемъ. Только задумаетъ онъ что, мы то и дѣлаемъ, мысли его угадываемъ. Какъ же ему съ нами добрымъ не быть? А перестаньте-ка угождать, да сдѣлайте ему худо, и онъ такой же, какъ и всѣ, будетъ и за зло отплатитъ зломъ хуже, чѣмъ самые злые господа». И стали другіе рабы спорить съ Алебомъ. И спорили и побились объ закладъ Взялся Алебъ разсердить добраго господина. Взялся съ тѣмъ уговоромъ, что если онъ не разсердитъ, то лишается своей праздничной одежды, а если разсердитъ, то обѣщали ему каждый отдать свою праздничную одежду, и, кромѣ того, обѣщались защитить его отъ господина, если закуютъ его въ желѣзо, или въ темницу посадятъ, то выпустить его. Побились объ закладъ, и на другое утро обѣщалъ Алебъ разсердить хозяина.

Служилъ Алебъ у хозяина въ овчарнѣ, ходилъ за племенными дорогими баранами. И вотъ, на утро, когда пришелъ добрый господинъ съ гостями въ овчарню и сталъ имъ показывать своихъ любимыхъ дорогихъ барановъ, мигнулъ дьяволовъ работникъ товарищамъ: смотрите, сейчасъ разсержу хозяина. Собрались всѣ рабы, смотрятъ въ двери и черезъ ограду, а дьяволъ влѣзъ на дерево

и смотритъ оттуда во дворъ, какъ будетъ ему служить его работникъ. Походилъ хозяинъ по двору, показалъ гостямъ овецъ и ягнятъ, и захотѣлъ показать лучшаго своего барана. «Хороши, говоритъ, и другіе бараны, а вонъ тотъ, что съ крутыми рогами, тому цѣны нѣтъ, онъ для меня глаза дороже». Шарахаются отъ народа по двору овцы и бараны, и не могутъ разсмотрѣть гости дорогого барана. Только остановится этотъ баранъ, такъ дьяволовъ работникъ, какъ будто ненарокомъ, пугнетъ овецъ и опять всѣ смѣшаются. Не могутъ разобрать гости, который безцѣнный баранъ. Вотъ, наскучило это хозяину. Онъ и говоритъ: «Алебъ другъ любезный, потрудись ты, поймай осторожно лучшаго барана съ крутыми рогами и подержи его». И только сказалъ это хозяинъ, бросился Алебъ, какъ левъ, въ середину барановъ и ухватилъ безцѣннаго барана за волну. Ухватилъ за волну и тотчасъ перехватилъ одной рукой за заднюю лѣвую ногу, поднялъ ее, и, прямо на глазахъ хозяина, рванулъ ногу кверху, и хрустнула она какъ лутошка. Сломалъ Алебъ дорогому барану ногу ниже колѣна. Заблеялъ баранъ и упалъ на переднія колѣна. Перехватилъ Алебъ за правую ногу, а лѣвая вывернулась и повисла какъ

плеть. Ахнули и гости и рабы всѣ, и зарадовался дьяволъ, когда увидѣлъ, какъ умно сдѣлалъ свое дѣло Алебъ Сталъ чернѣе ночи хозяинъ, нахмурился, опустилъ голову и не сказалъ ни слова. Молчали и гости и рабы... Ждали, что будетъ. Помолчалъ хозяинъ, потомъ отряхнулся, какъ будто съ себя скинуть что хочетъ, и поднялъ голову и уставилъ глаза на небо. Недолго смотрѣлъ онъ и морщины разошлись на лицѣ, и онъ улыбнулся и опустилъ глаза на Алеба. Онъ поглядѣлъ на Алеба, улыбнулся и сказалъ: «о, Алебъ, Алебъ! твой хозяинъ велѣлъ тебѣ меня разсердить. Да мой хозяинъ сильнѣе твоего: и ты не разсердилъ меня, а разсержу же я твоего хозяина. Ты боялся, что я накажу тебя, и ты хотѣлъ быть вольнымъ, Алебъ; такъ знай же, что не будетъ тебѣ отъ меня наказанія, а хотѣлъ ты быть вольнымъ, такъ вотъ при гостяхъ моихъ отпускаю тебя на волю. Ступай на всѣ четыре стороны и возьми свою праздничную одежду.

И пошелъ добрый господинъ съ гостями своими домой. А дьяволъ заскрежеталъ зубами, свалился съ дерева и провалился сквозь землю.

Книгоиздательство ОТТО КИРХНЕРЪ и Ко.

СЕРГѢИ ГОРНЫЙ

ПУГАЧЕВЪ или ПЕТРЪ?

(Душа народа)

ПСИХОЛОГИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ

Издательство ОТТО КИРХНЕРЪ и Ко.
Berlin W 35 : : : Genthiner Str. 19
1 9 2 2

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Пугачевъ или Петръ?

...Пугачевъ незадолго до взятія имъ помощью яицкихъ казаковъ Оренбурга жаловался приближеннымъ: «Улица моя тѣсна»... Мало казалось срубленныхъ головъ, полныхъ тѣлами овраговъ, темныхъ силуэтовъ висѣлицъ, строившихся быстрыми привычными руками. Хотѣлось разгуляться широкою, буйною улицей. Чинить судъ и расправу не въ креслѣ предъ избой, — съ булавою и серебрянымъ топоромъ, а пройтись «государемъ Петромъ Феодоровичемъ» ураганомъ, со свистомъ и топотомъ, съ забубеннымъ гиканьемъ по всей Руси. Это было начало разрушительное, стихійный бунть кочевой, анархической, бродяжнической крови. То ирраціональное начало нашего духа («раззудись плечо, размахнись рука»), что прошло чрезъ всю нашу исторію. Начало распыляющее, сметающее, дикое, раздольное, какъ степи, какъ ковыль, какъ заунывныя пѣсни наши, смѣняемыя дикою, шаманскою дробною пляской. Это было начало центробѣжное.

Но были вѣдь на Руси, проступали, словно костякъ, словно позвоночникъ въ эмбріонѣ — начала строительства, начала государственности?

«Природой здѣсь намъ суждено
«Въ Европу прорубить окно».

И кто то новый, словно чужой для Россіи, писалъ Шереметеву приказъ заложить шесть ладожскихъ фрегатовъ «понеже зѣло нужны и тамъ нѣкоторыя суда». И кто то новый и какъ бы вовсе чуждый народу назначалъ «Беринга капитана для открытія пути въ Восточную Индію черезъ океанъ Ледовитый». И кто то странный и рѣшительный приказывалъ «всѣмъ русскимъ подданнымъ, кромѣ крестьянъ и духовныхъ, брить бороду и носить платье нѣмецкое: сперва венгерское, а потомъ мужескому полу верхнее саксонское . . . Съ ослушныхъ брать пеню въ воротахъ московскихъ улицъ съ пѣшихъ 40 к., съ конныхъ 2 р.».

Вѣдь, было это только двѣсти лѣтъ тому назадъ...

«Ногою твердой стать при морѣ:
«Сюда по новымъ имъ волнамъ
«Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ» . . .

Это было начало творческое, собирательное, органически-жизненное, почти (какъ природа, какъ необходимость) жестокое, принудительное и гордое. Могучее, твердое въ своемъ творчествѣ даже въ мелочахъ, даже въ техникѣ жизни («а юфть дѣлать отнынѣ не съ дегтемъ, а съ ворваннымъ саломъ. Ослушникамъ же галеры» «. . . а лѣкаря, уморившаго больного, смертію казнить . . .»).

Новое пробивалось, словно продиралось съ трудомъ. Точно черезъ заросли, сквозь чащу, цѣпкія, спутанныя, сросшіяся вѣтви сумеречнаго народнаго лѣса

шелъ звонкій, веселый и споркій саардамскій топоръ Кому больно сдѣлаетъ, а гдѣ и путь расчиститъ...

*
* *

...Когда Пугачева привели къ графу Панину, онъ спросилъ его: «Какъ же ты, Емелька воръ, смѣлъ государемъ называться»? Пугачевъ отвѣтилъ: «Я не воръ и не воронъ, я — только вороненокъ. А воронъ еще прилетитъ».

Это было въ 1775-мъ. А теперь? Не онъ-ли, не настоящій ли воронъ со зловѣщимъ карканьемъ летаетъ надъ Русью? Лохматыя крылья вѣютъ позоромъ и ужасомъ, смятеньемъ и болью. Прилетѣлъ онъ, зловѣщій, и каркаетъ злобно, протяжно и торжествующе.

Съ кѣмъ же Русь: съ Петромъ или Пугачевымъ?

*
* *

Если смотрѣть въ микроскопъ, на протоплазму, — видно, какъ въ ней сгущается центральное ядро. Вокругъ по освѣщенному полю микроскопа бѣгаетъ, дрожитъ, переливается студенистая («анархическая») масса. А въ центрѣ густѣетъ, твердѣетъ, чеканится стерженекъ, ядро. Это какъ бы позднѣйшій позвоночникъ дальнѣйшихъ, болѣе организованныхъ особей. Это органическій процессъ природы. Неотвратимый, естественный, неизбѣжный, какъ законы жизни.

Петръ — костякъ нашей исторіи, становой хребетъ, позвоночникъ. Сломать его, значитъ превратить Русь въ студень, въ аморфную, киселеобразную массу, въ трясущееся желэ, въ протоплазму.

Петръ — это ростъ Россіи, ея мужество, зрѣлость. Пугачевъ — это бродило, ферментъ, стихійныя, слѣпыя силы. Это наше прошлое вольныхъ, степныхъ становій. Это игра стихійныхъ силъ, могущая ужалить больно и слѣпо, какъ молнія. Петръ — такая же молнія, но въ видѣ электрическаго разряда, динамомашины.

Въ Пугачевѣ нѣтъ силы сцѣпленія: это безсмысленные вихри и смерчи стихій. Въ Петрѣ — таинственный процессъ кристаллизаціи жизни, уплотненія тканей. Видно, какъ въ мелочахъ, атомъ за атомомъ складывался въ твердое, костяное тѣло рыхлый матеріалъ, который надо было штрафовать на 40 к., «а ежели конный ослушникъ 2 р.». «Продажу меда и масла въ церквахъ весьма пресѣчь. Въ мужскихъ монастыряхъ учредить гошпитали, также училища цифири и геометріи. Предъ иконами, внѣ церкви стоящими, свѣщевозженіе весьма возбранить. Часовни ломать. Чудесъ не вымышлять. Мощей не являть. Нищихъ брать за караулъ и бить батожьемъ нещадно и ссылать на каторгу, чтобъ хлѣбъ не даромъ ѣли» . . .

Видно, словно подъ микроскопомъ, какъ сцѣпляются смѣшныя, маленькія, но въ сплавленномъ, сросшемся видѣ костенѣющія — молекулы творчества. Петръ — творческое уплотненіе народнаго духа. Пугачевъ — вѣтеръ, смерчъ. Петръ— организмъ, стягивающійся къ позвоночнику, крѣпнущій. Пугачевъ — расползаніе организма, раствореніе его въ стихіи, смерть цѣлаго и распыленіе.

По линіямъ внутренняго, гражданскаго фронта мечется онъ сейчасъ, разрывая Русь и расползаясь самъ.

Почему же до сихъ поръ ему еще не показалось, что «грознаго царя . . . .

. . . Мгновенно взоромъ возгоря
Лицо тихонько обращалось.
И, озаренъ луною блѣдной,
Простерши руку въ вышинѣ,
За нимъ несется Всадникъ Мѣдный
На звонко скачущемъ конѣ» . . .

Вѣдь самымъ развѣнчаннымъ униженнымъ и обезцѣненнымъ является сейчасъ именно Петръ. Хруститъ позвоночникъ страны, ломаются скрѣпы. Рвутся двѣсти лѣтъ нашей жизни. Вѣдь дѣло не въ заплеванномъ Петрѣ, но въ неслыханномъ сказочномъ само-кощунствѣ. Петръ, вѣдь, это мы сами. Проэкція нашего порыва въ жизни, въ исторіи. Петра даже нѣтъ. Это просто нашъ инстинктъ жизни, наша «живая вода», біеніе духа, пульсъ бытія.

Грузъ войны оказался не подъ силу еще не окрѣпшему государственному костяку. Швы расползлись. Вѣдь, на юный, еще не затвердѣвшій позвоночникъ нельзя надѣяться, нельзя взваливать большой грузъ. Не выдержитъ, искривится. А то и вовсе рухнетъ.

О, Русь! Забудь былую славу
. . . и дѣтямъ на забаву
Даны клочки твоихъ знаменъ.

Гибнетъ начало Петра, начало собирательное, цементовавшее Русь цѣпкими крючьями, словно «на абордажъ» подтянувшее ее къ Европѣ. Теперь канаты «отданы» и . . . безъ руля и безъ вѣтрилъ «колоніальная» страна оторвалась отъ пристани.

* * *

Петръ и Пугачевъ — двѣ стороны русскаго духа, противоположныя, но, — пускай не покажется страннымъ, — мистически родственныя. Нашедшій свой стержень Пугачевъ — это и есть Петръ. Вѣдь въ жестокости («кнуты, батожье и галеры», «а на машкерадъ всѣмъ являться подъ жестокимъ штрафомъ»), въ упорствѣ и настойчивости—оба равны.У обоихъ сила. Одна организующая, другая распыляющая. У одной плюсъ, у другой минусъ. Но цифры тѣже. Пугачевъ 1775-го года былъ — силой. Пугачевъ 1918—1922-го — тоже.

Прежнему Пугачеву противопоставили силу. А нынѣшнему? Разумѣется, между ними — обоими Пугачевыми — громадная разница и въ качествѣ, и въ количествѣ, и въ исторической перспективѣ. Но по внутренней мистической сути народной души оба они братья. И если въ Петровской Руси была сила и принужденіе, взятыя изъ тѣхъ же пугачевскихъ элементовъ русской души — былъ окрикъ, была власть, была боль, боязнь за позвоночникъ тѣла, которому грозила расхлябанность, то нынѣшнему Пугачеву—силы, мощи, генія, и упорства противопоставлено не было. Петра съѣлъ русскій интеллигентъ. Меньшевикъ, оборонецъ, эсеръ, — раздробившій становой хребетъ тѣла на позвонки, онъ съѣлъ его костоѣдомъ, каріозомъ, гангреной. На силу онъ отвѣчалъ боязнью: «какъ бы только не примѣнить насилія». Слабый, хилый, выросшій за библіотечною полкой, въ пыли брошюръ, близорукій, хотя и до конца честный — онъ по трагическому року страны

оказался хранителемъ началъ Петра на Руси, часовымъ.

Что-же онъ сдѣлалъ? Онъ выдалъ его головой Пугачеву.

Затормошенный спорами, секціями и фракціями, съѣздами, совѣщаніями и партійными голосованіями, поправками, резолюціями, блоками и лозунгами — онъ проморгалъ нароставшую силу.

Если хотите, Петръ и Пугачевъ въ ихъ мистической сути близки другъ другу. Оба русскихъ начала — центробѣжное и центростремительное. Оставить ихъ наединѣ, они бы пришли къ единоборству. И, разумѣется побѣдилъ-бы инстинктъ жизни, собиранія, стремленія къ стержню, къ центру, — а не инстинктъ стихій и распыленія. Но ужасъ въ томъ, что въ тѣ мѣсяцы, когда въ народной душѣ долженъ былъ идти споръ между началомъ темнымъ и стихійнымъ, усталости и безразличія и между мудрымъ инстинктомъ жизни, въ это самое время пришелъ русскій интеллигентъ и исказилъ эту ясную, чистую борьбу. Онъ опуталъ душу паутиною словъ, цѣпкою, липкою, тяжкою. Онъ затуманилъ мозгъ словами о догмахъ, лозунгахъ, партіяхъ, непротивленіи, абсолютной свободѣ, абсолютномъ воздержаніи отъ вмѣшательства въ борьбу, о доктринахъ, всесвѣтномъ братствѣ и поправкахъ къ голосованію. Гулливера опутали лилипуты тонкими нитями и онъ не могъ шевельнуться. Петръ въ народной душѣ (а онъ тамъ есть, ибо и Петръ, и Пугачевъ родныя дѣтища, созданія народа) былъ опутанъ, обезсиленъ, подавленъ. Книжниками, безсильными, хотя и честными, хотя и готовыми на всякое самопожертвованіе, фантастами, им-

потентами въ борьбѣ и борцами на кафедрахъ — ему, Петру, были подрѣзаны сухожилія.

Когда не стало элемента государственности, то въ той-же самой душѣ проснулся инстинктъ стихійности.

Развѣ она виновата? У насъ легко отдѣлываются кличками. Всплескиваютъ руками и винятъ во всемъ «большевиковъ». Если-бы не они, молъ, то у насъ былъ-бы Элизіумъ и райскія кущи. Народолюбцы, нынѣ на своихъ-же столбцахъ, ругающіе народъ, — ругающіе его злобно и мстительно, какъ только можетъ ругать обойденный, — направляютъ свои парфянскія стрѣлы не по адресу. Въ народѣ проснулся инстинктъ, подняла голову рыкающая стихія, подняла и обнажила пасть. Это вѣрно. Нѣтъ спору. Но вы-то, что раньше дѣлали, чтобы помочь этому народу пробудить въ себѣ Ормузда, пока Ариманъ, богъ зла, спалъ? Вѣдь годы тяжкой и крестной работы, подвижнической военной тяготы продѣлалъ этотъ народъ. Значитъ, есть, вѣдь, у него подвигъ терпѣнія. Не одинъ слѣпой инстинктъ въ душѣ. Но мало того. У него, именно у народа, — есть и свой Петръ въ душѣ, а не одинъ только Пугачевъ. Кто помогалъ выявленію Петра? А кто вызывалъ Пугачева? Отзовитесь!

Одинъ изъ бывшихъ министровъ Керенскаго періода назвалъ въ какой-то ликвидирующей прошлое брошюрѣ — большевизмъ движеніемъ «головотяповъ». Нѣтъ. Это движеніе несчастныхъ, затормошенныхъ людей. Людей, брошенныхъ отъ тисковъ прежняго порядка къ паутинѣ самовлюбленныхъ, мудрящихъ и фарисействующихъ книжниковъ. Они прожужжали ему

уши поправками къ поправкамъ, затюкали фронтовыми съѣздами, секціями, мандатами, комиссіями и десятимѣсячной истерической болтливостью; вели его не къ великому, а къ малому, къ мелкому, къ своимъ самолюбьицамъ, къ догмамъ, къ лозунгамъ и къ брошюрной, органически чуждой народу, мудрости.

Петръ — солнце народа. Его свѣточъ. Его скинія. Пугачевъ — мракъ, сонъ, хмара души. Петръ плюсъ. Пугачевъ минусъ. А у васъ, какой у васъ знакъ души? Ноль?

Оставь вы русскую душу наединѣ съ собою, вы-бы увидѣли величайшую побѣду. Но вы боялись арміи, ибо прочитали, что она бываетъ оплотомъ контръ-революціи, и оплели ее липкою, вязкой и клейкой интеллигентской паутиной. Вы боялись крестьянъ, ибо тоже прочли, что мелко-буржуазный собственникъ бываетъ опорой ревстараціи, и вы напустили въ деревни такого туману и чаду отъ вашихъ поправокъ къ поправкамъ, что тамъ стало вовсе темно и зловѣще. И послѣ этого вы, убійцы Петра, говорите о «головотяпахъ». Исторія выбросила васъ, какъ шелуху, какъ мякоть. Половинчатыхъ, книжныхъ, дряблыхъ и оглядывающихся ей не нужно.

Народъ, давшій Петра, далъ и Пугачева. Пускай сейчасъ онъ опять далъ Пугачева. Это больно, кошмарно, ужасно, (и виновниковъ убіенія Петра мы знаемъ), но это такъ. Но онъ-же когда либо, — пускай это увидятъ наши внуки, — дастъ опять Петра. Онъ родитъ силу.

И лишь заклейменные забытые никчемные уйдутъ въ Лету, въ небытіе, фарисеи и книжники, не умѣвшіе ни до конца любить, ни до конца ненавидѣть, оглядывавшіеся на свои брошюры и голосовавшіе свои поправки къ поправкамъ. Уйдутъ короѣды интеллигентской мысли, доктринеры и буквоѣды, уйдутъ вмѣстѣ со своими догмами, брошюрами, самолюбьицами и заявленіями къ порядку голосованія. Уйдутъ, ибо неумолимый ходъ машины требуетъ ясности, четкости и силы: либо плюсъ, либо минусъ.

*
* *

Съ момента революціи могъ начать бороться въ русской душѣ Петръ съ Пугачевымъ. Но между ногъ вертѣлся хлибкій, тщедушный книжникъ и интеллигентъ съ интернаціоналомъ подъ мышкой и съ поправкой къ голосованію на неподвязанномъ языкѣ.

Рухнулъ Петръ. Тяжкую, неизбывную драму изживаетъ сейчасъ страна — наша мать, наша родина. Одурманенный, усталый и темный ея-же сынъ насилуетъ ее. «Нѣтъ повѣсти горшей на свѣтѣ». Обнажимъ голову. Одинъ изъ періодовъ нашей исторіи почилъ въ крови, въ слезахъ, стыдѣ однихъ и мелкой, ничтожной слѣпотѣ другихъ.

Пройдутъ года, скорѣй десятилѣтія, и Петръ съ Пугачевымъ снова сцѣпятся въ народной душѣ. Разумѣется, побѣдитъ жизнь, воля къ бытію, а не распыленіе.

И борьба великановъ будетъ легка.

Ибо между ногъ не будетъ вертѣться тщедушный лилипутъ съ интернаціоналомъ подъ мышкой и поправкой къ третьему голосованію на натруженномъ языкѣ.

„Трубные клики татаръ“.

У англичанъ есть прекрасное выраженіе:

Shadows of the future.

Тѣни будущаго.

Это тѣ тѣни, что отбрасываются назадъ грядущими, еще не наступившими, но, какъ грозовая туча вдали, трепетно предвосхищаемыми событіями. Ихъ еще нѣтъ. Они еще не наступили. Но воздухъ дѣлается странно жуткимъ и свинцовымъ, что-то спираетъ грудь и, хоть тутъ-же на зеленой полянѣ еще теплѣетъ, облитый солнцемъ, изумрудъ травы, но по полю чуется, вотъ-вотъ сейчасъ, безформеннымъ, угрюмымъ, лохматымъ пятномъ ляжетъ, словно распластанное чудовище, тѣнь отъ набѣгающей тучи и выкраситъ солнечный изумрудъ въ тусклый и мертвый свинецъ. Тучи еще нѣтъ. Но тѣнь ея чуется. Тѣнь будущаго.

И нервные люди маются въ эти часы: — «Что-то не въ моготу. Какъ передъ грозой». Лохматая тѣнь, пятно будущаго, shadow of the future —- уже легло на нихъ. И чуткіе барометры духа, провидцы, поэты, странною, изощренною, трепетно воспріимчивою душою ловятъ, предвосхищаютъ эти грозныя пятна, этихъ

лохматыхъ чудовищъ, медленной обрекающею тучей, встающихъ на нашемъ горизонтѣ.

У одного изъ наиболѣе изощренныхъ, запечатлѣнныхъ ясновидящей чуткостью провидцевъ — Александра Блока, есть гдѣ-то мелкимъ шрифтомъ въ «Снѣжной ночи» примѣчаніе, пояснительный комментарій къ странному, грустно-напѣвному и какому-то сумрачному стихотворенію «На полѣ Куликовомъ». «Оркестровка» этого стихотворенія, какая-то глухая тоска и какое-то бьющееся, но такъ и не разрѣшившееся въ стихотвореніи, предвидѣніе, предчувствіе, словно страхъ — не совсѣмъ обычны даже для мистика Блока. Чувствуется особый ужасъ, напряженная, чего то ищущая, но такъ и ненашедшая боль.

И въ короткой строкѣ комментарія онъ роняетъ странное, категорическое, утверждающее пророчество: «Куликовская битва это символическое событіе русской исторіи. Такимъ событіямъ суждено возвращеніе. Разгадка ихъ еще впереди». И больше ничего.

Вы знаете, когда ясновидящій, или нервно изощренный, въ экстатическомъ порывѣ, напряженіи воли — что-то прозрѣвшій — чувствуетъ, онъ чувствуетъ это коротко, остро и просто. Онъ не сомнѣвается, не колеблется, не водитъ самого себя вокругъ да около,— онъ просто знаетъ, безошибочно чувствуетъ. И все.

Въ этомъ странномъ, короткомъ, словно ударъ, словно нервный лучъ или шокъ, комментаріи—тотъ-же характеръ простоты, маніакальной увѣренности. Онъ

знаетъ, зналъ еще давно, когда обронилъ эти строки, что «такимъ событіямъ суждено повторяться». Чуялъ ихъ shadow of the future. Ощущалъ наползавшую, холодную тѣнь грозового облака, еще не затемнившаго горизонтъ, но предвидѣніемъ уже остудившаго его сердце. Такъ передъ близкой грозой клубится пыль по шоссе. Наклоняясь, трепещетъ листва. И въ воздухѣ, чуть спертомъ, грозовомъ воздухѣ предощущеніе рокового, нависшаго. Это значитъ, что на душу уже легла «тѣнь будущаго». Онъ чуялъ, что Куликово поле — татарскія сѣчи — «символъ русской исторіи».

Это символъ, страшный символъ, обрекающій и безпощадный. Неумолимый, какъ приговоръ, ибо онъ у насъ въ крови.

Почему именно Куликово?

Поэтъ спѣшитъ самъ отвѣтить:

«О, Русь, моя... До боли
«Намъ ясенъ долгій путь
«Нашъ путь — стрѣлой татарской древней воли
«Пронзилъ намъ грудь».

Какъ святой Себастіанъ, пронзенный стрѣлами (вспомнимъ прекраснаго Себастьяна кисти Рибейры), мы ходимъ съ этой стрѣлой, этимъ проклятіемъ въ груди.

Скажите, развѣ во всемъ происходящемъ нѣтъ отдаленнаго отголоска, раската, какъ эхо, какъ прокатившійся вдали громъ, «татарской злой неволи»? Не была-ли битва подъ Непрядвой пароксизмомъ, спаз-

мой, рефлексомъ освобожденія отъ внѣшняго татарскаго ига?

Дмитрій разбилъ Мамая. — Разбили-ли мы, однако, Мамая въ душѣ? Не вошли ли эти широкія скулы, эти раскосые глаза — въ нашу исторію, не оказался-ли побѣжденный на Куликовомъ полѣ — побѣдителемъ въ нашей исторіи?

Въ «Привидѣніяхъ» Ибсена — помните? — страшный наслѣдственный ядъ незамѣтно, гибельно и неотвратимо подкрадывается къ обреченному. Уже прогрессивный параличъ въ его мозгу, «дурная кровь» бѣжитъ въ артеріяхъ. Онъ тихо гладитъ мягкую портьеру, глядя на закатъ и безсмысленная, полублаженная улыбка освѣщаетъ его ротъ... Наслѣдственность...

А у насъ?

Нѣтъ ли, дѣйствительно, въ кровяныхъ шарикахъ проклятаго наслѣдства долгихъ ханскихъ столѣтій? «Продуло»-ли насъ достаточно изъ окна, однимъ махомъ прорубленнаго вѣнчаннымъ плотникомъ? Вѣдь окно было пріоткрыто (нельзя сказать «распахнуто») всего двѣ сотни лѣтъ. А что значитъ это мгновенье въ исторіи? Помните Тургеневскіе Юнгфрау и Финстераргорнъ въ его «стихотвореніяхъ въ прозѣ»? Обмѣняются обѣ горы репликами, а, смотришь, и вѣкъ прошелъ. Для историческихъ кряжей — два столѣтія лишь борозда времени, даже не межа.

«Я слушаю рокоты сѣчи
«И трубные клики татаръ.
«Я вижу надъ Русью далече
«Широкій и тихій пожаръ.

Вотъ это зловѣщее полымя, быть можетъ, у насъ въ крови. Рдяною полосою освѣщаетъ оно, словно вѣчный закатъ, снѣга Руси. Не переставая, еще съ Пугачева, горятъ разбросанныя помѣстья. Въ тихой— и жуткой, кровавой зарѣ встаютъ города. Этотъ буйный разгулъ, словно степной клекотъ, точно гиканье кочевника, прижавшагося къ лукѣ своего коня — развѣ не слышны въ нынѣшнемъ разгулѣ, въ посвистѣ разгулявшейся Руси? Въ жесткомъ, азіатскомъ равнодушіи къ крови и вмѣстѣ съ тѣмъ въ тягѣ къ ней («на кровку потянуло» . . .), въ этихъ раздувающихся ноздряхъ, въ широколицыхъ сѣверянахъ и узкоглазыхъ волжанахъ — развѣ нѣтъ отблеска исторіи?

«Пусть ночь. Домчимся. Озаримъ кострами
«Степную даль.
«Въ степномъ дыму блеснетъ святое знамя
«И ханской сабли сталь.
«И вѣчный бой! Покой намъ только снится.
«Сквозь кровь и пыль,
«Летитъ, летитъ степная кобылица
«И мнетъ ковыль».

Какой неровный, взнузданный и вмѣстѣ съ тѣмъ вольготный бѣгъ нашей исторіи . . . По кочкамъ и рытвинамъ, по косогорамъ и балкамъ степи отъ Донского Куликова поля черезъ короткій, великодержавный «европейскій» сонъ, — снова къ Дону.

«Я не первый воинъ, не послѣдній
«Долго будетъ родина больна...»

говоритъ все тотъ-же провидецъ Блокъ.

«Мы самъ другъ надъ степью въ полночь стали:
«Не вернуться, не взглянуть назадъ.
«За Непрядвой лебеди кричали
«И опять, опять они кричатъ».

Какое внутреннее предвидѣніе, какой мистическій флюидъ нашепталъ Блоку его короткія, затерявшіяся гдѣ-то въ примѣчаніяхъ, петитомъ набранныя слова о символичности для Руси Куликова поля? Было то, дѣйствительно, предвидѣніе по образу прошлаго — подобія будущаго?

Трепетная, дрожащая тѣнь этого будущаго всегда висѣла надъ Русью, при Грозномъ-ли, при Биронѣ, при задушенномъ въ инженерномъ замкѣ Павлѣ Первомъ или при убіенномъ въ Екатеринбургѣ послѣднемъ царѣ. Это было ощущеніе чего-то неотвратимаго, неизбѣжнаго. Таково ощущеніе человѣка, чующаго въ крови бѣгъ наслѣдственнаго обрекающаго яда. Этимъ ядомъ была татарщина, степной захватъ, наслѣдіе ханскихъ столѣтій, разбавленная Золотой Ордой вялая славянская кровь. И подлинно: именно эти слагаемыя народнаго духа видимъ мы передъ собою: славянство Обломова и посвистъ Пугачева въ одномъ лицѣ.

Обломовъ съ доброй, благодарной и безвольной улыбкой принялъ даръ Революціи. Пугачевъ ее искромсалъ. И не осталось сейчасъ больше переходныхъ чертъ въ нашемъ характерѣ: или чистый Обломовъ, или голый Пугачевъ. Онъ, этотъ Пугачевъ, точно спазматическими толчками кидалъ поѣзда съ вооруженными людьми по зигзагамъ внутренняго фронта. Какіе зловѣщіе перебои, какая аритмія народнаго

пульса. Такъ пляшетъ кровь у степного наслѣдника, кочевого бродяжника, прильнувшаго къ лукѣ сѣдла и несущагося вскачь. Куда? Прочь отъ своей исторіи. Прочь отъ двухсотлѣтняго кочевья. Прочь, прочь...

«И вѣчный бой. Покой намъ только снится.
«Сквозь кровь и пыль,
«Летитъ, летитъ степная кобылица
«И мнетъ ковыль.
«И нѣтъ конца! Мелькаютъ версты, кручи
«Останови!
«Идутъ, идутъ испуганныя тучи
«Закатъ въ крови!
«Закатъ въ крови. Изъ сердца кровь струится.
«Плачь! сердце, плачь:
«Покоя нѣтъ! Степная кобылица
«Несется вскачь».

Развѣ можно «остановить»? Это въ крови. Иногда кажется, что вся Русь это сорвавшійся съ Европейскаго повода всадникъ на дикомъ, обезумѣвшемъ отъ свободы, отъ свистящаго по степи вѣтра, конѣ. Развѣвается ханскій халатъ, бьетъ по колѣнямъ нервно и отрывисто кривая сабля, хрипитъ степная кобылица и мчитъ насъ къ невѣдомому будущему. Отъ славянской обломовщины первыхъ дней Революціи, черезъ ея углубленія, черезъ непротивленіе, къ проснувшемуся, весело и радостно, ощутившему въ жилахъ буйную, вольную кровушку, Пугачеву.

«О, Русь моя! До боли
«Намъ ясенъ долгій путь.
«Нашъ путь—стрѣлой татарской древней воли

«Пронзилъ намъ грудь».

Но если Европа будетъ судить нашу раскинувшуюся и нынѣ въ спазмахъ и родовыхъ мукахъ корчащуюся Русь, то пусть эта Русь швырнетъ своимъ судьямъ на столъ — карту. Только всего. Простую, географическую карту. И кто знаетъ, что еще скажутъ «присяжные исторіи»?

Куда падали всѣ удары гунновъ, «что (по словамъ Брюсова) тучей нависли надъ міромъ?» Чья почва сотрясалась отъ этой чугунной поступи? Куда опрокидывался въ первую очередь Тамерланъ, Чингисханъ, Батый и «комбаттантъ» Куликова поля Мамай?

Россія была для Европы гигантской предохранительной подушкой, воспринимавшей удары Азіи, этой колыбели человѣчества. А дальше удары шли ослабѣвая и замирая, и къ Пиренеямъ и къ Аппенинамъ. Первая сила удара, разомъ ослабѣвавшаго, приходилась только на Россію. Изъ Азіи — шелъ горячій, творческій потокъ. И попавшаяся ему, какъ порогъ у печи, первою Россія обдавалась наибольшимъ жаромъ. Всю силу напора впитывала (именно впитывала) она въ себя и . . . заразилась.

Россія это — железа Европы. Вы знаете, та самая железа, которой физіологія поручаетъ первой впитывать въ себя всѣ токсины, всѣ яды организма. Татарщина — была ядомъ исторіи. И первою отъ нея распухла эта железа Европы. Она впитала въ себя, поглотила весь ядъ и Европа осталась нетронутой. Есть безконечно грустный, почти святой символъ въ томъ, что Россія сейчасъ бьется въ наслѣдственной падучей

пугачевщины, а незаразившіеся только благодаря этой предохранительной, широкой, поглощающей степи, европейцы, частью брезгливо, частью равнодушно смотрятъ на припадочную. Кое-кто снисходительно предлагаетъ покрыть ее бѣлой простыней: «Подождите. Авось отойдетъ».

«Нашъ путь степной, нашъ путь въ тоскѣ безбрежной,
«В ъ т в о е й т о с к ѣ, о Русь,
«И даже мглы ночной и зарубежной
«Я не боюсь».

Есть жуткая красота трагедіи въ гибели отъ внутренняго яда этого часового Европы, заразившагося на карантинѣ, на рубежѣ, гдѣ надъ одной рукой желтѣла табличка «А з і я», а на другой — стрѣлка указывала «Е в р о п а». Ихъ мѣсто соприкосновенія, соединительная ткань, историческая прокладка — это вольная, широкая, буйная и тоскующая русская степь сейчасъ гибнетъ. Она впитала въ себя тѣ яды, что предназначались другимъ. Другіе останутся жить по Манчестерамъ, Дюссельдорфамъ и Дуврамъ. Имъ хорошо. Лишь нѣкоторыя струи ядовитыхъ «переселеній» дотекали къ нимъ. Главныя оставались на русской степи и ядовитыми гнѣздами проѣли нашу душу.

Слышишь-ли ты, Европа, слышишь-ли? Хорошо-ли тебѣ по твоимъ Флоренціямъ съ галлереями, Дуврамъ съ гаванями, тихимъ Амстердамамъ съ колокольнями и полотнами нидерландцевъ? Хорошо-ли тебѣ въ уютѣ духа, въ дисциплинѣ англосаксонской и тевтонской

крови, въ неопасной возбудимости крови галльской? Хорошо-ли?

Вы помните, что говоритъ одинъ изъ героевъ Горькаго:

> «Хочется мнѣ отличиться на чемъ-нибудь. Раздробить-бы всю землю въ пыль или собрать шайку товарищей. Или вообще, что-нибудь такое, чтобы стать выше всѣхъ людей и плюнуть на нихъ съ высоты... И потомъ внизъ тормашками съ высоты и... вдребезги...»

Прильнувъ къ лукѣ сѣдла, летимъ мы по степи. Крутые зигзаги дѣлаетъ взмыленный конь. Въ крови у насъ пожаръ татарской древней воли...

И пожаръ вокругъ насъ весь въ крови.

Фейерверкъ.

Есть прекрасная картина Сомова.

Въ глухомъ, запущенномъ паркѣ, гдѣ въ углу сгрудилась купа деревьевъ, жмутся, какъ всегда у Сомова, жеманныя карнавальныя фигуры. Гдѣ-то тутъ-же, недалеко, изъ подъ деревьевъ, точно шипя и дрожа, вылетаетъ пѣвучая ракета... Фейерверкъ. А выше, печальныя звѣзды алмазно катятся внизъ. Рядомъ, словно тающія облачка, слѣды отгремѣвшаго, взвившагося и проплакавшаго свою короткую жизнь, фейерверка. Это — тающіе вздохи, слѣдъ, пыль, дуновеніе. Все, что осталось отъ сердитой взвившейся басовой ракеты, разсыпавшейся на вечернемъ небѣ самоцвѣтными, драгоцѣнными алмазами....

... Страшно сказать, но какъ будто въ нашей душѣ тѣ-же смѣны періодовъ: быстрая воспламеняемость; грохочущій, ревущій, побѣдный и красивый (какъ только можетъ быть красивъ порывъ души), бросокъ наверхъ. Второй періодъ, — красивыя алмазныя слезы, самоцвѣтныя мысли, что скатываются внизъ, замирая и кой-гдѣ потухая. Третій — тающія облачка, пыль, слѣдъ, дуновеніе, дымъ. А иногда...

иногда угаръ, удушающій, терпкій и жгучій до боли и стыда — угаръ.

Мы способны то-же, какъ будто, только на это первое мускульное усиліе, на то, чтобы приподняться, какъ Муромецъ, который «сиднемъ сидѣлъ тридцать лѣтъ и три года». Но дальше этого рефлекса, порыва, этого «приступа къ дѣлу» не идемъ.

И у насъ взвились красныя знамена революціи. Какъ будто не дрогнувшей рукой взметнули мы ихъ. Было молитвенное влюбленіе въ Свободу. Весенняя, сладкая радость, подступившая къ сердцу, опьянившая душу.

Былъ хмель, молодой, прекрасный, радостный хмель. Былъ «медовый» увы! не мѣсяцъ, а день вѣнчанной радости. И на это насъ хватило. Это мы умѣемъ. Всюду, гдѣ есть романтика, пафосъ, взмытая волна опьяненія — самоупоеніе, брызги момента — тамъ «мы умѣемъ».

И наступилъ второй періодъ: падающихъ прекрасныхъ, самоцвѣтныхъ мыслей, что золотымъ дождемъ, подобно звѣздамъ, прорѣзали вечерѣвшій, зловѣще и мрачно темнѣвшій россійскій небосклонъ. Сознаемся, положа руку на сердце, что во всемъ томъ многостихійномъ и щедромъ многословіи, что излило это «подполье» на Русь, было много золотой мечты человѣчества, были прекрасныя, зажженныя тоскою и болью слова и мысли.

Вѣрно, послѣ этого пришла анархія. Вѣрно, послѣ этого, словно саванъ закуталъ страну. Вѣрно, оно это «подполье», также виновато въ темной полосѣ,

въ которую вступила Русь. Но отвлекитесь отъ этого, всмотритесь въ самоцѣнность тѣхъ лозунговъ, мыслей, идей и словъ, что были щедро брошены на Русь послѣ долгаго, — о, какого долгаго! — молчанія страны.

Вотъ этотъ творящій погромы мужикъ, вотъ эти, засѣвшіе въ совѣтскихъ нѣдрахъ интеллигенты, вотъ эти примазавшіеся къ нимъ маленькіе калифики на часъ: чиновники, сдѣлавшіеся соціалистами и соціалисты, ставшіе въ ореолѣ власти чиновниками — развѣ все это не наши старые знакомые? Развѣ это не Платоны Каратаевы, не Пьеры Безуховы, не Верховенскіе, не Смердяковы? Все они же. Безумная толпа Каратаевыхъ съ мечтою о золотомъ царствѣ, со взыскующей тоской или о царской, пропавшей грамотѣ или о «селянской» землѣ и волѣ. Интеллигенты, оторванные отъ жизни, ушибленные о Гегеля, Михайловскаго, или Маркса съ Каутскимъ. Какіе то лабораторные жрецы, или пропускающіе всю Россію черезъ фабричныя трубы и вертящіе ручку экономическаго матеріализма, какъ шарманку, вмѣстѣ съ Ильинымъ (одинъ изъ псевдонимовъ Ленина). Или идущіе въ эсеровскую, самобытную, общинную Каноссу? . . . Или оттуда (что, въ общемъ, съ внѣшней стороны недалеко) отправляющіеся тоже въ самобытную славянофильскую Мекку?

Развѣ всѣ эти, ушибленные о книгу, о догму, о букву, параграфъ — интеллигенты не наши старые знакомые? Развѣ не прежней, знакомой толпою прошли они передъ нами?

И признаемъ, что въ центрѣ ихъ по праву, среди той толпы, которая хлынула на авансцену нашей исторіи, долженъ быть поставленъ Рудинъ.

Ему, мягкотѣлому, ему, прекраснодушному, ему, упивавшемуся своимъ голосомъ, своимъ творческимъ процессомъ, своимъ собственнымъ экстазомъ — должна быть воистину пропѣта: Осанна! Онъ ее заслужилъ. Онъ это доказалъ.

Несомнѣнно онъ, только онъ — коронованный, признанный, соборный типъ русскаго интеллигента: взмывающій какъ порохъ, словно отсырѣвшій, но все же прекрасный выстрѣлъ, порывъ вверхъ; затѣмъ слова, слова, прекрасныя слова, чарующія слова, которыхъ заслушался самъ ораторъ. Потомъ чадъ, угаръ, пыль, какъ тающее облачко, какъ дуновеніе.

И все.

Но развѣ судьба Россіи — фейерверкъ? Развѣ слово о будущемъ и настоящемъ — это только алмазныя, самоцвѣтныя пригоршни, — что, подобно жемчугу, бросаются на золотое блюдо? Когда ювелиры бываютъ кузнецами?

И страшная мысль, холодная мысль — закрадывается вползающей змѣей въ душу: не банкроты ли теперь всѣ эти Рудины, партійные и не партійные, буржуазные и не буржуазные интеллигенты? Не банкроты ли?

Ибо, что, кромѣ комплекта перевязанныхъ бичевкой журналовъ и газетъ своихъ, отчетовъ о своихъ засѣданіяхъ могутъ они предъявить? Гдѣ созидательная, будничная работа? Ея нѣтъ. Стихійно и ко-

собоко создававшіяся на мѣстахъ «демократическія» организаціи сдѣлали въ началѣ революціи свою работу безъ типичнаго интеллигента. Рудинъ въ ней не участвовалъ. Рудинъ и въ центрѣ, и на мѣстахъ — былъ «наверху», или на трибунѣ, или за столомъ редакціи. Рудинъ бросалъ слова.

Не будемъ несправедливы. Въ подавляющемъ большинствѣ это былъ, дѣйствительно, Рудинъ, потому что онъ вѣрилъ въ то, что говорилъ. А говорилъ онъ то же, что и настоящій Рудинъ, т. е. оторванное отъ конкретной, реальной жизни, отъ ея мяса, отъ ея быта.

Душа Рудина — это душа резонирующаго славянина.

И въ этомъ наше проклятіе и гибель. Онъ дѣйствительно роняетъ самоцвѣтныя, прекрасныя мысли о братствѣ народовъ, о грядущемъ царствѣ справедливости и мирѣ всего міра. И такъ мягко и радостно падаютъ слова; и такъ хочется погрѣться въ этой нѣжащей постели изъ пуховыхъ словъ: радость, свобода, жизнь, отдыхъ, тишь. И въ этомъ психологическая разгадка успѣха тѣхъ, кто разстилалъ передъ усталыми людьми пеструю, ковровую, бархатную, какъ мурава, дорожку.

Хотѣлось броситься на нее, зарыться въ пухъ сладкихъ обѣщаній головой, не слышать голоднаго воя глухихъ раскатовъ. И всѣ эти слова о грядущемъ царствѣ, о правдѣ и радости на землѣ, — вѣдь и есть кусочки души бездѣйствующаго Рудина, великаго всероссійскаго Резонера, который воистину долженъ быть

коронованъ, какъ самый типичный современникъ сейчасъ на Руси.

Вѣдь, разберитесь во всѣхъ этихъ словахъ, что роняли Рудины съ трибунъ, съ кафедръ, со страницъ своей печати. Развѣ идеи плохи, слова не ярки, мысли не благородны, не проникнуты жаромъ и трепетомъ, тоскою по инымъ, лучшимъ днямъ для всѣхъ? Всѣ эти Рудины, часто благородные фантасты, ярые Донъ-Кихоты, рыцари, рвущіеся къ облакамъ. Соберите, все что ими было разбросано съ кафедръ, съ трибунъ, съ передовицъ партійной прессы. Это подлинныя мечты о лучшемъ, подлинныя грезы, тѣ самыя грезы, которыя привели настоящаго Рудина, праотца теперешнихъ, на чужія баррикады Парижа.

Чужія? Такъ ли? Смотрите, не прообразъ ли это безразличія къ своей національной идеѣ, не прогнозъ ли это интернаціоналистическаго марева, въ которомъ мы сейчасъ живемъ? Не вдохновенное ли предвидѣніе, не геній ли правды водилъ рукой Тургенева, заставивъ его бросить Рудина именно къ парижскимъ коммунарамъ, даже не знавшимъ его и принявшимъ за какого то Polonais. Вы помните?

«Этотъ Polonais былъ Дмитрій Рудинъ».

И проклятье наше заключается вовсе не въ томъ, что наши интеллигентные, партійные и не партійные, буржуазные и не буржуазные Рудины плохи или не плохи. По существу быть можетъ не всѣ они плохи, эти прекрасные мечтатели, эти интеллигентные Сютаевы, эти сектанты, съ обращенными внутрь себя гла-

зами. Проклятье въ томъ, что они органически не способны на будничную, строительную работу. А это намъ и нужно.

Должны звенѣть и пѣть вокругъ насъ пилы, жадно и щелкающе долженъ ухать топоръ и всхлипывать, объѣдаясь стружками, рубанокъ. Должно идти строительство. Надо строить Россію. Нужна проза. Нужны будни. Въ гирляндахъ стружекъ, въ лѣсахъ, вся заполненная муравьиною, трепетной жизнью съ бѣгущими по лѣсамъ каменьщиками, со щелканьемъ забиваемыхъ гвоздей, должна возвышаться, какъ новое зданіе, Россія. А развѣ Рудинъ — каменщикъ? Развѣ ювелиръ — кузнецъ?

Нашъ современный Рудинъ — органическій, наслѣдственный резонеръ. У него созерцательная, красиво мыслящая, благородная, но, «холостая», не оплодотворяющая душа.

Скатываются, какъ въ картинѣ Сомова по вечерѣющему небу алмазныя слезы, какъ брызги, какъ капли, какъ красивыя слова. И все.

Это — раздумчивая, медленная, тоскующая, какъ ковыль русской степи, какъ необозримая ширь русскихъ равнинъ, славянская душа. Что создало ее такою? Не давній-ли татарскій гнетъ, загонявшій душу внутрь и заставившій ее надолго (до сегодняшняго дня) звенѣть скорбнымъ напѣвомъ русской народной пѣсни? Она, эта мелодія души, то вспыхнетъ дробной поступью деревенскаго танца, то поникнетъ и понесется вдоль маревъ дѣвичьей, русалочьей пѣснью. Такова и душа. Словно она сидитъ у косогора, у

плетня и смотритъ, не насмотрится, плачетъ, не наплачется, пляшетъ, не напляшется . . .

Мы преимущественно смотримъ, думаемъ, разсуждаемъ, резонируемъ. Просторъ-ли у насъ такой въ странѣ, или душа наша безмускульная, лишь прищурившись, созерцающая . . .

А вокругъ насъ, у другихъ, какой шумъ рубанковъ, визгъ пилы, жадный стукъ топора! Тамъ строятъ, строятъ, строятъ. Вогъ, еслибы надо было построить прекрасный волшебный замокъ, воздушный и весь пронизанный, какъ лучами солнца, какими-то обѣтованіями . . . Для такихъ замковъ мы — архитекторы. Но для поселковъ, для домовъ, для городскихъ кирпичныхъ зданій, для лязга и грохота жизни — мы не строители.

И чувствуется, думается, вѣрится, чуется, что должны будутъ изъ разныхъ слоевъ русской жизни завихриться и слиться въ одной творческой, созидательной струѣ новые творцы прозы нашей жизни, строители нашего быта, «американцы», что-ли, нашего уклада. Они вознесутъ зданіе. Они сумѣютъ обмазать кирпичи крѣпкимъ, не разведеннымъ «Кіентальской» водичкой, цементомъ. Это будетъ хорошее, крѣпкое, прочное, русское зданіе.

Но это въ будущемъ.

А пока?

Пока . . . радостно проревѣвъ, словно вздохнувъ, съ шумомъ взлетѣла ракета нашего недавняго и, въ сущности, такого «давнопрошедшаго» марта.

Затѣмъ стали опадать, на темнѣвшемъ фонѣ, прекрасныя мысли нашихъ фантастовъ, нашихъ никчемниковъ, Рудиныхъ. Прекрасныя мысли, какъ догоравшія звѣзды и стрѣлы огня, плыли цѣлымъ дождемъ, каскадомъ, и гасли и таяли... красивыя, красивыя, благородныя, но никому сейчасъ не нужныя.

А теперь?

Дымный чадъ, и угаръ, терпкій, съѣдающій до боли и стыда, дымъ.

И только.

Фейерверкъ... Фейерверкъ...

Подполье.

На извѣстной глубинѣ морской пучины, тамъ, гдѣ ровная, зеленая «синь и гладь» создаетъ зыбкій сумракъ, — рождаются странныя, своеобразныя животныя. Морское дно на этой глубинѣ живетъ подвижной, напряженной жизнью. Если всмотрѣться, милліоны существъ, хотя и сжатыхъ колоссальнымъ давленіемъ водяного столба океана, живутъ, копошатся, сползаются, расползаются... Тамъ своя мистика жизни, тихій, подводный, глубинный темпъ окованнаго жуткимъ давленіемъ бытія. И, если всмотрѣться, одна прихотливая, на первый взглядъ, капризная, но по существу мудрая деталь природы бросается въ глаза.

Эти животныя или слѣпы, или имѣютъ громадныя, качающіяся на длинныхъ стебелькахъ, фацеточныя, составленныя изъ сотенъ призмочекъ глаза. У нихъ, словно цѣлый оптическій магазинъ въ этихъ выпуклыхъ чечевицахъ. Бинокль на биноклѣ, призма у призмы, — эти глаза преломляютъ каждый ничтожный отблескъ свѣта, проникаютъ въ темень, буравятъ вѣчную подводную ночь. А другія животныя совсѣмъ слѣпы. На что имъ глаза, если вокругъ вѣчная тьма? Они возмѣщаютъ

свою слѣпоту рафинированнымъ изощреніемъ осязающихъ сосочковъ и щупалецъ. Они не видятъ, они осязаютъ.

Возьмите ихъ изъ этой глубины и бросьте на берегъ, на свѣтъ, на приволье. Пускай прихотливая волна выплеснетъ ихъ, лѣниво и щедро, цѣлой колоніей, цѣлымъ зеленымъ пятномъ вмѣстѣ съ иломъ и пухлыми, водяными растеніями—прямо на песокъ. И посмотрите, какъ заворошатся, какъ повылѣзутъ изъ родной зелени и тины странныя глазастыя или безглазыя существа, то съ ровной, роговой, какъ бѣльмо, оболочкой на мѣстѣ глаза, то съ длинными, качающимися, глазастыми стеблями. Какъ имъ все кажется огромнымъ! Какъ все причудливо и кошмарно преломляется въ ихъ выпуклыхъ оптическихъ складахъ... Какимъ бревномъ кажется вотъ эта сухая травинка, какимъ гранитнымъ валуномъ маячитъ вотъ эта мелкая песчинка! Все полно вокругъ чудовищъ, громадныхъ тѣней, дикихъ призраковъ, гигантскихъ привидѣній. Все давитъ, грозитъ, жметъ и хочетъ расплющить... Боже мой! Въ страхѣ вертятся на зеленыхъ, качающихся стебляхъ глаза и всюду страхъ, всюду ужасъ, всюду гигантскій масштабъ, всюду что то большое, обрекающее, подозрительное, засѣвшее, караулящее. Тамъ въ зеленой глуши—эти глаза были нужны, ибо была темь, мракъ, дно—здѣсь, на смѣющемся пляжѣ, подъ щедрымъ и ласковымъ солнцемъ — они не нужны, они опасны. Они мѣшаютъ жить...

Наше «подполье», гдѣ жила загнанная прежнимъ режимомъ революціонная мысль — было именно какимъ то дномъ, густымъ, гнетущимъ сумракомъ. Это

были потемки, странно искажавшія очертанія, заставлявшія жить въ вѣчной настороженности, въ сумеркахъ духа. Естественно развилась подозрительность, особая психика «подполья», сдавленная, сжатая душа, то слѣпая, то зрячая, болѣзненно расширенными зрачками приспособлявшаяся къ окружающимъ сумеркамъ. Революціонная мысль послѣднихъ десятилѣтій была не только загнана въ подполье, гдѣ создалась душная, придавливающая, гнетущая атмосфера мрака; нѣтъ, мало того, на ней выросъ зловѣщій наростъ внутренняго предательства; на «подпольныхъ» глазахъ силою вещей, какъ на морскомъ днѣ, превратившихся въ оптическій магазинъ, гдѣ эсеровскія чечевицы пришлифовывались къ эсдековскимъ призмамъ, на этихъ глазахъ, и безъ того уже подозрительныхъ и воспаленныхъ, выросъ катарактъ «азефовщины». Подполье заметалось въ тоскѣ и ужасѣ. И безъ того недовѣрчивое, чуткое къ каждому шороху, къ каждому бряцанію шпоръ, звенѣвшихъ за дверью и пришедшихъ «для обыска», оно еще болѣе замкнулось въ себѣ. Стало страшно: неужели въ каждомъ Ц. К. (центральномъ комитетѣ) та же саркома, тотъ-же наростъ предательства? . . Но тогда, вѣдь, жить нельзя! . . И къ революціи, къ этому ослѣпляющему нежданному—вихрю—«подполье», въ сущности, подошло, разъѣденное внутренними сомнѣніями, неустройствомъ и истерзанное. И сразу же на кафедрахъ, трибунахъ и митингахъ, зашевелились эти, безглазые, слѣпые люди. Заискрились эти громадные, отшлифованные, долгой брошюрной, эмигрантской шлифовкой чечевичные глаза на длинныхъ, качающихся стебляхъ. Развѣ

вы не видѣли, что на кафедрахъ часто стояли люди, пришедшіе сюда отъ другого атмосфернаго давленія? Болѣзненно, выпукло, призматически, сквозь тысячу призмъ воспринимали они бытіе Россіи.

Кисмэтъ. Въ какую-то жестокую Книгу Судебъ мы записаны, на какой то жестокой, карающей странице тамъ значимся. Историческая Немезида, самый точный бухгалтеръ. Она работаетъ, словно со стальной, счетной машинкой. И если на одной сторонѣ бухгалтерскаго расчета значился Распутинъ, то какъ же на другой страницѣ, какъ опредѣленному, исторически-необходимому эхо, не появиться Троцкому? А сальдо? Итогъ? Истерзанная, униженная Родина, мать наша. Ибо Распутинъ былъ такъ махрово послѣдователенъ, давленіе его режима на подполье было такимъ сказочмымъ, что долженъ былъ родиться и родился чудовищный рефлексъ. На оборотѣ монеты, гдѣ былъ вытисненъ Распутинъ, отчеканился Троцкій. И не теперь онъ выдавился тамъ. Нѣтъ, еще тогда, когда на одну сторону монеты давилъ чудовищный, кошмарный ликъ Распутина, на другой еще тогда, еще до революціи, чисто автоматически выдавливался, штамповался, неизбѣжно и неотвратимо, ликъ Троцкаго. Слишкомъ кошмаренъ былъ штампъ, чтобы не появился кошмарный протестъ, рефлексъ, каррикатура его изнанки, гримаса въ кривомъ зеркалѣ Исторіи. И напрасно думать, что мы живемъ въ какой то новой полосѣ исторіи. Нѣтъ, мы продолжаемъ изживать прошлое.

И едва ли не самымъ страшнымъ послѣдствіемъ его являются эти, то слѣпые, то сверхъ-зрячіе люди,

эмиссары подполья, нынѣ дружною гурьбой заполнившіе верхи нашей жизни. Брошюра, доктрина, книга, догма, буква, параграфъ, .. партійная мнительность, подозрительность; недовѣріе къ чужому и часто къ своему, .. фанатизмъ, сектанство, горящіе, внутрь себя устремленные глаза. Какая гримаса судьбы, что именно это намъ сейчасъ предопредѣляетъ Исторію, обрекаетъ и подводитъ щелкающей, костлявой костяшкой неотвратимый итогъ. Что же дальше? Вѣдь училъ когда то Гегель въ своей тріадѣ, что послѣ тезиса и полнаго противоположнаго ему антитезиса — долженъ неизбѣжно и неотвратимо, какъ историческая необходимость, родиться облегчающій, разрѣшающій, благословляющій синтезъ. Если тезисъ былъ: — Распутинъ, то надо сознаться, мы его прошли до конца. Эту фазу мы цѣликомъ изжили и вступили въ полосу его выверта, гримасы, противоположности, антитезиса, Троцкаго. И надо имѣть смѣлость и мужество признаться, что намъ прійдется пройти и этотъ фазисъ цѣликомъ, до конца. Намъ не отвертѣться отъ него, онъ долженъ быть изжитъ полностью. Противъ страницы, заполненной Распутинымъ, должна быть другая, противоположная страница, заполненная его антитезою. Крестнымъ путемъ влеклась Русь по прежнему торному пути, крестнымъ путемъ предстоитъ ей идти еще по противоположному, но изумительно похожему на прежнее, шоссе. И лишь въ концѣ — какое то обѣтованіе, какой-то неизбѣжный синтезъ, какой-то разрѣшающій, освобождающій, окрыленный аккордъ. Синтезъ будетъ.

Двѣ ипостаси сольются въ одну. Исторія послѣ Распутина съѣстъ и Троцкаго. Это также неизбѣжно, какъ то, что онъ появился и то, что будетъ еще быть можетъ долго побѣдителемъ.

А послѣ?

Послѣ: вѣримъ, вѣримъ, вѣримъ въ Воскресенье. «Вѣрую, Господи, помоги моему невѣрію».

Трещины.

Одинъ изъ виднѣйшихъ геологовъ новѣйшаго времени, Зюссъ въ „Antlitz der Erde“ посвящаетъ много красочныхъ страницъ сжатiю земного ядра, охлажденiю внутренней раскаленной массы и «сморщиванiю» земной коры. Кипящее ядро земли понемногу тухнетъ и чуть сжимается; покрывающая эту лаву кора сморщивается, то выпираясь въ мучительномъ, творческомъ процессѣ цѣлыми горными кряжами, то разползаясь разсѣлинами и трещинами. Вотъ откуда эти морщины и борозды, эти бугры и складки старости на лицѣ старушки-земли . . .

Невольно вспоминаешь Зюсса, переходя отъ землетрясенiй вулканическихъ къ соцiальнымъ сдвигамъ и колебанiямъ. Наше раскаленное революцiонное ядро давно уже излучило въ пространство, въ торичеллiеву или . . . циммервальдскую пустоту — большую часть своего теплового запаса. Языки пламени, взметнувшiеся когда-то, — исчезли. И революцiя подалась, сперва посѣрѣла зловѣщими пятнами обыденщины, сѣраго пепла. А потомъ стала буднями, тоскливыми,

угрюмыми — а за послѣдніе годы — постыдными, зловѣщими, окровавленными.

Остыла радость; погасло пламя; испарился хмѣль. И вмѣсто свадебныхъ напѣвовъ, пришелъ плачъ. А потомъ — скорбь, ужасъ, позоръ, пытка, стенаніе, небытіе.

Не пророкомъ-ли былъ Андрей Бѣлый, когда много лѣтъ тому назадъ, словно шаманъ, словно Пифія, напившись бредовымъ волшебнымъ напиткомъ, полубезумно пророчилъ:

Туда, гдѣ смертей и болѣзней
Лихая прошла колея,
Исчезни въ пространство, исчезни,
Россія, Россія моя . . .

Что-жъ? Ядро, раскаленное ядро, лава революціи охладѣла. Кой-гдѣ пятнами пошла по нѣй сѣрость, обыденность. Шипя, позастывали на ней липкія лужи крови. Этотъ періодъ мы пережили. И вотъ теперь, когда сжалось и охладѣло ядро, сморщивается и даетъ глубокія трещины та внѣшняя корка, тотъ панцырь, та крѣпкая кожура, окрѣпшая и огрубѣвшая столѣтіями, какъ мозоль, — что покрывала Россію кожею, какъ живой и единый организмъ. Ядро, раскаленная лава чуть сжалась, чуть осѣла . . . Остылъ энтузіазмъ, покрылось пепломъ сердце — и сразу вслѣдъ за нимъ осѣла и покрылась зловѣщими трещинами внѣшняя корка Россіи, ея карта, ея внѣшній ликъ, „Antlitz der Erde“ . . .

Эти глубокія, историческія, почти «геологическія» перемѣщенія, сдвиги — мѣняютъ нашъ ликъ, рвутъ ста-

рые швы, наложенные еще скопидомной рукой перваго нашего домовитаго собирателя, Ивана Калиты. Вотъ онѣ, змѣящіяся, трещины и за Бѣлоостровомъ, и вдоль предгорья Кавказа, и ближе къ Уралу, и ближе къ Днѣпру, и близъ самой Молдавіи... Трещины, трещины, трещины...

Все дальше отходитъ одинъ берегъ зіяющей пропасти отъ берега прежней Россіи. Прямо видно, какъ на глазахъ ширится трещина, и люди на томъ берегу, надъ обрывомъ и свѣсомъ становятся черными точками и уже не слышно словъ и нельзя столковаться...

— Ау!

... Иногда, когда новѣйшіе поэты и ясновидцы не даютъ отвѣтовъ на проклятые вопросы, на тоскливыя недоумѣнія, на горесть и муку души, полезно взять кого либо изъ «стариковъ». Вмѣсто хрупкой, полихромной глины — спокойный и бѣлый мраморъ.

Возьмемъ записную книжку Пушкина. Это тѣ осколки мрамора, безсмертныхъ мыслей, что падаютъ въ студіи скульптура. Или, вѣрнѣе, это черновые прообразы, интуитивные контуры будущихъ твореній. Мы найдемъ тамъ между разсыпанными афоризмами о М-ме de Stael, о «желѣзной маскѣ», о Вольтерѣ — одну короткую строчку, которую надо было-бы выбить на фронтонѣ русской исторіи и русской революціи: «Б е з ъ т р у д а н ѣ т ъ и с т и н н о в е л и к а г о».

Неужели это сказалъ Пушкинъ? Этотъ баловень своего генія? Этотъ сказочный мотъ, бросавшій пригоршнями свое вдохновеніе?

Да. Это сказалъ именно онъ, чьи черновики по-

казываютъ столько кропотливаго труда, чьи бумаги полны сгущеннымъ трудомъ.

Типичный-ли русскій интеллигентъ Пушкинъ? Нисколько. Въ его черновыхъ наброскахъ есть нѣсколько строкъ, посвященныхъ имъ психологіи Петра. Онъ пишетъ: «Достойна удивленіями разность между государственными учрежденіями Петра Великаго и временными его указами. Первыя суть плоды ума обширнаго и исполненнаго доброжелательства и мудрости, вторые нерѣдко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутомъ. Первыя были для вѣчности или по крайней мѣрѣ для будущаго; вторые — вырвались у нетерпѣливаго, самовластнаго помѣщика».

Что-бы сдѣлалъ русскій интеллигентъ, средній русскій интеллигентъ съ этой темой? Боже мой! Онъ расцвѣтилъ бы ее тысячью узоровъ, лампіоновъ, внутри зажегъ бы лампадку народолюбія («деспотъ, молъ, былъ Петръ») и, закусивъ удила, помчался бы... Что дѣлаетъ Пушкинъ?

Въ его запиской книжкѣ подъ этою замѣткой значится всего одна короткая строчка: „N. B. Это внести въ исторію Петра, обдумавъ».

«Обдумавъ»? Откуда такое слово? Что оно значить? Развѣ у насъ что либо «обдумываютъ»?

Русская интеллигенція, вымолившая страданіями лучшихъ своихъ сыновъ и выносившая въ тайникахъ сердца—Революцію,—не знала труда въ смыслѣ усидчивости. Тяжелую, убогую жизнь—она знала. Но трудъ, какъ черта характера, какъ вдумчивость, проникновеніе, изученіе деталей — ей чужды. Она — импрессіони-

стична. Гегельянская въ девятнадцатомъ вѣкѣ, она вмѣстѣ съ Чернышевскимъ и Писаревымъ становится грубо позитивной и, спрятавъ бюстъ Шекспира, молится сапогамъ. Марксистская и народническая въ концѣ вѣка, она подъ пеленою наступившей реакціи уходитъ въ литературный импрессіонизмъ. Истекшія десять лѣтъ на ея столикѣ были набросаны «альманахи» . . . Отъ нелегальной «Искры» и «Революціонной Россіи», черезъ пятикопѣечныя брошюры «Молота» и «Буревѣстника», черезъ альманахи «Литературный распадъ» со статьями Стеклова и Луначарскаго къ Леониду Андрееву и снова къ «Искрѣ» и «Революціонной Россіи», на этотъ разъ уже легальнымъ. Это политическая лихорадка, это смѣняющіяся пятна импрессіонизма, но это — не трудъ. Это кинематографъ, «плѣнной мысли раздраженіе», раскрашенный мазками плакатъ — но не гравюра, которую острымъ, многолѣтнимъ рѣзцомъ гравируютъ въ своемъ характерѣ другіе, напримѣръ, англо-саксъ.

Свою безпочвенность, неусидчивость, неврастеничность она, эта интеллигенція, возглавившая собою революціонныя ячейки, принесла и въ революціонное строительство. Она принесла свою порывистость, экзальтацію, максимализмъ и сектантское упрямство. Все кромѣ планомѣрности, настойчивости, усидчивости.

Она была словно экранъ кинематографа, на которомъ играли лучи чужой игры. Но ни одна картина не проросла полотна насквозь.

И Немезида пришла въ свое время. Пафосъ остылъ, восторгъ замеръ, окружающее потускнѣло. Ядро революціи чуть застыло и сжалось. И сразу, словно ссох-

шись, сжалась вся Россія. А когда эта корка сжалась, по ней треснули и зазмѣились зловѣщія трещины, по почвѣ, по родной, родимой, вѣдь, намъ русской землѣ.

Трещины, трещины, трещины...

Развѣ, впрочемъ, у насъ есть почва?

«Въ произвольной *безпочвенности*, — говоритъ Мережковскій въ «Грядущемъ Хамѣ», — «въ страшной свободѣ духа, въ способности внезапно отрываться отъ почвы, отъ быта, исторіи, сжигать всѣ свои карабли, ломать все свое прошлое во имя неизвѣстнаго будущаго, — въ этой произвольной *безпочвенности* и заключается одна изъ глубочайшихъ особенностей русскаго духа».

Кто-жъ виноватъ въ этой расползающейся, какъ липкая опара, какъ тѣсто, почвѣ? Кто ее создалъ такою?

Они, безпочвенники, боявшіеся любить Россію («что скажутъ угнетенные *всѣхъ странъ*?»). Они, отмежевавшіеся отъ слова «патріотизмъ», ставшаго удѣломъ ближайшаго полицейскаго участка. Они, любившіе лишь втихомолку, — какъ франтящіе сынки стѣсняются своей старой матери въ бурнусѣ и трясущейся наколкѣ; — любившіе исподтишка и березки нашихъ лѣсовъ, и просторы русскихъ полей, серебро левитановскихъ рѣчекъ, грустныя, задернутыя паутиной просѣки, суровыя важныя, шишкинскія деревья и чудное прекрасное, святое, народное сердце... Что съ тобой стало? Гдѣ ты?

— Ау?

Неужели и по сердцу: трещины, трещины, трещины...

Блѣдная немочь.

Говорятъ, что сумасшедшіе, слабые и полубольные, казалось, не могущіе поднять золотника, вдругъ проявляютъ столько мышечной силы, такъ буйно, стремительно и напряженно вливаютъ въ свои мускулы — «волю», что рвутъ путы, валятъ рослыхъ служителей, сокрушаютъ мебель, двери и запоры. Въ чемъ дѣло? Дѣло въ сгущеніи воли. Вся психически искаженная, какъ въ кривомъ зеркалѣ, но все-же существующая воля, вошла у нихъ въ мускулы. Весь человѣкъ—однѣ мышцы. Это послѣднее, крайнее, экстатическое напряженіе, собирающее и сгущающее все бытіе человѣка, все его «я», — въ одномъ повелительномъ, дикомъ, ликующемъ и буйномъ мускульномъ порывѣ! Онъ рветъ веревки, какъ нитку, и ломаетъ въ щепы подвернувшійся стулъ. Даже въ пальцахъ, напряженно-скорченныхъ, скрюченныхъ, ставшихъ вдругъ желѣзно-эластичными, столько упрямой ломающей силы.

Понятно, онъ боленъ. Понятно, онъ безуменъ. Но взгляните, что дѣлаетъ обнаженная воля, если она вливается вся до конца въ какое либо дѣло.

Вглядитесь въ человѣка, обороняющагося въ минуты смертельной опасности, когда на-лицо инстинктъ самосохраненія. Когда все «я», все бытіе, вся психика уходитъ въ физику движеній, когда онѣ становятся то тихими, вкрадчивыми, уклоняющимися, еле слышными — то буйными, дерзкими, полубезумными, идущими на все. Весь человѣкъ, или весь коллективъ, — все равно, — въ одномъ повелительномъ желаніи, какъ гипнотизирующій флюидъ — побѣдить, остаться въ живыхъ. Это кажется парадоксомъ, но побѣда — это и есть сгущенная воля, а напряженіе воли до конца, какъ у безумныхъ или людей въ смертельной опасности, это и есть обезпеченная побѣда.

«Стоитъ только захотѣть».

Какъ? Мы не хотѣли побѣдить? Послѣ этихъ долгихъ лѣтъ крестнаго хода вдоль окоповъ, изнемогающая, обезсиленная, со вскрытыми, хлещущими артеріями, эта омытая въ крови Русь — не хотѣла побѣдить?

Разумѣется, хотѣла. И былъ у нея восторгъ и ожиданіе побѣды еще въ 914, и былъ у нея восторгъ и жажда чуда въ началѣ революціи въ 917-мъ.

Жаждали, надѣялись, вѣрили. Но желали-ли до конца? Была-ли сгущена единая воля, были-ли напружены, налиты единою волей мышцы народныя? Была-ли воля побѣдить? Та, стоящая на грани безумія, маніакальности воля, которая рветъ всѣ путы, заставляетъ ощетиниваться всю страну, какъ травимаго звѣря, зажигаетъ глаза фанатической вѣрой въ себя. Оскалилась-ли Россія, зажмурилась-ли въ послѣдній

разъ, схватила-ли оглоблю или палицу, какъ Ослябя или Добрыня Никитичъ и почала-ли крушить: «повернетъ на-лѣво — улица, на-право — переулочекъ».

Вотъ это уже пора сказать. Не было упоенія. Не было вдохновенія. Война не была героическою, эпическою, былинною.

Былъ подвигъ, даже подвижничество. Были неизбывныя муки и страданія народа, милліоновъ единицъ. Была Голгофа матерей, терявшихъ своихъ близкихъ. Былъ тяжкій, крестный путь. И былъ восторгъ.

Но вдохновенія не было.

Ихъ нельзя смѣшивать. «Безъ вдохновенія нѣтъ истинно великаго», говоритъ Пушкинъ въ одной изъ небольшихъ замѣтокъ въ записной книжкѣ на поляхъ. И безъ труда также. Восторгъ, говоритъ онъ тамъже «непродолжителенъ, непостояненъ, слѣдовательно, не въ силахъ произвести истинное, великое совершенство. Гомеръ неизмѣримо выше Пиндара. Ода стоитъ на низшихъ ступеняхъ творчества».

Какія символическія, полныя вѣщаго для насъ смысла строчки... Вдохновеніе — это свѣтлые, ясные корридоры, спокойные, всесильные, залитые ровнымъ, все пронизывающимъ свѣтомъ. Вдохновеніе — это напряженіе (не конвульсія, а именно напряженіе) всѣхъ силъ, открытость всего естества, солнечность души. А восторгъ—это узкая, блестящая, граненая, стеклянная башня, возвышающаяся надъ однимъ моментомъ. Вдохновеніе—это почти спокойствіе. Восторгъ—это водопадъ, алмазныя брызги души. Не даромъ въ той же замѣткѣ Пушкинъ вспоминаетъ «лучшее про-

изведеніе Державина «Водопадъ» и укоряюще спрашиваетъ: «какой въ этомъ произведеніи планъ?» «Единый планъ Дантова Ада», говоритъ онъ нѣсколькими строками выше, «есть уже плодъ высокаго генія».

Итакъ одинъ только планъ великой вещи, великаго замысла — уже геніаленъ.

Именно плана-то у насъ никогда не было. Не было этой «двухверстки генеральнаго штаба», на которой стояла бы надпись: «Планъ побѣды русскаго государства».

Гомеръ выше Пиндара. А мы писали оду. Восторженную оду. Тяжкими муками народу далась революція. Можетъ быть потому, что у насъ въ душѣ не было плана? Это былъ восторгъ вѣры, восторгъ порыва и влеченія къ чуду — но не была былинности, эпоса, величаваго, какъ Микула, какъ Иліада, вдохновенія.

Ихъ надо различать, этихъ двухъ двоюродныхъ братьевъ: восторгъ и вдохновеніе. Посмотрите, величайшій, по болѣзненной интуиціи, прозорливецъ Достоевскій, говоря о Бѣлинскомъ, никогда не употребляетъ слова «вдохновеніе». Для «неистоваго Виссаріона» у него въ запасѣ есть слова «восторженная натура». У Достоевскаго, этого ювелира слова, этого кудесника, знавшаго волшебную тайну музыки словъ, ихъ разстановки, ихъ оркестровки, не спроста дѣлался выборъ термина.

Восторгъ, даже не восторгъ, а восторженность, «неистовость», умиленность — типичныя черты праотца нашей интеллигенціи. И она хранитъ это фа-

мильное сходство. Война выявила это лишній разъ. Въ народѣ — тяжкій, угрюмый трудъ войны. А «наверху» — «восторги безъ конца». Поднятость, подвинченность, минутность, неврастеничность, «неистовость». Невольно вспоминаешь солнечнаго Пушкина: «Восторгъ исключаетъ спокойствіе — необходимое условіе прекраснаго». О какомъ «спокойствіи» можетъ идти рѣчь? Развѣ это въ нашемъ стилѣ, въ нашемъ «восторженномъ», всхлипывающемъ (глаза на мокромъ мѣстѣ) характерѣ? Развѣ мы, эти духовные „die oberen Zehntausend" показали народу планъ происходящаго? А если его, этого плана, вовсе не было, зачѣмъ же примазались къ войнѣ, зачѣмъ барабанили? Очень просто: и эти «верхніе десять тысячъ» не лгали, они были искренни. Подобно тому, какъ лгавшій Хлестаковъ самъ вѣрилъ во всѣ причудливые извивы своего вранья и въ испанскихъ посланниковъ, сидѣвшихъ съ нимъ за картами, такъ и интеллигенція или, точнѣе, большіе слои ея восторгались и сами вѣрили въ фантомы своего восторга, своей неистовой восторженности.

Не было плана. Не было эпоса. Не было народной Иліады.

Не ощетинилась Русь; не изготовилась къ послѣднему прыжку; не присѣла, оскаливъ зубы, на заднія ноги; не напрягла своихъ мышцъ единой, мучительной, забывающей все, полубезумною волей. Вятскій солдатикъ говорилъ: «Намъ ничего. До насъ не дойдутъ».

И менѣе всего виноватъ самъ народъ, въ расползавшихся сѣрыхъ шинеляхъ отсидѣвшій свои годы.

Виноваты эти oberen Zehntausend, «идеологи», не смогшіе подсказать плана, никогда его, впрочемъ сами не имѣвшіе.

И это съ потрясающей, жестокою очевидностью показала Революція. Въ ней былъ прекрасный и святой восторгъ. Шелестъ знаменъ. Пурпуръ знаменъ. И ласкающая красота лозунговъ. Неистовый Виссаріонъ не одинъ разъ сходилъ бы на Марсово поле, могилу первыхъ жертвъ революціи, и не одну волнующую страницу посвятилъ бы этому «нынѣ отпущаеши». Узналъ бы «кто виноватъ?» — просіявшій Герценъ. И не спрашивалъ бы больше, «что дѣлать?» Чернышевскій. И дѣйствительно, развѣ на столбцахъ порозовѣвшей, покраснѣвшей всѣми оттѣнками соціализма, прессы не лучился восторгъ? Развѣ не проступала всхлипывающая, почти нервозная восторженность?

Революція въ этой плоскости, какъ ее замыслили февральскіе и мартовскіе творцы, — не удалась. Она соскочила съ колеи въ іюлѣ и понеслась вскачь въ невѣдомую даль въ октябрѣ 1917-го. Не удалась и война. Это страшный, обрекающій приговоръ, словно стукъ гвоздей о крышку гроба. Ибо ни въ революціи, ни въ войнѣ не было торжественнаго, величаваго, смывающаго все мелкое, земное и временное вдохновенія. Восторгъ былъ. Не даромъ онъ излился въ звукахъ Руже-де-Лиля, заимствовавъ изъ его Марсельезы контрапунктъ революціоннаго «дѣйства».

Ужасъ въ томъ, что не было вдохновенія, великаго, переходящаго въ вѣка, какъ Парфенонъ или

Акрополь. Былъ восторгъ партій, блескъ лозунговъ, манящая теплота обѣщаній и животная радость погрѣться на солнышкѣ свободы, на самомъ припекѣ, раскорячившись.

«Восторгъ непродолжителенъ, непостояненъ, слѣдовательно, не въ силахъ произвести истинное, великое совершенство. А вдохновеніе нужно также въ геометріи, какъ въ поэзіи». (Зап. книжка Пушкина).

Вотъ именно. Этого у насъ не было. Не было геометріи. Не было плана. Прямая Евклидовская черта войны шла зигзагомъ и оборвалась въ какой-то provалъ падучей, трясущейся линіей. Кривая революціоннаго подъема расщепилась, и распылилась волнистыми блѣднѣющими, угасающими линіями. Народъ, потерявшій свой планъ. Вѣрнѣе, не получившій его отъ своей интеллигенціи. Народъ, потерявшій свой путеводитель, свой «Бедекеръ». Народъ, имѣвшій своимъ поводыремъ человѣка, привезшаго еще со временъ Ленскаго изъ Германіи «учености плоды, духъ пылкій и довольно странный: всегда восторженную рѣчь и кудри черныя до плечъ».

Мышцы не напряглись послѣдней, рѣшающей волей для борьбы ни на войнѣ, ни въ революціонномъ тылу. И тутъ, и тамъ волевымъ большевикамъ не трудно было взять утомившихся, запарившихся людей почти голыми руками. Надо въ этомъ признаться: не умѣли хотѣть до конца. Были чужды вдохновенію.

Должны были строить Акрополь, а въ падучей колотили Василія Блаженнаго.

И въ войнѣ, и въ революціи дали восторгъ, не давъ вдохновенія. А только во вдохновенномъ — великое. Ибо Гомеръ всегда выше Пиндара.

«Если народъ сломится», — писалъ когда-то Герценъ, — «новый Китай неминуемъ».

Что-жъ будетъ дѣлать «китайская интеллигенція?»

«Блѣдная немочь» — сказалъ какъ-то Мережковскій про нее. «Слово у нея для слова, а не для дѣла. Чтобы вылѣчиться, надо вернуться къ дѣлу. Хорошо говоритъ тотъ, кто хорошо дѣлаетъ».

Неужели же Русь не заслужила вмѣсто словесной оды — эпическаго дѣла?

Была и нѣтъ.

Недавно, въ разговорѣ, одинъ знакомый швейцарецъ сказалъ съ какимъ-то особеннымъ оттѣнкомъ убѣжденности и удовлетворенія:

— У насъ, въ Бернѣ, этого-бы не позволили.

Простая, пустяшная фраза, вырванная изъ разговора. Но онъ произнесъ ее съ такимъ внутреннимъ вкусомъ, съ такими, устремленными вглубь, внутрь себя глазами, что она пріобрѣла сразу словно значеніе символа вѣры: «У насъ въ Бернѣ». Точно заглянувъ въ душу, онъ видѣлъ свои улички, изящныя, картонажныя горы, съ подклеенными къ нимъ гумми-арабикомъ игрушечными соснами, кондитерскими коровками и сахарными глетчерами. Онъ вспомнилъ все это и сказалъ просто и убѣжденно, словно прислушивался къ себѣ: «У насъ въ Бернѣ». У него есть, этотъ Бернъ, pied-à-terre духа. Онъ рабочій или фабрикантъ, артистъ или поденщикъ, — безразлично — у него есть этотъ «Бернъ». Онъ возвращается къ нему мысленно, какъ для провѣрки. Онъ смотрить въ него, какъ въ vade-mecum души, какъ въ Бедекеръ, какъ въ справочникъ. Когда возникло какое-либо жизненное сомнѣніе, когда

нужно опредѣлить свое отношеніе къ новому жизненному вопросу, когда надо этотъ вопросъ измѣрить, — вытаскивается «аршинъ» — «у насъ въ Бернѣ» и мѣрится. Не укладывается — плохо; уложится — хорошо. У нихъ есть съ чѣмъ сравнивать.

А у насъ?

Кто внѣдрялъ намъ въ душу наше: «у насъ въ Бернѣ»? Кто въ дѣтствѣ училъ любить свое? Кто научалъ аромату родного, родныхъ полей, васильковъ, — лѣсовъ, лапчатыхъ сосенъ и бѣлыхъ стройныхъ, какъ подвѣнечныя дѣвушки, березъ... Кто приходилъ и указывалъ, будилъ въ душѣ это чувство, робкое и трепетное, какъ любовь, могущее внѣдриться и прорости всю душу, на всю жизнь цѣпкими корнями. Какой слой народа давалъ своему подроставшему поколѣнію, — дѣтямъ, этимъ «цвѣтамъ земли», атмосферу любви къ «своему»? Крестьяне? Тамъ была тьма. Любили, пожалуй, свое село, свои завалинки, плетень и косогоръ, душистое сѣно и хороводы за рѣкой. Но, вѣдь, это была скорѣе «туземная» привязанность къ тѣсно очерченному кругу земли, а не широкое созвучное ощущеніе общности всей земли. Уже пермякъ, какъ къ чужаку, шелъ къ туляку, а орловецъ иронически могъ поглядывать на «цокающаго» псковича. Солдаты разсказываютъ, что передъ самымъ штыковымъ боемъ, тягчайшимъ моментомъ современной людской бойни, въ окопахъ происходили какія то странныя перемѣщенія. Солдаты мѣнялись мѣстами. Земляки шли къ землякамъ. «Все-таки не такъ страшно. Свой пойметъ скорѣе»... Понятно, въ крестной дорогѣ, что прошла рус-

ская деревня по галиційскимъ полямъ — былъ безропотный подвигъ, было тихое, непротивленское подвижничество. Но ощущенія всеединости, слитности «общерусскаго фронта», этого гипнотизирующаго знаменія впереди: «Россія, Россія, наша Россія . . .» — этого не было.

Быть можетъ, мы — народъ, еще не прошедшій всего историческаго цикла науки о великодержавномъ и стойкомъ бытіи. Быть можетъ, для насъ Россія — это алгебра, нѣкоторый отвлеченный многочленъ, биномъ Ньютона, который «надо доказать». Арифметику, т. е. отдѣльныя, конкретныя величины мы прошли: Пермь знаемъ, Тулу знаемъ, село Раздоры знаемъ, деревню Неуважай-Корыто — тоже. А Россія?

Въ деревнѣ хоть есть еще какой-то ароматъ этой земной тяги, мысль о томъ, что кромѣ «нашей» задумчивой, рѣчки, «нашего», одѣтаго въ фату, въ утренній дымокъ, лѣса — есть еще другія русскія поля, лѣса и далекая чешуя серебристыхъ рѣкъ. Въ городѣ этой мысли нѣтъ.

Заводская печь обдаетъ гарью и дымомъ — тонкое кружево воспоминаній. Оно сгораетъ. Городъ — это хорошій нивелировщикъ для интернаціонала. Въ фабричныхъ трубахъ Луганска, Мангейма, Манчестера и Льежа — есть — неправда-ли? — какое-то «фамильное сходство».

. . . «У насъ, въ Бернѣ» спокойно и, какъ-бы задумавшись, словно прислушиваясь къ тихимъ и постоянно въ немъ звучащимъ струнамъ, сказалъ швейцарецъ. А мы?

Касаясь Герцена, этого типичнѣйшаго русскаго интеллигента, Достоевскій въ статьѣ «Старые люди» говоритъ: «Герценъ не эмигрировалъ, нѣтъ, онъ такъ ужъ и родился эмигрантомъ».

Это мѣткія, ударныя, обрекающія слова.

Дѣйствительно, развѣ это не эмигранство? Максимумъ народности въ дѣтской — это двѣ-три лживыхъ, слащавыхъ сказочки старой няни. Затѣмъ „O Weihnachtsbaum!“ безчисленныхъ нѣмокъ, окружающихъ дѣтство у иныхъ или „nous ne saipons pas, vous ne saipez pas“, какъ у «Иванова Павла» — у другихъ. Уже въ «буржуазной» дѣтской — все чужое. А потомъ, на жизненной стезѣ . . . чужое, чужое. Въ гимназіи кружки для изученія Смайльса и Спенсера, а затѣмъ и Маркса. А послѣ?

Борьба ортодоксальнаго марксизма съ «соглашательствомъ» бернштейніанствомъ; «штирнеріанство»— у болѣе яркихъ натуръ; «ницшеанство»; послѣ этого «мистическій анархизмъ», философія Авенаріуса—Маха и, наконецъ, позднѣйшій «бергсонизмъ» . . .

Все наиновѣйшее, чужое, все взятое съ заграничнаго прилавка съ восторгомъ приказчика изъ Чухломы, разворачивающаго лайковыя перчатки изъ Парижа, духи отъ «Убигана». Неужели въ этомъ есть что-то родственное съ туарегами, которымъ надо показывать блестящіе бусы для обмѣна на слоновые клыки? Эти бусы, этотъ сверкающій перебѣгающій блескъ позолоты, зелени, сини, пестрыхъ обложекъ, модныхъ школъ — характерны для «покупателей» колоніальныхъ странъ . . . Тамъ хорошо идутъ бусы и игрушки „Made in Ger-

many", школы и направленія „Made in Europe"... Вѣдь у насъ не было «школы» Достоевскаго, не было его трепетнаго, внимательнаго, благоговѣйнаго изученія. Мизерныя непротивленскія колоніи съ рубкой дровъ и опрощеніемъ — развѣ это «толстовство?» Не было полосы, не было «эпохи» нашихъ — мыслителей. Достоевскаго сдали въ «реакціонеры», Толстого — на потребу опрощавшихся одиночекъ.

И все.

Чтобы быть сильнымъ, чтобы напитать собою всѣ поры души, — каждое чувство должно въ нее просачиваться медленно и незамѣтно. Оно, это чувство, должно дѣйствовать, какъ эманація радія невидимыми лучами, проникая, пронизывая, заполняя, расщепляя поры души. Нужна «повторяемость» обстановки, текучесть и длительность тѣхъ формъ, которыя окружаютъ душу съизмальства. Нуженъ «бытъ».

Нуженъ «бытъ».

Бытъ — это ритмъ жизни. Созданная изъ повторяющихся, дѣйствующихъ какъ музыкальный аккордъ, какъ консонансъ, мелочей, обстановка. Гипнотизирующая нашу душу, создающая ей фонъ. Безъ этого экрана, безъ этой «задней декораціи» — нѣтъ выпуклой живости, нѣтъ и не можетъ быть яркой, сильной и упоенной бытіемъ жизни. А у насъ,—у интеллигенціи сугубо,—не было быта. Сумбурная личная жизнь, жизнь какъ «перекати поле»; оторванность отъ всего, кромѣ доктрины и почти религіознаго маньячества: «общественнаго служенія»—интеллигенціи народу.

Вотъ онъ, этотъ «безбытный», аритмичный, какъ перебои темпъ нашей жизни.

Для укрѣпленія жизни, для ея цементованія — нуженъ бытъ, нужна журчащая, текучая «обстановка» mise en scène бытія. И не буржуазный, мѣщанскій уютъ — нѣтъ. Пусть убогій, пусть трудовой, пусть тяжкій, трудный — но пусть это будетъ бытъ. Его полюбишь, имъ напитаешься, онъ заполнитъ всю душу крѣпкимъ, отстоеннымъ запахомъ, какъ внесенная въ горницу береза на Троицу.

А у Weltbürger'a не можетъ быть быта. Мы же, такъ и не познавшіе Россіи, воистину «вагабунды», citoyens du monde. Бытъ—это своего рода воспитаніе души. Потомъ пускай она будетъ, эта душа, какой хочетъ: и «ницшеанской», и буржуазной, и безразличной. Но основа, азбука, мускульная гимнастика души — должны быть продѣланы.

И это можетъ дать только бытъ. Ароматъ насъ окружающаго. Особенно въ дѣтствѣ и юности. И будь это у насъ, мы полюбили бы святой и дѣйственной любовью нынѣ насилуемую, гдѣ-то у забора, нашу же мать-родину. Мы бы вдругъ поняли, что, за эти монастыри, за облѣзлыя, потрескавшіяся стѣны, у обрывовъ краснаго суглинка, за печально застывшія зеркальными пятнами озера, у лѣсныхъ повитыхъ туманомъ опушекъ—мы должны бороться, должны умирать. Пойми мы это, почувствуй — и борьба была бы предрѣшена. Моментъ зачатія этой мысли въ себѣ — это былъ бы моментъ побѣды. Ибо получить — это значитъ смертельно и до конца захотѣть. Мы не захотѣли. Ибо,

видать, нечего намъ было хотѣть. Не любили, не знали, не любовались въ душѣ. Не могли сказать съ такой спокойной, непререкаемой и убѣжденной увѣренностью: «у насъ, въ Бернѣ» . . .

Разъ нѣтъ быта, нѣтъ этого жизненнаго фона, возможны самые несуразные, аритмичные, почти смертельные толчки, перебои національнаго сердца. Это хромота исторіи. Это — машина безъ регулятора. Это — лишившійся силы притяженія, аэролитъ среди семьи народовъ.

И надо глубоко заглянуть себѣ же въ душу. Есть ли боль? Есть ли скорбная мука? Есть ли тоска?

«На рѣкахъ Вавилонскихъ сѣдахомъ и плакахомъ» . . . . . или нѣтъ?

Налетъ злобы есть; боль безсилія и ожогъ стыда тоже. Но ужаса передъ дрогнувшей, свалившейся и изнасилованной уже матерью — нѣтъ. Катастрофа не отразилась въ народной душѣ. Падающая, какъ падаютъ въ картинѣ Брюллова, колонны Помпеи, падающая неумолимо и неотвратимо Россія, не разбиваетъ, видать, при своемъ паденіи народнаго сердца. А, стало быть, она въ немъ и не была. Вѣдь если умираетъ мать, то весь горизонтъ словно темнѣетъ въ тотъ мигъ. Склонишься передъ дорогимъ ложемъ «давшей жизнь». Склонишься, прижмешься лобзаніемъ. А мы?

Нѣтъ траура. Нѣтъ «разодранныхъ ризъ, посыпанной пепломъ главы».

Стало быть въ душѣ то у насъ Р о с с і и и не

было. И не было ни великодержавія ея, ни силы, ни мощи. Ибо ихъ въ душѣ не было.

Россіи вовсе и не было. Ибо ея не было въ нашей душѣ.

А хитрый Лука въ «На днѣ» не даромъ все повторялъ:

«Во что вѣришь, то и есть. Такъ то, милая».

Нѣтъ ея. И не было. Не было этой страшной, большой страны отъ «финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды». Это былъ фантомъ, миражъ. Это былъ отсвѣтъ изъ окна въ Европу, нынѣ заваливщагося. Двѣсти лѣтъ было, значитъ, оно, это географическое недоразумѣніе, а теперь нѣтъ его. Кончено.

Это была ошибка въ курсѣ географіи. Не было нашей родины, ни старыхъ, словно присѣвшихъ подъ бременемъ лѣтъ псковскихъ монастырей, ни выжженныхъ солнцемъ, сѣрыхъ, крытыхъ потемнѣвшей соломою избъ, ни величавой поступи деревенскихъ красавицъ, ни орловскаго говорка тургеневскихъ Хорей и Калинычей, ни черноземнаго Толстого, ни геніальнаго эпилептика-прозорливца Достоевскаго.

Родная мать опозоренная лежитъ тамъ, гдѣ то у забора. Народу некогда. Онъ втянутъ въ кровавый смерчъ психоза. Быть можетъ, именно онъ — то, народъ, и прольетъ потомъ о ней слезу и покается. Въ статьѣ «Власъ» Достоевскій роняетъ такія строки о народной душѣ: «Зато съ такой же силою, съ такой же стремительностью, съ такою же жаждой самосохраненія и покаянія русскій человѣкъ, равно какъ

и весь человѣкъ, равно какъ весь народъ, и спасаетъ себя самъ, и обыкновенно когда, дойдетъ до послѣдней черты, т. е. когда уже идти больше некуда. Но особенно характерно то, что обратный толчекъ, толчекъ возстановленія и самоспасенія всегда бываетъ серьезнѣе прежняго порыва — порыва отрицанія и саморазрушенія».

Кто знаетъ, быть можетъ, этотъ покаянный мигъ и наступитъ. Народъ, заверченный сейчасъ въ водоворотѣ, еще «сомутится въ сердцѣ своемъ». Но Weltbürger, родившійся въ Россіи эмигрантомъ, интеллигентъ, уже не воспрянетъ. О, онъ уйдетъ въ мистику, въ разочарованіе, также поверхностно осудитъ народъ, какъ предъ нимъ, «богоносцемъ», ранѣе ползалъ. Быть можетъ, истерическій отливъ опять отхлынетъ къ мутнымъ днямъ мистическаго анархизма, санинства, огарчества... И любоваться своей тоскующей душой будетъ онъ. И плакать. И убиваться. И новый Ропшинъ «сликвидируетъ» движеніе во второмъ «Конѣ блѣдномъ». И новый Сологубъ напишетъ новыя «Навьи чары».

Но Россіи онъ не пожалѣетъ, не пойметъ и не оцѣнитъ.

Ибо истерики всегда слезливы и жалостливы. Они, жалѣютъ, понимаютъ и цѣнятъ только самихъ себя.

И никто изъ нихъ не пожалѣетъ Россіи. Ибо некому. Есть народъ, а людей нѣтъ. Никто не пожалѣетъ

Была и нѣтъ.

Безмолвіе.

Пушкинскій «Борисъ Годуновъ» кончается короткою, многозначительною, полною жуткаго значенія — строчкой: «Народъ безмолвствуетъ».

Мосальскій выходитъ въ самомъ концѣ дѣйствія на крыльцо.

— «Народъ! Марія Годунова и сынъ ея . . . отравили себя ядомъ. Мы видѣли ихъ мертвые трупы. (Народъ въ ужасѣ молчитъ). Что-жъ вы молчите? Кричите».

«Народъ безмолвствуетъ».

Развѣ эта короткая строчка не повторяется съ жуткою, странною періодичностью, словно припѣвъ, въ разные періоды нашей исторіи. Когда мечтатели Волынскіе и Трубецкіе выводили гарнизонъ на площадь, часть солдатъ вмѣсто «конституціи» кричала «Да здравствуетъ Констанція»! А весь народъ?

Народъ безмолвствовалъ.

Какою тонкою пленкой являлся интеллигентскій слой надъ народной толщей въ народовольческія и «Кибальчичскія» эпохи шестидесятыхъ и восьмидеся-

тыхъ годовъ! «Въ столицахъ шумъ, гремятъ витіи, кипитъ словесная война, а тамъ, во глубинѣ Россіи» . . .

Народъ безмолвствовалъ.

Вскорѣ онъ заговорилъ, но когда въ 905-мъ сорвалась т. н. «третья» ноябрьская забастовка Хрусталева-Носаря, защелкали выстрѣлы Мина на Прѣснѣ и дробно, пачками отдались они разстрѣлами Римана на Люберцахъ, — Витте сразу взялъ вправо. Къ 905-му году, къ этому упорному, вихревому, точно языкъ пламени, провозвѣстнику 917-го — была поставлена точка. Петроградскій, тогдашній совѣтъ рабочихъ взывалъ къ новой забастовкѣ, но проснувшійся утромъ петербуржецъ все-же видѣлъ упрямо бѣжавшіе по рельсамъ трамваи, вѣера газетъ у продавцовъ на углахъ и сутулыхъ извозчиковъ, мокшихъ подъ унылой сѣткой петербургскаго дождя. Носаря не послушали. Вскорѣ за нимъ спокойно и грузно, какъ Судьба, закрылась дверь петропавловской камеры или Крестовъ. Началась реакція.

Народъ безмолвствовалъ.

Потомъ въ началѣ «большой» революціи, у широкихъ слоевъ демократіи небольшой ея группой болѣе дѣйственной, болѣе рѣшительной, болѣе дерзающей были отняты, отхвачены цѣлые куски изъ великой хартіи свободъ. Кучка властвовала. Группа распоряжалась. Единицы командовали.

Народъ безмолствовалъ.

А интеллигенція?

Увы! Мало кто возвысился до мужества признать, наконецъ, тягчайшія ошибки интеллигентскихъ вождей.

А, казалось бы, возвыситься можно-бы. Мы на такой Голгоѳѣ, что вокругъ ясно виденъ стелющійся горизонтъ позора и ужаса. Но какъ же можно признаться? Какъ можно на бѣлизнѣ партійной одежды, на чистотѣ тоги — оставить слѣдъ признанія? Бѣлизна догмы, непогрѣшимость доктрины, незапятнанность лозунговъ— должны сіять ореоломъ надъ батрацкими хатами «Разутова, Знобишина, Горѣлова, Неѣлова, Неурожайки — тожъ». И это поразительнѣйшая черта той интеллигенціи, которая возглавляла собою «демократическія» крупныя и мелкія организаціи. «Ахъ, Боже мой, что станетъ говорить революціонная Марья Алексѣевна?!»

Только-бы не показаться отсталымъ. Только-бы не осудилъ сосѣдъ. Только-бы не пропустить послѣдняго пароля, лозунга, клички, ярлыка и плаката. Ничто не проходитъ черезъ душу насквозь, ничто не проростаетъ ее корнями, ничто не просачивается сквозь нее тяжелымъ давленіемъ изученія, мысли, напора, труда. Нѣтъ, все берется на вѣру, всѣ лоскутья, слова, мысли, брошюры и книги — какъ модный нарядъ. Интеллигентская масса эпохи «начала революціи» вся была въ гипнотизирующей власти пестрыхъ обложекъ, лозунговъ, яркихъ кличекъ и звонкихъ именъ.

Онъ, этотъ среднiй русскій интеллигентъ изъ числа «примкнувшихъ къ движенію» или даже имъ руководящихъ — былъ въ большей части пронизанъ дѣйствительной любовью къ народу, былъ напоенъ дѣйствительнымъ состраданіемъ къ нему, полонъ, порою, настоящаго самоотреченія. Но его любовь къ народу, его

напоръ къ работѣ «за народъ» — есть просто «презумпція», предикатъ, апріорное подразумѣваемое его души. Онъ просто «за народъ»; это такое-же духовное свойство его нутра, какъ физическое строеніе легкихъ или составъ его кровяныхъ шариковъ. Это неотъемлемое свойство такого русскаго интеллигента, выросшаго на нашей, сплошь народнической литературѣ; это просто есть «данное» его души, какъ есть «данныя» въ теоремахъ. Такой интеллигентъ всегда «за народъ»; его намѣренія — честны; его планы чисты; его устремленіе опредѣленно. Но эти намѣренія — бездѣйственны; планы — воздушны и устремленіе — безмускульно. Онъ «за народъ» — но не претворяетъ этотъ лозунгъ въ строительство. Его воля дрябла, слаба, порывиста, половинчата, неврастенична... Вспомните первый періодъ, самые давніе, ранніе мѣсяца большевистской власти.

...Возьмемъ большую электрическую станцію, сплошь состоящую изъ аккумуляторовъ, т. е. изъ сгущенныхъ пріемниковъ и хранителей накопленной и ждущей своего разряда энергіи. И возьмемъ рядомъ небольшую, дрянную, трясучую, полусломанную, н о в с е - ж е р а б о т а ю щ у ю динамо-машину. Лишимъ эти аккумуляторы обоихъ кабелей, по которымъ долженъ былъ-бы побѣжать, какъ по гигантскимъ жиламъ, накопленный токъ и, наоборотъ, пустимъ въ ходъ эту небольшую, на живую нитку свинченную, десятисильную динамо-машину. Рядомъ аккумуляторы въ тысячу силъ, но они стоятъ. Тутъ же «самодѣльщина» въ десять силъ, — но она работаетъ. И въ этомъ вели-

кое очарованіе всякой кинетической энергіи каждаго дѣла, — что оно побѣждаетъ любую потенцію, находящуюся въ бездѣйствіи. Живая протоплазма, мерцающая своими усиками и тихо дробящаяся на ядра — сильнѣе, осмысленнѣе и съ точки зрѣнія жизни болѣе оправдана, чѣмъ мертвый или парализованный левъ. Вся та Россія, что не приняла участія въ лихомъ набѣгѣ единицъ на власть — стояла въ сторонѣ. Много «аккумуляторной» сгущенной силы было у этихъ, стоявшихъ въ сторонѣ отъ захвата, партій. Много вольтажа на вдохновеніе. А тутъ рядомъ была наскоро свинченная «динамо». Она грохотала, дрожала, сыпала искры и еле давала «десять силъ». Но на фонѣ общаго молчанія, общаго бездѣйствія, однѣхъ только благихъ «потенцій» — она, эта машинка — стала адской машиной нашего бытія. Къ нашимъ тысячевольтнымъ возможностямъ не были канализированы кабели дѣла. Мы могли, но не дѣлали. Хотѣли-бы, но не смѣли. Знали, что нужно, но не дерзали. А они дѣлали. Они смѣли. Они дерзали. Мы «могли-бы», дать тысячу вольтъ и сидѣли. А они въ началѣ съ трудомъ могли дать десять, но давали.

Въ этомъ вся разница.

Ибо велика, огромна, невыразима та мистика, которою окутано всякое дѣйствіе. Дѣйствіе — это оплодотвореніе инертной массы бытіемъ. Дѣйствіе можетъ быть худымъ и хорошимъ, но оно всегда лучше всякаго бездѣйствія. Дѣйствіе — это подлинная мистика, подлинный секретъ, «живая вода» жизни вообще. Чтобы получить жизнь, матерія должна была прид-

ти въ движеніе, т. е. должно было явиться — дѣйствіе. Шопенгауэръ дѣлитъ все бытіе, весь міръ на волю и на представленіе. Странно, что «воля» въ революціи сосредоточилась въ одной небольшой группѣ, а «представленіе», т. е. созерцаніе сдѣлалось удѣломъ подавляющаго большинства. Какая странная декорація: на фонѣ этого созерцающаго, подавляющаго своей численностью большинства — небольшая группа, полная одной только волей, чистой волей, безъ капли предвидѣнія, безъ унція созерцанія. Въ своихъ афоризмахъ, являющихся порою какъ-бы комментаріями къ основному труду о «волѣ и представленіи», Шопенгауэръ говоритъ о трагическомъ удѣлѣ тѣхъ характеровъ, у коихъ «воля» и «созерцаніе» не находятся хотя-бы въ нѣкоторомъ уравновѣшивающемъ соотношеніи.

Если преобладаетъ воля, — налицо бурная, стремительная натура, не умѣющая предвидѣть, не умѣющая соразмѣрить и горько расплачивающаяся за перевѣсъ своей воли. Если преобладаетъ созерцаніе—предъ нами натура квіэтическая, вялая, пассивная, безъ искры дѣйствія, безъ позыва къ творческому проявленію во снѣ. Что справедливо по отношенію къ отдѣльнымъ видамъ, то правильно и для человѣческихъ коллективовъ. Группы, съ одной волей, безъ рефлекса и безъ предвидѣнія, —страдаютъ отъ избытка дѣйственности. Противоположныя — отъ ея недостатка. Какой однако, ужасъ если является такой lusus соціальной naturae когда въ группахъ нѣтъ «соотношенія», а одна группа, хотя бы и очень малочисленная, есть чистая воля, а другая, хотя бы и очень подавляющая, есть голое созерца-

нiе. И эту «игру природы» по трагическому року, выпавшему на долю Россiи, сейчасъ переживаемъ мы. Безумiе группы, стоящей у власти, въ томъ, что въ ней нѣтъ ни представленiя, ни созерцанiя, ни предвидѣнiя. Безумiе и обреченность всей остальной Россiи въ томъ, что въ ней нѣтъ воли. «Воля и созерцанiе» сгустились, какъ квинтъ-эссенцiи и скопились на двухъ противоположныхъ полюсахъ; на одномъ только воля; на другомъ только бездѣйствiе.

И уже много лѣтъ Мосальскiе изъ вчерашнихъ демократовъ, выбѣгаютъ на всероссiйское крыльцо и кричатъ почти дословно изъ послѣдняго дѣйствiя «Годунова»:

— «Народъ! Твои свободы отравлены страшнымъ ядомъ. Мы видѣли сейчасъ трупы (народъ въ ужасѣ молчитъ). Что-же вы молчите? Кричите-же»?

Народъ безмолвствуетъ.

———

„Сирано“.

Вы помните у Ростана?

Сирано-де-Бержеракъ, захлебываясь, весь кипя въ творческомъ горнилѣ, подсказывалъ странныя «поэзы» своей любви Кипріану... Тотъ ихъ усваивалъ, и подъ балкономъ прекраснѣйшей Роксаны лилась рѣчь изъ чужихъ устъ, но рожденная творческимъ экстазомъ самого Сирано. Онъ-же тоялъ въ сторонѣ, потупясь, незнаемый, невѣдомый, истинный авторъ вдохновенной «поэзы».

Эта странная судьба Сирано, мечтательнаго, вспыхивающаго, рыцарскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ, мягко уступчиваго Донъ-Кихота—выпала—какимъ то роковымъ броскомъ игры въ кости—на долю нашей интеллигенціи. Судьба бросила двѣ кости. Крутясь и подпрыгивая, онѣ полетѣли. На одинъ мигъ, на одинъ только мигъ—показалось, что для интеллигенціи выпалъ максимальный выиграшъ: двѣ шестерки. Но кости взвились дальше и сейчасъ, когда онѣ опять замерли—виденъ итогъ: двѣ пустышки.

Интеллигенція, — развѣ не она нашептывала народу всѣ тѣ грезы, которыя насильственно воплощаются

въ жизнь? Грезы, вѣдь, это — бутонъ. Онъ долженъ распуститься самъ, тихій и благословляющій, рожденный живымъ сокомъ земли, напряженный внутренними, переливающимися въ немъ силами. А у насъ хотятъ расковырять бутонъ пальцемъ . . . «чтобы цвѣтокъ скорѣе распустился» . . . чтобъ на землѣ сейчасъ-же, вотъ сію минуту, послѣзавтра, въ будущую среду — засіяло-бы царство добра и истины. Сразу, самой послѣдней, наисправедливѣйшей истины.

Вотъ этотъ максимализмъ, это сектантство—развѣ не сама интеллигенція, нашептала нынѣшнимъ творцамъ момента?

И она стоитъ, какъ на чужомъ пиру. Оттертая, оттиснутая, въ черной, траурной шали — она уже не участница, эта бѣдная родственница, иногда только, если она докажетъ, что отошла отъ мелкобуржуазности, скрѣпя сердце, подпускаемая къ общему столу.

Не хочется задавать вопросовъ, ставшихъ уже захватанными: а кто былъ въ Зерентуѣ, кто въ Акатуѣ? Кто вспоилъ, напиталъ своимъ сокомъ — эти самыя догмы, что были такой щедрой, чужой пригоршней брошены на политическій базаръ? Словно шинкованная капуста, для базара, наструганы изъ этихъ идей легковѣсныя брошюры. Но кто замыслилъ ихъ зерно, кто долгой шлифовкой, въ атмосферѣ-ли полу-легальной борьбы при самодержавіи или въ ссылкѣ, гранилъ и, какъ драгоцѣнность, отдѣлывалъ догму «служенія народу»? . . Вѣдь, это былъ лучшій и почти единственный брилліантъ въ коронѣ русской интеллигенціи. А она воистину могла бы быть коронована въ

началѣ революціи. Всѣ ея лучшія чаянія, упованія, весь медовый сокъ ея радостныхъ думъ, то робкихъ, то взрывныхъ дерзаній начиная отъ буржуазнаго адреса— тверскихъ земцевъ и кончая эсеровскимъ взрывомъ Каляева у Кремля — получили живое воплощеніе, получили узаконенное, радостное бытіе. Она, вѣдь, она, именно интеллигенція, выносила, выпѣстовала и мечту объ общинѣ и догму марксизма, держась то за Михайловскаго, то за Ленина, то за фабричную трубу, то за батрацкую хату. Вѣдь, догма служенія народу, безкорыстная, самодовлѣющая, ни въ какую марксистскую ячейку и графу не укладываемая — была какъ лампада у интеллигенціи. Это былъ брилліантъ души во много каратъ, такой тяжелый, какъ тяга Микулы Селяниновича.

И интеллигенція, этотъ Сирано, нашептывавшій другимъ свои же творенія и чуждо и одиноко стоящій нынѣ въ углу, сама, вѣдь, плакала надъ Рѣшетниковымъ, терзалась вмѣстѣ съ Добролюбовымъ и говорила: «Выростешь, Саша . . . узнаешь» . . . вмѣстѣ съ Некрасовымъ. «Темное царство» клеймилъ этотъ Сирано. И рыцарскій вѣнокъ сплеталъ онъ всѣмъ борцамъ за свободу, начиная съ декабристовъ.

Развѣ вы не знакомы съ Сирано-де-Бержеракомъ, создавшимъ и отдавшимъ другимъ лучшія мечты своего сердца, разсыпавшимъ алмазы своего творчества на длинномъ пути, начиная съ Радищева и кончая его выступленіями въ зиму 916-го года, незадолго до мартовскихъ «идъ»? Развѣ вы съ нимъ не знакомы?

А студентъ 905-го года, въ убогой конурѣ «печатавшій» гектографированныя прокламаціи, звавшій на милую, разсѣченную плетьми и нагайками Казанскую площадь, звавшій «впередъ, за волю и народъ»,—развѣ это не Сирано? Развѣ эти сотни и тысячи жизней, дѣвушекъ и юнцовъ буржуазнаго класса, побивавшихся камнями, не преслѣдовались съ тупой и злобной жестокостью? Или это уже забыто?

«Сирано подсказалъ другимъ, что говорить, и теперь можетъ идти» . . .

Развѣ наши университеты не были застрѣльщиками политической борьбы въ мрачнѣйшія эпохи реакціи? Вѣдь, тамъ, у этихъ сыновей, въ большинствѣ буржуазнѣйшихъ семей — развѣ не тлѣлъ самый святой огонь «аще за други своя»? . . Вы помните Вѣтровскую исторію, когда посаженная въ Петропавловку (1899) курсистка Вѣтрова сжигаетъ себя, облившись керосиномъ? И пароксизмъ, въ которомъ послѣ этого свыше пятнадцати лѣтъ жили наши буржуазные разсадники высшихъ знаній?

Вѣдь, идеологія соціализма тоже вынашивалась въ нѣдрахъ интеллигенціи. Это сектантство, это мечта о «святомъ градѣ Китежѣ», о Царствіи Божіемъ на землѣ — самая дорогая ладонка, самый зачарованный благословенный талисманъ рыцарскаго Сирано.

И какой они великолѣпный символъ, эти Сирано, повѣдавшіе все своимъ ученикамъ, все имъ подсказавшіе, какъ по шпаргалкѣ и нынѣ стоящіе гдѣ то внѣ, въ

тѣни, съ тоскливою мукой въ груди, какъ стоялъ безумецъ, поэтъ Бержеракъ...

Нынѣшніе дни для этихъ страдальцевъ за народъ едва ли не горшая Голгофа, чѣмъ та, на которую они влеклись раньше. Когда они видятъ, куда втянутъ народъ «богоносецъ», какъ, далекіе, казалось бы, заглохшіе инстинкты пляшутъ «краснаго пѣтуха» по городамъ и весямъ, что дѣлается въ душѣ у боровшейся годами, десятилѣтіями за народъ интеллигенціи? Что у нея въ душѣ? Не то же ли, что у Андреевскаго профессора Сторицына, когда онъ почти съ мистическимъ ужасомъ всматривается въ «низкій лобъ» своего сына? Вы помните это мѣсто? Это кошмарное, едва ли не сильнѣйшее по трагическому символу мѣсто драмы:

— «А! Профессоръ Сторицынъ! Красота и нетлѣнное!.. Мученикъ и страдалецъ! Чистота и незапятнанность, да? А низкій лобъ не хочешь?.. Къ дьяволу на рога меня... болтуна! На колѣни, Сторицынъ, передъ низкимъ лбомъ».

Дальше слѣдуетъ авторская ремарка: «вдругъ страшно блѣднѣетъ и хватается за грудь».

— Постой!.. Сердце!

Много сердецъ охвачено сейчасъ этимъ пароксизмомъ отчаянія. Много мечтаній сейчасъ втаптываются въ грязь. Какъ поется въ грустной и нѣжной англійской пѣснѣ:

— Many a hearts that are breaking...

— (Много сердецъ разрывается),

— Many a dreams that are over...

— (Много мечтаній кончается).

Сирано подсказалъ все, разсказалъ все, пережилъ все. Сейчасъ онъ какъ, буржуй, стоитъ въ сторонкѣ, прижавъ руку къ страдавшему за народъ сердцу.

— На колѣни Сторицынъ! На колѣни предъ низкимъ лбомъ . . .

Вѣра и будни.

Всю жизнь стремился герой Ростана увидѣть свою далекую владычицу, прекрасную мечту, принцессу Грезу. Какъ у мистическаго нѣжнаго поэта Блока, горѣла и у наго лампада передъ Прекрасной Дамой, таинственною Незнакомкой. Всѣ помыслы, всѣ упованія, все устремленіе духа были къ Ней . . . Уже больного, уже разслабленнаго рыцаря привезли на парусной галерѣ къ Принцессѣ Грезѣ. . Передъ тѣмъ, какъ холодные пальцы великой избавительницы Смерти легли на его усталый лобъ, ему суждено было увидѣть свою Мечту . . .

Вы помните эту красивую поэму, разсказанную утонченнымъ, изысканнымъ, стоящимъ одною ногой на грани манерности—Ростаномъ? Въ пѣвучихъ строфахъ, слегка изломанныхъ, чуть-чуть самовлюбленныхъ—онъ коснулся величайшей способности человѣческаго духа: в ѣ р ы, маніакальной вѣры въ мечту, въ созданіе своей души. Вѣры, поглощающей всего человѣка безъ остатка. Великаго пламени, сжигающаго всю душу на кострѣ. Вѣры, подобно колесницѣ Джаггернаута, давящей, съ обрекающимъ хрустомъ восторженныхъ сыновъ Ганга. — Вѣры!

Развѣ и у насъ ея не было?

Вѣрилъ Радищевъ. Вѣрилъ Новиковъ. Вѣрили декабристы. Въ тундрахъ, прикованные къ тачкамъ, держась за ихъ скользкія обледенѣлыя ручки, толкая тяжелый грузъ замерзшей руды — вѣрили, вѣрили. Словно Русь толкали впередъ и вѣрили въ нее. Словно и Русь была обледенѣлой, замерзшей и должна была оттаять.

Оттаяла—ли?

«Увижу-ль я, друзья, народъ освобожденный?» — спрашивалъ вскорѣ послѣ нихъ другой великій «вѣрующій».

Вѣрили. Вѣрили въ одну мечту, въ одну свѣтлую точку, какъ маякъ, какъ далекій неугасимый огонекъ.

Вотъ эта вѣра въ Русь, въ народъ, въ его и нашу общую свободу не была-ли подлинно неугасимою лампадой предъ иконою нашей вѣры: «Всѣхъ Скорбящихъ Радости?»

Вѣрилъ «неистовый Виссаріонъ». Вѣрилъ блестящій Искандеръ, Аксаковъ, Хомяковъ, Чернышевскій. Не только вѣрили, но вслѣдъ за Пестелями, Волконскими и Трубецкими — многіе тоже держась за обледенѣлыя, скользкія ручки, двигали тачки акатуйской и нерчинской руды. Словно тяжелую, примерзшую къ мѣсту Русь съ точки сдвигали.

И вѣрили.

Славянофилы—въ самобытность и общину. Западники — въ сліяніе съ Европой. И въ народъ. «Такой великій языкъ», сказалъ то-же одинъ изъ «вѣрую-

щихъ», — «не можетъ не быть данъ великому народу».

Вѣрили въ народъ.

Вѣрилъ и, облыжно ославленный «реакціонеромъ» мятущійся авторъ «Записокъ изъ подполья», запрятанный туда за эту—же вѣру. Весь его дневникъ послѣднихъ годовъ жизни — есть одно упованіе, одно экстатическое, почти эпилептическое (онъ, вѣдь, этимъ и болѣлъ) проникновеніе въ народную душу. Одно колѣнопреклоненное моленіе предъ народомъ. И если клеймилъ, то любя. И если бичевалъ, то страдая. Если въ «Дневникѣ Писателя» обнажалъ язвы народа, то дѣлалъ это, мучаясь, любя и волнуясь, словно свои или матери своей язвы показывалъ, словно себя самого бичевалъ. И на всей душѣ Достоевскаго эти рубцы отъ собственныхъ плетей. Вѣря въ народъ, обнажая народъ, любилъ его. Клеймя его язвы, страдалъ за нихъ. Бичуя, полосовалъ самъ себя. А въ будущее вѣрилъ. Вѣрилъ вдохновенно, какъ только можетъ вѣрить великій прозорливецъ, одержимый таинственною падучей, которую Пифіи считали общеніемъ съ богами, средніе вѣка — договоромъ съ дьяволомъ и нашъ простой народъ — «святою болѣзнью». Вѣрилъ въ народъ, считая его Мессіей, которому, что-то новое дано открыть, что-то вдохновенное дано міру принесть. Какъ у Брюсова: «Не знаю самъ какая, но все-жъ я міру вѣсть».

Такъ и Достоевскій, вѣруя, считалъ народъ за сфинкса. И становясь предъ нимъ, какъ предъ загадкой, — вѣровалъ.

А народническая литература школы Успенскаго и Рѣшетникова, — развѣ не вѣрила въ своихъ «подлиповцевъ» или въ «Растеряеву улицу?» Любила, хотя и обличала.

Какъ маленькія часовенки, какъ кресты на придорожьяхъ у польскихъ деревень, повсюду разбросаны по пути литературы русской, эти скиты вѣры въ народъ и любви къ нему. Вѣрилъ и марксизмъ — въ его фабричную блузу, и Михайловскій — въ его крестьянскую свитку, и Булгаковъ съ Бердяевымъ, повернувшіе «отъ марксизма къ идеализму» — въ его душу. Вѣрилъ и яснополянскій отшельникъ, такъ вѣрилъ, что построеніе земной жизни перенесъ отъ «научнаго соціализма» просто въ душу живу каждаго отдѣльнаго человѣка, повторивъ: «Царствіе Божіе внутри васъ есть». Такъ вѣрилъ...

И также пламенно и вдохновенно, какъ литература, вѣрила въ народъ и Революція. Такъ вѣрила, что, словно околдованная далекимъ, немеркнущимъ свѣтомъ, шла, не видя жизни подъ ногами, не видя рытвинъ и косогоровъ, не видя зазіявшей передъ нею пропасти... Вѣдь во всемъ «первомъ» періодѣ нашей революціи знаменательна именно эта упорнѣйшая, фанатическая, сектантская вѣра.

Въ революціи, въ ея вождяхъ, жрецахъ и апостолахъ была черта, роднившая ихъ съ простыми сектантами, съ самосожженцами петровской эпохи, съ недавними религіозными борцами за вѣру, тайно сходившимися на баптистскую вечерю для новаго Евангелія. Это огонь неугасимой, фанатической, упрямой

вѣры. Та-же слѣпота ко всему другому. Та-же напряженная, доведенная до экстаза, почти до хлыстовскаго радѣнія, ушедшая въ себя внутрь, сожигающая мысль: вѣра. Какъ нужно креститься: двуперстіемъ или трехперстіемъ? Этотъ вопросъ могъ вызвать пожаръ религіозной ненависти между православіемъ и расколомъ. Кто спасетъ Русь: фабричная труба или хуторъ общинника? Этотъ вопросъ могъ вызвать и вызывалъ величайшую вражду между сектантами марксистскаго и раскольниками эсеровскаго толка. И двигателемъ вражды могла быть, и была — именно эта вѣра, фанатичнѣйшая, сожигавшая интеллигентскую мысль до лихорадки, до внутренняго жара, почти до изувѣрства. Сектанты порой не столько ненавидятъ открытыхъ противниковъ, сколько своихъ-же отщепенцевъ, послѣдователей новой извилины мысли. Наиболѣе лихорадочная вражда заостряется не между классами, а внутри интеллигентской, партійно-сектантской мысли. И все это не со зла, а отъ фанатизма, идущаго до самопожертвованія и отъ вѣры, переходящей въ изувѣрство.

Развѣ, дѣйствительно, мы не европейскіе молельщики?

Европѣ, разочарованной, извѣрившейся, проѣденной скепсисомъ старухѣ, мы принесли юношескій жаръ вѣры: обнаженную мысль Толстого и дѣтски-мудрую, ясновидящую душу Достоевскаго. Европѣ съ ея успокоившимся уже укладомъ, чуть-чуть только кружившей ей голову философіей Заратустры, съ бюргерскими, филистерскими парадоксами Нордау, съ щекочущими,

словно тонкимъ перомъ, графическими завитками мысли Анатоля Франса и Бурже и съ вѣющимъ, только изъ Скандинавіи, вольнымъ вѣтромъ Ибсеновской и Гамсуновской мысли — этой Европѣ, уже усталой, уже чуть-чуть блазированной, привыкшей на кушеткѣ читать «миніатюрную» и портативную философію новеллъ Петера Альтенберга, какъ дессертъ мысли, какъ орѣхи и пастилу — этой Европѣ мы вынесли свѣчечки изъ часовни: — большую свѣчу изъ Ясной Поляны, и маленькую Алеши Карамазова или того мальчика, «который плакалъ въ темнотѣ дѣтскими слезинками и молилъ своего Боженьку».

Мы вынесли свою вѣру.

И если одни говорили: «вѣрую Господи, помоги моему невѣрію» (Марка, 9,24), то были другіе, вѣрившіе безраздѣльно, безраздумно, наитіемъ духа, естествомъ своимъ (Луки 7,9).

Подлинно, вѣра эта была, словно лампада передъ ликомъ «Всѣхъ скорбящихъ радости», ибо в с ю с к о р б ь свою, всю тоску и муку сюда вкладывали и всю р а д о с т ь свою въ этомъ полагали.

. . . .

Герой Ростана всю жизнь свою влекся къ недосягаемой Грезѣ. Принцессѣ Грезѣ. Уже больной, уже умирающій, на парусной галерѣ пріѣхалъ онъ въ желанную землю, — и восторженные глаза, прежде чѣмъ закрыться навѣки, увидѣли воплощенную Мечту.

А что, если-бы Греза оказалась Майей, обманомъ, миражемъ, фантомомъ? Если-бы вмѣсто красивой мечты, прекрасной принцессы на него глянула-бы,

хитро сощурившись и скаля беззубый, смѣющійся ротъ, неприкрытая правда? Не лучше-ли умереть съ мечтой о прекрасномъ, чѣмъ увидѣть грезу жизни втоптанной въ грязь? Увидѣть, что поклонялся не принцессѣ Грезѣ, а смрадной старухѣ или какъ говоритъ въ одной изъ сказочекъ Федоръ Сологубъ, «бабищѣ дебелой и пошлой, имя которой Жизнь»?

А мы это пережили.

Тѣ, умиравшіе въ началѣ войны, въ окопахъ, подъ разрывами шрапнелей, отъ впивавшихся въ нихъ лобзающимъ жаломъ пуль — тѣ, умирая, вѣрили.

Вѣрили въ Русь. Вѣрили въ насъ, остающихся. Вѣрили въ прекрасное будущее. Умирая, падая, уходя въ небытіе — въ послѣдніе миги, быть можетъ, думали: «а всетаки побѣдимъ». Въ затуманенномъ сознаніи не пробѣгало кошмарныхъ, приниженныхъ мыслей безсилія. Холодѣя, умирая — во что-то вѣрили. Въ Принцессу Грезу.

И потомъ пришла она, воплощенная.

Не Принцесса, а «жирная, дебелая бабища, имя которой Жизнь». Вмѣсто улыбки Грезы — кривая гримаса Исторіи, растянувшійся ротъ до ушей, Квазимодо нашей судьбы.

А Революція? А въ началѣ ея? Развѣ тѣ, умиравшіе, не вѣрили воистину, что наступаютъ новые, яркіе, ясные, благословенные дни? Первыя жертвы, развѣ не падали, вѣруя, чуя, привѣтствуя раскрывшейся весенней душой прилетъ новыхъ дней? Развѣ не весну они чуяли? И умирая, въ холодѣющемъ, тускнѣвшемъ сознаніи развѣ не близкое, теплое дуновеніе

этой весны они ощущали? Весны, Принцессы Грезы.. И вотъ она теперь воплощенная. Принцесса-ли Революціи? Греза-ли нашей Свободы? Или можетъ быть, «бабища дебелая и пошлая, имя которой — Жизнь». Не улыбка благословенія, а злая насмѣшка макбетовскихъ вѣдьмъ.

И, быть можетъ, по своему счастливы тѣ ушедшіе въ небытіе въ началѣ войны и въ началѣ Революціи.

Они такъ со своей мечтой и остались. Для нихъ — Греза о Россіи — есть прекрасная и ласкающая мечта, весенняя, залитая мартовскимъ солнцемъ греза о счастьи. Принцесса въ пурпурномъ одѣяніи знаменъ. А не башкирскій эшелонъ, посланный сюда «бабищей, дебелой и пошлой, имя которой есть Жизнь».

И поэтому по своему счастливы эти ушедшіе. Какъ вѣровали, такъ и унесли свою вѣру.

А мы?

А оставшіеся?

* * *

Когда галера, привезшая рыцаря, бросила якорь въ водахъ Принцессы Грезы — было условлено съ нею, что пока онъ не умретъ, на кораблѣ будетъ виться бѣлый парусъ, а если рыцаря не станетъ и онъ не успѣетъ увидѣть своей Грезы, — на мачтѣ повиснетъ черный символъ тоски и унынія: — траурный парусъ.

Минувшіе года нашей жизни — это паруса, взвившіеся на мачтѣ прошлаго. Какимъ долженъ былъ быть стягъ Революціи? Понятно ликующимъ, бѣлымъ, свѣтлымъ, какъ крыло херувима. Это были года, исполне-

нія упованій, величайшей бури, весенняго ликующаго шторма.

И теперь, когда мы уже перешли какой-то рубежъ, оборачиваясь, назадъ видимъ: на мачтѣ галеры прибывшей въ воды прекрасной Грезы, не видно бѣлаго флага чистоты, краснаго паруса яркихъ воплощенныхъ надеждъ. Не видно.

На оставленномъ прошломъ грузно и горестно виситъ черный парусъ.

Оскорбленныхъ надеждъ, осмѣянной вѣры, растоптанныхъ грезъ.

Растоптанныхъ — кѣмъ?

«Бабищей дебелой и пошлой, имя которой: есть— Жизнь».

Ею растоптанныхъ.

* * *

Чего-же намъ не хватаетъ, чтобы воплощать грезы въ жизнь? Что нужно, чтобы наступающія новыя вѣхи нашей судьбы означили-бы поворотъ страны? Что нужно?

Меньше сектантства, фанатическаго изувѣрства, партійной, раскольничьей вѣры. Меньше самовлюбленной замкнутости. Больше будней. Простыхъ рабочихъ будней труда, строительства.

Ибо у насъ тяга къ вѣрѣ, къ самообману, къ самоупоенію. Острый поэтъ современности Саша Черный, говоря о смѣнахъ календарныхъ рубежей, вскрываетъ апатію интеллигентской мысли, отравленной гашишемъ грезы:

Ахъ, милый, хилый Новый Годъ,
Горбатый сморщенный уродъ.
Зажги среди тумана
Цвѣтной фонарь обмана.
Зажги! Мы ждали много лѣтъ —
Быть можетъ, солнца вовсе нѣтъ?
Дай чуда! Вѣдь бывало
Чудесъ въ вѣкахъ не мало.

Вотъ именно: намъ не надо больше жить въ иллюминаціи «цвѣтными фонарями обмана». Нужна проза. Нужна правда. Нуженъ дневной свѣтъ. Пускай онъ будетъ сѣръ и предразсвѣтенъ, пускай онъ будетъ тусклъ, какъ брезжущій полусвѣтъ. Ничего. Надо работать. Пусть зябко и неуютно въ предразсвѣтномъ холодкѣ: надо работать...

Когда-же придутъ въ нашу жизнь простые плотники нашего быта? Строители, работники, каменщики.

Не разслабленные фантасты, не грезеры, не провидцы..

Намъ недостаетъ основныхъ линій нашего быта, простѣйшихъ линій нашего чертежа. Орнаментъ у насъ уже есть и такой еще изощренный: пышное барокко соціалистической и сектантской мысли. А основныхъ линій нѣтъ.

Разумѣется, вѣра нужна. Но вѣра здоровая, упрямая, мудрая и стойкая. Не вѣра, переходящая въ изувѣрство, не вѣра, возжигающая, подобно кострамъ Торквемады, пламень вражды. Нужна вѣра въ свои силы, въ свою будничную работу строительства. Интеллигентская мысль, чтобы не сгнить въ

схоластикѣ партій, сектъ и группировокъ — должна уйти въ будни. И тогда трансцендентный взглядъ на «богоносца-народушко» умретъ. Что-же останется? Останется сила русской души. Ее-то и должно будетъ вывести отъ «цвѣтныхъ фонарей обмана» близкое будущее.

А отъ прошлаго надо уйти.

Пусть слышатся въ немъ, какъ далекіе раскаты, звуки первой марсельезы. Эти звуки заглушены звономъ позднѣйшихъ погромовъ. Языки пламени лижутъ Россію. Гдѣ-то щелкаетъ пулеметъ. И гудятъ глухо, кошмарно и зловѣще, гудятъ что-то «прямые провода» съ Кремля на югъ, и съ сѣвера въ Кремль и обратно. Гудятъ о чемъ-то зловѣще и глухо. Такъ гудятъ телеграфные столбы въ непогоду. Въ осеннюю мокропогодицу. Жутко, зябко, холодно.

И вѣтеръ свиститъ, запутавшись въ «прямыхъ проводахъ».

А на шестѣ у проѣзжей дороги никнетъ черный парусъ съ вышитыми на немъ буквами: Р. С. Ф. С. Р.

Кто вышивалъ?

Вышивала: «бабища дебелая и пошлая, имя которой — Жизнь».

„Русь“.

Посв. Зинаидѣ Ивановнѣ Бухаловой.

Это было такъ странно похоже на коверъ старой, блеклой парчи — эти мѣдные, красные, гобеленовые листья ранней прозрачной осени. Вся верховая дорожка Тюльери такъ густо была осыпана этой покорной, прощальной листвою.

И сразу въ видѣніяхъ встали наши парки, сады и лѣса. Наша дальняя, русская осень. Вѣдь, тамъ у насъ сейчасъ та же блеклая пора, печальное убранство, прозрачная лиственная бронза, густые потоки кармина, и тотъ-же коверъ покорной осени, стелющійся по землѣ. Сухой дернъ съ сѣрыми, пожелтѣвшими остріями умершихъ травъ. Вздымаемые лѣнивою лапой стылаго, еще не злого вѣтра, вороха листьевъ на песчаной дорожкѣ: точно въ медлительномъ танцѣ взметенные вихри. И, кажется, тамъ, за еще необлетѣвшимъ кустарникомъ чья-то свирѣль выводитъ несложное колѣно, немудреную пѣсенку грусти, прозрачнаго утра и близкаго увяданія.

Осень.

* * *

Понятно, жизнь насъ зоветъ къ себѣ: ея бытъ, ея «техника», рамки требуютъ планировки дѣловыхъ повседневныхъ тропинокъ, какого-то хоть маленькаго строительства, обростанія буднями. Иначе нельзя жить. И мы живемъ, ибо есть простой и ясный, — быть можетъ, даже неосознаваемый нами, — законъ соціальнаго выживанія, простой физики. Простой, немудреный законъ:

— Надо жить.

Вы знаете это подсознательное ощущеніе, когда внѣшне, — словно автоматъ, — двигаешься, говоришь, отвѣчаешь, заполняешь видимымъ дѣйствіемъ весь короткій жизненный день отъ зари и до сумерекъ, а внутри слышна — неумолчно и тревожно — какая-то одна густая и протяжная струна. Достаточно остановиться, передохнуть, сдѣлать паузу — и сразу изъ глубины доносится это тревожное, ни на секунду не умолкающее гудѣніе. Словно свистъ вѣтра въ телеграфныхъ проводахъ.

Это мы думаемъ о Россіи.

Живемъ словно какой-то временной, эскизною жизнью. Все у насъ «пока», на время, «на тычкѣ», присѣвши на краешекъ. Тамъ, въ Россіи, когда-то, — жизнь слагалась густая и «всамдѣлишная»,—и радости и горести были выпуклыя и ощутимыя — лѣпили мы и мяли жизнь, какъ глину. И борозды горя и лепестки улыбокъ — все осязалось реально и четко.

Сейчасъ мы живемъ, точно рисуемъ жизнь сквозь «кальку» для копіи, чтобы похоже было на жизнь. Контуры жизни — эскизны и огранически съ нами не связаны. Радости наши блѣдны и въ нихъ есть горесть и тщета. Точно улыбка чахоточнаго, глядящаго на возню дѣтей. Горести наши привычны, какъ тупая, протяжная боль.

Ибо внутри насъ одна большая, все покрывающая, непреходящая боль.

Мы — обреченные: на что бы ни смотрѣли, чѣмъ бы ни жили — всегда въ душѣ встаетъ, словно въ «камеръ-обскурѣ», ясная пластинка прежняго:

— Вотъ такъ у насъ было, въ Россіи.

Это не подсахаренная и не подслащенная боль, не слезливая сентиментальность. Это органическое сродство души, проросшей корнями землю и живущей только ея соками, ея густою и вязкою влагой. Сейчасъ мы внѣ своей почвы, ссыхаемся, никнемъ.

Осень.

* * *

Тамъ у насъ къ этимъ пригожимъ, холодѣющимъ днямъ кустарники дѣлались чернѣе, вѣтки акацій съ шипами острѣе. Стылое, отступившее, похолоднѣвшее небо — виднѣе; пышное, лиственное убранство лѣта падало внизъ и лежало тамъ блеклыми, хрупкими тканями. Это былъ коверъ осени.

Березки стояли стыдливыя, холодѣющія, обнаженныя. Еще остался кой-гдѣ на нихъ желтый, прозрач-

ный, дѣвическій уборъ. Но это были уже лоскутья и пятна. Кольцами, пышными складками лежали внизу упавшія ткани и стыдливо жались березки на холоду нагія, дрожащія.

Не охотно сдавались клены. Боролись, густѣли, наливались осеннимъ румянцемъ, рдѣли. Пробовалъ ихъ сдувать и расшвыривать вѣтеръ, но не могъ. Тогда онъ крѣпчалъ, налеталъ, стиснувъ стылые зубы, хваталъ ихъ лохматыми руками, похожими на волнистые, воздушные упругіе вѣера съ невидимой, кружевною каймой и гудѣлъ, кувыркался, сходилъ съ ума. И клены осыпались съ глухимъ, дружнымъ шуршаніемъ. Ихъ листья уже были облиты густою, мѣдною киноварью, бурыми, темными потоками. Внизу на сухихъ, пожелтѣвшихъ травахъ лежалъ осенній лиственный коверъ блеклаго гобелена.

Невдалекѣ, — стылый и недвижный, — холодною, чуть тусклою зеркальностью — обозначился прудъ.

Наша русская осень — щедрый декораторъ. Она разбросала по пруду пятна опавшихъ листьевъ, словно нарочно обронивъ желтые меленькіе кусочки тканей. Застудила воду, и прудъ сжался, холодный, стальной, — словно мертвый. Вороха листьевъ намела вдоль дорожекъ, рытвинъ и канавъ. Прорисовала небо черными силуэтами безлиственныхъ, обнажившихся кленовъ на сквозной, — ставшей вдругъ просторной, — опушкѣ.

Это все наше.

Какъ въ левитановскомъ «Вѣчномъ покоѣ» смотритъ сверху просторное, грустное, раздумчивое небо.

Познавшее нашу боль и тоску, нашъ стыдъ и паденіе — и все же прощающее насъ небо.

* * *

Проходятъ, — отстучавъ маленькимъ пружиннымъ маятникомъ «тикъ-такъ», мелкіе часы нашей жизни здѣсь, на чужбинѣ. Отстучали, оттикали мелкій, ненужный день, полный суетни, повседневныхъ тревогъ, цѣпкаго, внѣшняго быта. Наступаетъ вечеръ.

И душу осѣняетъ покой и пѣвучія, сладкія и невыносимо-скорбныя думы объ Оставленной. Можетъ быть, душа поетъ или плачетъ, — но уже не мелкіе мы, не повседневные, не будничные. Встаютъ въ душѣ просторы и дали. Свѣтлые, залитые щедрымъ, смѣющимся солнцемъ.

Быть можетъ, все, что есть еще въ душѣ схороненнаго, какъ ладанка, какъ приворотный корешокъ — только оттуда, отъ дней нашей юности, отъ солнечнаго, пѣвучаго дѣтства. Жизнь стучала молоткомъ, и била, — но, словно кувалда по чеканной, красной мѣди — уплотняла, сжимала мелкою дробной чеканкой. Душа крѣпла. И приростала тысячью корней и чувствилищъ къ родному чернозему, къ землѣ, то рыхлой, весенней, то стылой осенней, въ гобеленовыхъ, пышныхъ, шуршащихъ коврахъ.

Лишь теперь, здѣсь, на чужбинѣ, понимаемъ, оторванные, что мало любили, не цѣнили своего. Жили придуманной жизнью въ грезахъ, среди фантомовъ и видѣній. Жили книгой и призраками. Тамъ, гдѣ-то внизу,

цвѣла и проростала безъ насъ жизнь, а мы, роднясь съ ней всѣми корнями и истоками въ подсознаніи, разумомъ жили гдѣ то внѣ, отступя отъ земли. Достоевскій писалъ про Герцена: «Онъ не сдѣлался эмигрантомъ. Онъ имъ сразу родился». Мы уже давно эмигрировали тоже въ какой-то свой особенный, интеллигентскій міръ — фантастическій и надуманный. Онъ былъ весь въ магіи словъ, фразъ, партійныхъ заклинаній, книжныхъ формулъ. Жизнь, похожая на городъ ученыхъ геометровъ, попавшихся на пути Гулливера. Гдѣ суетились, озабоченно и хлопотливо средь «синусовъ», «косинусовъ» и астролябій—въ колпакахъ и халатахъ—странные, поглощенные мечтой маніаки.

А мы?

Развѣ не то-же самое? Маленькій слой надъ огромною, народною толщей, — мы жили цѣликомъ въ мірѣ абстрактныхъ, геометрическихъ линій, невидимыхъ и прочерченныхъ нами-же. Споры общинниковъ съ марксистами, — ярые сектантскіе. Распри партій, ячеекъ и закутъ — упорныя, порой изувѣрныя. Дробныя дѣленія на секціи, фракціи, толпы и группы.

Словно раскольники о двуперстномъ сложеніи спорили о догмахъ, буквахъ, доктринахъ. Измышленными, книжными «косинусами» исчертили вокругъ себя всю жизнь. Все гуще и плотнѣе закрывала насъ эта сѣтка отъ правды, отъ солнца, отъ воздуха — пока не закрыла совсѣмъ плотной, исчерченной тканью. Уже не видѣли жизни, хоть въ подсознаніи и питались отъ ея чревныхъ, густыхъ, подземныхъ источниковъ. Корнями

въ Руси, подымались надъ нею красивымъ и красочнымъ интеллигентскимъ пустоцвѣтомъ.

Потому Рудинъ и былъ гдѣ-то на чужихъ баррикадахъ. Потому и шла наша мысль отъ «фабричной трубы» марксизма къ общинному чернозему Михайловскаго, къ бунтарству Бакунина, къ обгрызкамъ наспѣхъ закроенной для насъ философіи Авенаріуса-Маха, фалды которой вышли изъ моды черезъ полъ года послѣ закройки и висѣли на нашихъ широкихъ плечахъ такъ кургузо и чуждо. Потомъ завернулись не надолго въ тогу Чулковскаго мистическаго анархизма, скользнули въ полосу разочарованія, огарчества и «эго-самости».

На минуту сталъ жгучимъ и манящимъ альковъ «сексуальной проблемы» и о вопросахъ пола прочелъ не одну сотню лекцій самъ Санинъ. Не одна тысяча юныхъ дѣвичьихъ и довѣрчивыхъ рукъ перелистали „De profundis“ Пшибышевскаго и прочихъ Тетмайеровъ. И весь этотъ ворохъ покрыли высокой бумажной горою брошюры, листовки, «Эрфуртскія программы» и Каутскіе, интеллигентская мудрость, нашинкованная легковѣсными стружками «Молота» и «Буревѣстника», Жюль Гэдами и Поль Лафаргами, — высились вокругъ томы кирпичныхъ, неразрѣзанныхъ журналовъ со статьями «О голосованіи подростковъ въ западной Каледоніи» и «Аграрныхъ проблемахъ въ Боливіи». И жилъ интеллигентскій муравейникъ подъ этой бумажной горой, отъединенный и отравленный чадомъ и гарью, ядовитыми испареніями кружковщины и догматизма. На одну минуту въ 914-мъ, когда казалось — словно панцырь — спаялась земля во-едино, шевельнулось что-то

подъ муравейникомъ. Кто-то пытался даже воткнуть въ него трехцвѣтный, радостный флагъ — родное полотнище, натянувшееся на упругомъ, смѣломъ вѣтру. Лишь на секунду. А потомъ кто-то заковырялся, закопошился и засуетилась обычной суетой муравьиная куча: отъ Циммервальда къ Кienталю, отъ оборонцевъ къ «эн-есамъ», къ житейски-мудрой золотой срединѣ кадетъ, къ словамъ, лозунгамъ, ярлыкамъ и кличкамъ. Снова быстрые, словесные искусники, какъ мураши источили, изрѣзали, покрыли все ходами и выходами. А потомъ пришелъ памятный мартъ; тоже на-секунду, казалось, пахнуло чѣмъ-то привольнымъ и радостнымъ. Но сейчасъ-же буйнымъ крапивнымъ цвѣтенiемъ раскинулся, разметался интеллигентскiй чертополохъ. Пришли книжники и фарисеи, грезеры и фантасты. Уже не въ подпольѣ, а по всей землѣ — задвигались, заговорили. И всѣ тѣ догмы, заклятiя, и формулы, что слагались въ подпочвѣ — были разбросаны ядовитыми сѣменами.

И поднялся урожай.

Обильный и страшный, весь въ красныхъ макахъ,

Народной крови.

Теперь то мы видимъ эту Голгофу. Теперь то уже всѣ поняли. И бездну прегрѣшенiй своихъ, и гордыню, и суесловiе, и тщету себялюбiй.

Мы любили себя, свои уголки, закуты — интеллигентское цвѣтенiе мыслей, ритмику усталой души. Любили только себя.

И упустили, утеряли — простую, немудрую и глубинную, безконечно родную и святую для насъ землю.

Русь.

Лишь, здѣсь на студеномъ, зломъ и яростномъ сквознякѣ, поняли, что живемъ только тамъ, что всѣ истоки и корни наши «тамъ». Что не умѣли, не цѣнили, не любили своего. Чурались, не изучали, не проникали сыновнею грудью къ землѣ, къ ея тайникамъ, къ ея чарамъ и волхвованіямъ. И она зоветъ насъ сейчасъ къ себѣ обратно всей мистикой крови уже пролитой и близъ «стѣнокъ», и на Дону, и въ Сибири, и на Уралѣ, и подъ Гатчиной и въ «Ледяномъ» безсмертномъ Корниловскомъ походѣ. Ошибались-ли мы и они, не то, можетъ, дѣлали, что надо — но кровь сыновняя была пролита и льется теперь. И нѣтъ для насъ, уже наказанныхъ, уже изстеганныхъ болью разлуки — муки горшей, чѣмъ жизнь вдали, безъ Нея. И мы наказаны этой мукой, злою и сладкой: качается въ дремахъ и грезахъ душа наша и всѣ, всѣ думы о Ней, и всѣ слезы о Ней, и вся тоска и жаръ безсонныхъ ночей о Ней, сквозь Нее, для Нея.

Для Руси.

И мы еще вернемся туда, когда-либо. Не можемъ не вернуться.

Придемъ умудренные, не съ местью, а съ любовью, придемъ смирившіеся; безъ прежней гордыни. У нея будемъ учиться. Заново строить. Не въ закутахъ, у книжныхъ полокъ среди заклятій и буквъ — а тутъ-же на привольѣ, надъ черноземомъ, подъ смѣлымъ, студенымъ немолкнущимъ вѣтромъ.

* * *

Сейчасъ тамъ осень. Золотая листва. Багр... цъ. Карминъ и охра, лихорадочный румянецъ и б... ая парча. И гобеленъ ковровъ, пышный и царст... ій, упадшій на землю.

И кто-то шуршитъ прощальной листвой. ...-то шуршитъ по лѣснымъ, по осеннимъ коврамъ.

Это — мы. Это — наша душа. Она ходитъ и бродитъ, не видитъ покоя. Вотъ осенній шорохъ въ ...ихъ лѣсахъ, и вздохи и шопотъ вѣтра въ блеклой, ба...ной листвѣ — это мы. Мы тамъ ходимъ. Все вре... неотступно.

Ибо жизнь наша здѣсь — это маленьк... ѣпкіе вынужденные будни. А истинная жизнь наша ...сaнна наша, весь смыслъ души нашей и вся вѣра наша — только Она.

Только — Русь.

Парижъ.